

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2018. Т. 26(1–4). № 1

ISSN 1999-9917

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – Рязанская высшая школа МВД РФ
(федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-59665 от 30.10.2014.

Главный редактор А. А. Крымов

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

Дата выхода в свет 28.03.2018. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации.

Подписные индексы:

объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

© Академия ФСИН России, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Ушатилов Александр Иванович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL TEAM

Krymov Aleksandr Aleksandrovich,
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)

Aksenova Galina Ivanovna,
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Antonjan Jurij Miranovich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Blinkov Oleg Evgen'evich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Gavrilov Boris Jakovlevich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Kashuba Jurij Anatol'evich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Lebedev Semen Jakovlevich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Naumov Anatolij Valentinovich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)

Pleshakov Vladimir Alekseevich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Polishhuk Nikolaj Ivanovich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Ponikarov Vladimir Anatol'evich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Romashov Roman Anatol'evich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)

Starostin Sergej Alekseevich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Suhov Anatolij Nikolaevich,
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Tjugaeva Nina Alekseevna,
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Ushatikov Aleksandr Ivanovich,
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Cheremisova Irina Valer'janovna,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)

Chernyj Evgenij Vladimirovich,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)

Chistjakov Aleksej Alekseevich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

Shatalov Aleksandr Semenovich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 6 *Быков А. В.* К проблеме правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе
- 11 *Кашуба Ю. А.* Возможности создания системы исправительных центров

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 16 *Воробьев Ю. А.* Национальные особенности применения ареста в отношении несовершеннолетних правонарушителей в Германии

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 22 *Артемьев Н. С.* Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений
- 29 *Барабанов Н. П.* Правовой механизм обеспечения безопасности личности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах
- 39 *Румянцев Н. В.* Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие
- 43 *Чистяков А. А., Мажинский Н.* Незаконное изготовление, переделка и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей по уголовному законодательству Российской Федерации и Латвийской Республики
- 50 *Сивцов С. А.* Коррупционные проявления при исполнении пожизненного лишения свободы
- 54 *Фомин В. В.* К вопросу о личной безопасности осужденных в местах лишения свободы
- 57 *Эрхитуева Т. И., Щербаков Г. В., Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю.* Значение условного осуждения и условно-досрочного освобождения для достижения целей наказания
- 64 *Янина И. Ю.* Правила назначения наказания за преступления, совершаемые путем посредственного причинения
- 70 *Дружинин С. В.* Доктринальный подход к определению мер уголовной ответственности за монополистические действия в сфере экономики

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 76 *Гарник С. В., Казакова В. А.* Уголовно-исполнительная политика в сфере организации труда осужденных к лишению свободы

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 84 *Киселев А. М., Королев В. А.* О специфике деятельности органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний при возникновении чрезвычайных обстоятельств криминального характера
- 88 *Анкудинов Н. В., Жарких А. А., Фомичев А. В., Куржев У. Р.* Практико-ориентированное обучение и профессионально-прикладная физическая подготовка в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний
- 92 *Кученев А. В., Юнусов М. А.* Правовая психология профессионального правосознания в деятельности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 100 *Bykov A. V.* On the problem of legal regulation of criminal investigation in the penal service
- 100 *Kashuba Yu. A.* The possibility of creation of correctional centers system

ABROAD

- 101 *Vorobyov Yu. A.* The national peculiarities of arrest application to juvenile offenders in Germany

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 103 *Artemiev N. S.* Criminological research of the behavior of violent domestic crime victims
- 104 *Barabanov N. P.* Legal mechanism of personality safety protection in penal institutions and remand prison centers
- 104 *Rumyantsev N. V.* Investigation experiment as the operational-investigative activity
- 105 *Chistyakov A. A., Mazhinskis N.* Illegal production, alteration and repair of firearms and their main parts under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Latvia
- 107 *Sivtsov S. A.* Corruption practices in the execution of life imprisonment
- 107 *Fomin V. V.* On the question of personal security of prisoners in places of deprivation of liberty
- 108 *Erkhitueva T. I., Shcherbakov G. V., Myakhanova A. N., Dondokova M. Yu.* The importance of probation and parole in achieving the objectives of punishment
- 109 *Yanina I. Yu.* The rules of imposition of punishment for perpetration through an innocent agent
- 111 *Druzhinin S. V.* Doctrinal approach to the determination of criminal liability measures for monopolist activity in the economic sphere

COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 113 *Garnik S. V., Kazakova V. A.* Penal policy in the sphere of labor organization of the persons sentenced to imprisonment

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 114 *Kiselev A. M., Korolev V. A.* On the activity specifics of bodies and establishments of the Federal penal service in cases of criminal emergency
- 115 *Ankudinov N. V., Zharkikh A. A., Fomichev A. V., Kurzhev U. R.* Practice-oriented training and professionally oriented physical training in the educational institutions of the Federal penal Service of Russia
- 116 *Kuchenev A. V., Yunusov M. A.* Legal psychology of professional legal consciousness in the Federal penal service officer's activities

УДК 343.13

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ БЫКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
начальник института,
ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Для цитирования

Быков, А. В. К проблеме правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе / А. В. Быков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 6–10.

Аннотация. В статье анализируются нормы оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность в уголовно-исполнительной системе, отмечаются их фрагментарность и недостаточность, вносятся предложения по совершенствованию правового регулирования этой деятельности с учетом особенностей ее осуществления в условиях функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Федеральная служба исполнения наказаний – один из немногих государственных органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Статья 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) прямо указывает, что на территории Российской Федерации право осуществлять ОРД в числе других предоставляется и оперативным подразделениям данной службы. Между тем правовое обеспечение этой деятельности в уголовно-исполнительной системе (УИС) оставляет желать лучшего.

Российский законодатель, по-видимому, учитывая наличие указанного Федерального закона, весьма лаконично регламентирует оперативно-розыскную деятельность в уголовно-исполнительной системе. Изначально Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) предусматривал единственную статью, посвященную оперативно-розыскной деятельности, причем только в исправительных учреждениях. Действующая без изменений ст. 84 УИК РФ состоит из двух частей, одна из которых содержит перечень задач ОРД, а другая в самой общей форме обозначает субъектов этой деятельности. Обращает на себя внимание, что указанная статья помещена в разделе 12 («Режим в

исправительных учреждениях и средства его обеспечения»). Однако нижеперечисленные задачи ОРД, предусмотренные в УИК РФ (ч. 1 ст. 84), вряд ли могут рассматриваться лишь как средство обеспечения режима. К этим задачам закон, как известно, относит: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

Впоследствии, после принятия Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», когда основное бремя розыска осужденных, совершающих побеги из исправительных учреждений и уклоняющихся от отбывания лишения свободы, было возложено на оперативные подразделения учреждений и органов ФСИН России, УИК РФ был дополнен ст. 18.1 («Объявление розыска и осуществление оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества»). Оперативно-розыскная деятельность при исполнении таких наказаний, согласно этой статье, осуществляется оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы как самостоятельно, так и во взаимодействии с оперативными подразделениями иных государственных органов, определенных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», в пределах их компетенции, а также оперативными подразделениями иных государственных органов, закрепленных указанным Законом (ч. 3 ст. 18.1 УИК РФ).

Аналогичная норма содержится и в ч. 2 ст. 84 УИК РФ, в соответствии с которой оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях осуществляется их оперативными подразделениями, а также другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции. Правда, в данной норме УИК РФ отсутствует предписание о взаимодействии названных субъектов ОРД, что представляется упущением законодателя: без содействия оперативных подразделений исправительных учреждений успешно проводить оперативно-розыскные мероприятия в среде осужденных к лишению свободы вряд ли возможно.

Кроме того, УИК РФ содержит нормы, регламентирующие порядок объявления и осуществления розыска осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, условно осужденных и осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся (злостно уклоняющихся) от контроля уголовно-исполнительных инспекций (ч. 1, 2 ст. 18.1, ч. 2 ст. 30, ч. 3 ст. 39, ч. 4 ст. 46) или отбывания принудительных работ (ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.177), а также осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклоняющихся от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания или не прибывших в колонию-поселение в установленный в предписании срок (ч. 6 ст. 75.1).

Таким образом, УИК РФ фрагментарно регламентирует оперативно-розыскную деятельность в УИС: определяет ее задачи в исправительных учреждениях, устанавливает общий порядок осуществления ОРД в отношении ряда категорий осужденных, подконтрольных уголовно-исполнительным инспекциям и исправительным центрам, в самой общей форме – субъектов оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в среде осужденных к лишению свободы, а также перечисленным выше видам наказания, не связанным с изоляцией осужденных от общества.

В других законодательных актах, регламентирующих ОРД в УИС, содержатся лишь соответствующие бланкетные нормы. Так, Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ст. 13, 14) ограничивается отсылками к федеральному законодательству, в соответствии с которыми учреждения и органы уголовно-исполнительной системы оказывают содействие в решении задач ОРД либо решают их самостоятельно.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ч. 7 ст. 34) также предусматривает бланкетную норму, согласно которой оперативно-розыскные мероприятия в местах содержания под стражей, к которым, в частности, отнесены следственные изоляторы (СИЗО), преследуют цели выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений и проводятся в порядке, предусмотренном законом.

Комплексный анализ норм оперативно-розыскного законодательства позволяет заключить, что под законом в данном случае подразумеваются не только законодательные, но и подзаконные нормативные акты, которые издаются органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Так, Закон об ОРД (ч. 5 ст. 13) устанавливает, что оперативные подразделения осуществляющих ее органов вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах УИС, а значит, определять порядок их организации и тактику совместно с работниками СИЗО. Из этого вытекает, что сотрудники оперативных подразделений следственных изоляторов по меньшей мере обеспечивают проведение указанных оперативно-розыскных мероприятий, если не участвуют в их совместном проведении. В то же время логическое толкование рассматриваемой законодательной нормы приводит к выводу о том, что оперативные подразделения следственных изоляторов могут проводить в них оперативно-розыскные мероприятия и самостоятельно, поскольку ограничение на их автономное проведение адресовано другим субъектам ОРД. При этом, однако, следует руководствоваться предписанием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 95) о том, что при необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий встречи сотрудника органа, осуществляющего ОРД, с подозреваемым допускаются только с письменного разрешения дознавателя, следователя или суда, в производстве которых находится уголовное дело.

Следует также иметь в виду, что положения ст. 84 УИК РФ о розыске осужденных, совершивших побег из исправительного учреждения или уклоняющихся от отбывания лишения свободы, распространяются и на следственные изоляторы, поскольку в них содержатся осужденные, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77 УИК РФ), а также ожидающие этапирования в места лишения свободы. Это тем более справедливо, поскольку в соответствии с ведомственными нормативными актами ФСИН России, регламентирующими организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности в УИС, оперативные подразделения СИЗО в пределах их полномочий являются полноправными субъектами ОРД в УИС.

Углубленный анализ состояния правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, к сожалению, дает основание утверждать, что ни в Законе об ОРД, ни в УИК РФ, ни в других вышеупомянутых законодательных актах не прописан механизм взаимодействия оперативных подразделений учреждений и органов УИС с оперативными подразделениями других государственных органов, осуществляющих ОРД. Отдельные элементы этого механизма

лишь просматриваются в Законе об ОРД (ст. 6, 7, 13, 14) и УИК РФ (ст. 84). Прямое указание на совместное проведение оперативно-розыскных мероприятий содержится в Законе лишь применительно к следственным изоляторам. Очевидно, законодатель исходил из того, что вопросы взаимодействия органов, осуществляющих ОРД, более уместно регламентировать на подзаконном, межведомственном уровне. В результате оперативные подразделения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы оказались в положении «младшего брата», который обязан блюсти интересы «старших братьев», но об интересах которого вспоминают редко. Это усугубляется наметившейся тенденцией обособления органов, осуществляющих ОРД, в частности, при обмене нормативно-правовыми документами и литературой об опыте проведения оперативно-розыскных мероприятий, вероятно, под предлогом обеспечения сохранности сведений, составляющих государственную тайну. В то время как ФСИН России в лице оперативных подразделений ее учреждений и органов в повседневной практике (разумеется, в пределах их полномочий) реализует и общие задачи оперативно-розыскной деятельности, предусмотренные Законом об ОРД, никому из других органов – субъектов этой деятельности не ставится не менее важная задача оперативно-розыскного обеспечения исполнения уголовных наказаний, от успешного решения которого не в последнюю очередь зависит поддержание должного правопорядка в обществе.

Тем временем объективные потребности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы как самостоятельных субъектов ОРД все чаще диктуют необходимость их выхода за традиционные рамки режимных территорий и объектов УИС, что признано и ведомственным нормодателем. В соответствии с основополагающим приказом ФСИН России, регламентирующим основы организации оперативно-розыскной деятельности, допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий за пределами учреждений и органов УИС в случаях:

розыска в установленном порядке подозреваемых, обвиняемых, осужденных, совершивших побег из учреждений уголовно-исполнительной системы, из-под охраны специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию; осужденных, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания либо от контроля уголовно-исполнительной инспекции;

предупреждения, раскрытия подготавливаемого, совершаемого или совершенного в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы преступления подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными и (или) иными лицами;

исполнения поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, определения суда по находящимся в их производстве уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях;

исполнения заданий иных субъектов оперативно-розыскной деятельности в рамках межведомственного взаимодействия;

реализации применения мер государственной защиты в отношении защищаемых лиц, предусмотренных федеральными законами от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Отсутствие необходимого опыта использования всего арсенала разрешенных Законом об ОРД оперативно-розыскных мероприятий на обширной территории страны с разнообразными природными и социальными условиями, а также особенностями динамично меняющейся оперативной обстановки вызывает необходимость срочного

освоения оперативными аппаратами УИС организационно-тактических и особенно оперативно-тактических форм и методов проведения оперативно-розыскных мероприятий при решении конкретных задач ОРД в интересах не только исполнения наказаний, но и обеспечения правопорядка в целом. Все это требует тесного и равноправного сотрудничества с оперативными аппаратами других государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность на территории Российской Федерации.

Вышеизложенное дает основание сформулировать в качестве выводов следующие предложения.

1. Ввиду того что от конечных результатов деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в значительной мере зависит состояние правопорядка в стране, следует согласиться с теми исследователями, которые настаивают на законодательном признании исполнения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера в качестве общей задачи оперативно-розыскной деятельности.

2. Для надлежащего законодательного обеспечения оперативно-розыскной деятельности в специфических условиях уголовно-исполнительной системы представляется целесообразным с учетом высказанных соображений обсудить возможность разработки и введения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации новой главы, специально посвященной вопросам организации ОРД в УИС.

3. По мере накопления практического опыта и актуализации проблемы осуществления ОРД оперативными подразделениями УИС за пределами ее режимных территорий и объектов следует подготовить методические рекомендации, учебные пособия, а при необходимости разработать специальную инструкцию о порядке проведения оперативно-розыскных мероприятий за пределами учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

УДК 343.847

ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КАШУБА,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: koshianatol@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Для цитирования

Кашуба, Ю. А. Возможности создания системы исправительных центров / Ю. А. Кашуба // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 11–15.

Аннотация. Анализируются вопросы применения принудительных работ. Федеральной службой исполнения наказаний были внесены предложения по совершенствованию нормативно-правового обеспечения и расширению сети исправительных центров. Прогнозируется значительный рост численности осужденных к принудительным работам в случае принятия решения, согласно которому вставших на путь исправления осужденных из колоний будут направлять в исправительные центры перед условно-досрочным освобождением. В качестве новой формы исправительного воздействия возможно привлечение осужденных в исправительных центрах к высокооплачиваемым работам, выполняемым, как правило, свободными гражданами по дорогостоящему вахтовому методу. Высокая заработная плата будет стимулировать исправление осужденного и его ресоциализацию.

Предлагается создать передвижные механизированные исправительные центры по аналогии с передвижными механизированными колоннами, используемыми для строительства ряда объектов. Расширение сети исправительных центров возможно также путем: а) реорганизации соответствующих колоний-поселений; б) создания участков исправительных центров при колониях-поселениях; в) создания участков исправительных центров при исправительных учреждениях; г) создания передвижных механизированных исправительных центров (пилотные проекты). При устранении коллизий и недостатков, присущих правовым нормам, регламентирующим порядок применения принудительных работ, а также при расширении сферы их действия данный вид наказания потенциально будет более эффективным в отношении функций, в настоящее время выполняемых такими видами наказаний, как исправительные работы, обязательные работы и ограничение свободы. Тем самым будут упрочены новые возможности системы исправительных центров и обеспечена их эффективность.

Ключевые слова: совершенствование нормативно-правового обеспечения, принудительные работы, исправительные центры, передвижные механизированные исправительные центры, места дислокации, вахтовый метод.

После нескольких лет подготовки ФСИН России приступила к исполнению с 1 января 2017 г. нового вида наказания – принудительных работ. Введены в эксплуатацию 4 исправительных центра (ИЦ) в Приморском и Ставропольском краях, Тамбовской и Тюменской областях, созданы 7 изолированных участков, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ), при исправительных учреждениях в республиках Башкортостан и Карелия, Забайкальском крае, Архангельской, Новосибирской, Самарской и Смоленской областях с лимитом наполнения 432 осужденного. Общий лимит наполнения в указанных ИЦ и УФИЦ составляет 896 осужденных. В текущем году ФСИН России планирует открыть еще 7 исправительных центров в Якутии, Татарстане, Волгоградской, Костромской, Оренбургской, Челябинской областях и Санкт-Петербурге, а также 8 участков при колониях, что обеспечит возможность их наполнения осужденными к принудительным работам до 5000 человек в год.

Президентом Российской Федерации В. В. Путиным поставлена задача о создании к 2019 г. системы исправительных центров. Это позволит сократить количество отбывающих наказание в местах лишения свободы, облегчить содержание осужденных по преступлениям небольшой и средней тяжести.

Анализ вопросов применения принудительных работ выявил ряд проблем, требующих урегулирования либо рассмотрения новых предложений.

1. Федеральной службой исполнения наказаний были внесены предложения по совершенствованию нормативно-правового обеспечения и расширению сети исправительных центров. Большинство высказанных предложений может быть поддержано.

2. Министерство юстиции Российской Федерации подготовило законопроект «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации», предусматривающий возможность для лиц, твердо вставших на путь исправления, замены наказания в виде лишения свободы на принудительные работы с последующим условно-досрочным освобождением и направленный на повышение эффективности системы мер социальной адаптации осужденных. На коллегии Минюста России, состоявшейся в феврале 2017 г., министр юстиции А. В. Коновалов отметил, что необходимо создавать новые возможности для привлечения российских предпринимателей с целью развития производственной базы и в колониях, и в исправительных центрах.

3. Возмещение в полном размере ущерба потерпевшим от преступных посягательств практически не осуществляется. При дефиците трудовых ресурсов общество несет значительные потери в связи с тем, что десятки тысяч трудоспособных осужденных не обеспечены рабочими местами, а недостающие трудовые ресурсы импортируются из других стран в виде мигрантов. Бюджет несет ежегодно возрастающие затраты по содержанию уголовно-исполнительной системы (УИС). Все перечисленное свидетельствует об острой необходимости принятия радикальных мер по исправлению сложившегося положения.

Прогнозируется значительный рост численности осужденных к принудительным работам, в том числе в случае принятия законодателем решения, согласно которому вставших на путь исправления осужденных из колоний будут направлять в исправительные центры перед условно-досрочным освобождением. По мнению О. Ю. Голодец, представляется целесообразным разработать предложения о внесении изменений в действующее законодательство Российской Федерации. Предусматривается квотирование рабочих мест для осужденных к принудительным работам, в том числе путем предоставления преимущественного права трудоустройства осужденных к принудительным работам, в организациях, где предусмотрены квоты для трудоустройства иностранных

граждан [3]. Думается, что такое решение должно применяться взвешенно, поскольку в этом случае может возрасти незаконная трудовая миграция, а также криминальная активность мигрантов.

В качестве новой формы исправительного воздействия может использоваться привлечение осужденных в исправительных центрах к высокооплачиваемым работам, выполняемым в настоящее время, как правило, свободными гражданами по весьма дорогостоящему вахтовому методу [2]. В данном случае высокая заработная плата будет стимулировать исправление осужденного и его ресоциализацию. К таким работам можно отнести участие осужденных в промышленной заготовке древесины, строительстве линейных объектов, в число которых входят межгородские автомобильные магистрали, железные дороги, газопроводы, нефтепроводы, высоковольтные линии электропередач, а также строительство объектов, например, в труднодоступных и малозаселенных районах с суровыми природно-климатическими условиями. С этой целью целесообразно создавать передвижные механизированные исправительные центры (ПМИЦ) по образу и подобию передвижных механизированных колонн (ПМК), которые используются для строительства такого рода объектов в настоящее время. Важно отметить, что в этом случае не требуются какие-либо затраты, связанные с созданием инфраструктуры социально-культурного назначения для работников и их семей, которые необходимы, когда формирование предприятий и организаций осуществляется в необжитых районах [6, с. 186]. Опыт такой организации отбывания наказания осужденных уже прорабатывался при функционировании временных лесозаготовительных участков по очистке ложа Богучанской ГЭС (ГУФСИН России по Красноярскому краю) [1, с. 10]. Примеры работы таких ПМИЦ имеются в современной практике уголовно-исполнительной системы Беларуси.

Задачи повышения эффективности промышленного производства и переход на самообеспечение и самофинансирование требуют серьезного реформирования и инновационных предложений, изменения структуры производственного сектора ФСИН России. Например, предлагается создать этот сектор в виде концернов на правах территориального (или регионального) органа. Данные концерны могут вполне успешно конкурировать на рынке производства продукции и оказания услуг. В настоящее время часто из-за отсутствия средств исправительное учреждение не может даже внести крупный залог для участия в тендере. Эту проблему в состоянии успешно решать концерны, которые, выиграв тендер, могут распределять заказ между подведомственными исправительными учреждениями. Кроме того, такие концерны могут заниматься профессиональной подготовкой кадров, техническим руководством, централизованными поставками сырья, оборудования, реализацией продукции [6, с. 192]. Организационную структуру функционирования такого концерна можно представить на примере промышленной заготовки древесины, ее переработки, реализации и использования в виде конечного продукта. В данный момент в состав УИС входят 108 подразделений, являющихся единственными государственными организациями, занимающимися многоцелевым использованием лесосырьевых ресурсов и крайне заинтересованными в организации их переработки [5]. Думается, заготовка древесины может осуществляться ПМИЦ, оснащенными специальными машинами и механизмами, современными передвижными бытовыми и специальными помещениями, способными функционировать в любых, даже самых удаленных и труднодоступных районах с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Наряду с заготовкой древесины исправительные центры могут одновременно осуществлять рекультивацию земель с лесопосадкой.

Такие центры могут носить сезонный характер, функционировать по принципу «десанта» в любую точку региона и с окончанием работ на заданной площади лесного массива передислоцироваться на другие участки. Заготовленная древесина должна поступать в исправительные учреждения, занимающиеся ее глубокой переработкой с выпуском строительных материалов, сборных жилых домов, коттеджей, бань, беседок, мебели с большой добавочной стоимостью. Данные исправительные центры в части производственной деятельности должны подчиняться отраслевым концернам или объединениям, а относительно исполнения наказания – территориальным органам УИС, в границах которого ими ведутся работы.

Исправительные центры, входящие в состав концерна, в том числе передвижные, могут специализироваться на сборке домов и коттеджей, строительстве агрогородков, поселков, восстановлении населенных пунктов, пострадавших от чрезвычайных ситуаций (наводнения, пожары и др.) в регионе, оказывать соответствующие услуги населению. В составе концерна могут быть и торговые предприятия, реализующие продукцию, произведенную пенитенциарными учреждениями. Вся оставшаяся заготовленная древесина может реализовываться другим юридическим и физическим лицам без права ее экспорта в непереработанном виде с соответствующим оформлением товарно-транспортных документов.

При выборе места дислокации исправительного центра важно иметь в виду возможность его дальнейшего функционирования в единой технологической увязке с производством других исправительных учреждений. Последние, например, в рамках промышленной зоны исправительной колонии могут производить строительные материалы, а исправительный центр в лице осужденных, являющихся в рабочее время, по существу, свободными гражданами, из этих материалов выполнять строительно-монтажные работы на объектах юридических и физических лиц. При таком порядке создаются также условия для реализации возможности замены наказания в виде лишения свободы на принудительные работы с перспективой проживать с семьей в собственном или арендованном жилье. При этом не требуется дополнительных затрат, связанных с перемещением осужденных.

Расширение сети исправительных центров возможно также путем: а) реорганизации соответствующих колоний-поселений (удачные примеры такой организации – создание многочисленных исправительных центров на Украине: Широковский ИЦ, ранее сельскохозяйственная колония-поселение, в 2004 г. перепрофилирована в исправительный центр; Устиновский ИЦ, ранее колония-поселение для лиц, вставших на путь исправления; Александровский ИЦ, ранее сельскохозяйственная колония-поселение для лиц, вставших на путь исправления, в 2004 г. перепрофилирована в исправительный центр; Новобугский ИЦ, ранее сельскохозяйственная колония-поселение, в 2002 г. перепрофилирована в исправительный центр и др.; б) создания участков ИЦ при колониях-поселениях; в) создания участков ИЦ при ИУ; г) создания ПМИЦ (пилотные проекты в 3–4 регионах).

Успешная реализация назначения и исполнения наказания в виде принудительных работ невозможна без гибкого учета всего комплекса характеристик осужденных. Об их общей характеристике можно судить в первую очередь по данным официальной статистики, например, за 2015 г.: 60,5 % из числа осужденных являлись трудоспособными лицами без определенных занятий; 66,3 – не имели постоянных источников дохода; 44,5 % – были ранее судимыми (включая лиц, имевших снятые и погашенные судимости) [4]. Учитывая, что абсолютно большую часть осужденных составляют лица

без определенных занятий и без постоянных источников доходов, можно предполагать либо отсутствие у них профессиональной подготовки, либо утрату ими навыков. В этом случае такие виды работ, как промышленная заготовка древесины и строительство линейных объектов с их инфраструктурой, более всего соответствуют структурному составу осужденных УИС, который может с успехом выполнять эти работы. Особенности технологических карт выполнения такого рода работ заключаются в том, что на одного рабочего с высоким квалификационным разрядом приходится несколько рабочих на подсобных и вспомогательных работах с низким разрядом либо вообще его не имеющего. В таком случае последние могут пройти минимальную подготовку, связанную в основном с техникой безопасности выполняемых работ, в максимально короткие сроки и при минимальных затратах на обучение. Выполнение перечисленных видов работ (как правило, высокооплачиваемых) наиболее выгодно осуществлять на основе соответствующих контрактов с осужденными вахтовым методом путем создания ПМИЦ. Все прочие работники таких центров, имеющие требуемую квалификацию, в том числе инженерно-технические работники и управленческий персонал, могут быть сформированы также из числа осужденных. Руководящий состав ПМИЦ и другие специалисты, связанные с процессом исполнения наказания, а также гражданские лица будут работать в таком случае в режиме вахтового метода.

При устранении противоречий и недостатков, присущих правовым нормам, регламентирующим порядок применения принудительных работ, а также расширении сферы их действия данный вид наказания приобретет потенциальные возможности для более эффективного использования функций, которые в настоящее время исполняют такие виды наказаний, как исправительные работы, обязательные работы и ограничение свободы. Все это, возможно, сделает в будущем целесообразным замену всех перечисленных видов наказаний на такой вид, как принудительные работы. Тем самым будут упрочены новые возможности системы исправительных центров и обеспечена их эффективность.

Библиографический список

1. Аксенова А. В., Дербышева Н. В., Трубецкой В. Ф. Особенности организации труда осужденных на обособленных объектах (участках), предназначенных для отбывания наказания осужденных, и их трудоустройства // Научное обеспечение реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : сб. науч. тр. докторантов, адъюнктов и соискателей. Рязань, 2011. С. 8–13.
2. Гвоздицких А. Вахтовый метод работы // KADROVIK.RU. 2009. № 1. URL : <http://www.kadrovik.ru/modules.php> (дата обращения: 01.09.2017).
3. Выступление О. Ю. Голодец на Гайдаровском форуме 12.01.2017. URL : <http://gaidarforum.ru/news/na-gaydarovskom-forume-obsudili-prioritetnye-proekty> (дата обращения: 01.09.2017).
4. Российский статистический ежегодник. 2015 : стат. сб. М., 2015. 728 с. Раздел 11 : Правонарушения.
5. О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : стеногр. отчет о заседании президиума Государственного совета // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3150> (дата обращения: 01.09.2017).
6. Суховаров К. А. Уголовные наказания имущественного характера как альтернатива лишению свободы: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 266 с.

УДК 343.125.5(430)

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВОРОБЬЕВ,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: jurij.worobjow@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АРЕСТА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ГЕРМАНИИ

Для цитирования

Воробьев, Ю. А. Национальные особенности применения ареста в отношении несовершеннолетних правонарушителей в Германии / Ю. А. Воробьев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 16–21.

Аннотация. Работа с несовершеннолетними правонарушителями традиционно признается специалистами сложной и многоаспектной, требующей постоянного совершенствования профессиональных умений и навыков, а также повышения уровня знаний для успешной работы в данной области. В связи с этим определенный интерес может представлять знакомство с опытом работы немецких специалистов в области ювенального уголовного права, в частности, в сфере применения ареста как одной из форм принудительных мер.

Арест несовершеннолетнего правонарушителя, понимаемый как краткосрочное лишение свободы в воспитательных целях, применяется в Германии прежде всего к лицам, совершающим антиобщественные проступки. Являясь крайним средством правового воздействия (своеобразным *ultimaratio*), арест вместе с тем достаточно часто назначается немецкими ювенальными судами, что подтверждается статистическими данными, приведенными в статье. В современной немецкой правоприменительной практике арест применяется в качестве первичной санкции, а также санкции, принуждающей молодого человека к выполнению мер воспитательного характера, наложенных ранее. За долгий срок использования данной меры немецкая правовая система выработала различные формы и виды ареста, различающиеся и по содержанию, и по продолжительности, и по месту исполнения данной санкции, что позволяет рассматривать ее в качестве одного из важных элементов в системе немецкого ювенального права.

Ключевые слова: ювенальное уголовное право, несовершеннолетний правонарушитель, принудительные меры, арест, виды и формы ареста несовершеннолетних, арестный дом для несовершеннолетних.

Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Германии традиционно проводится в рамках отдельной – ювенальной – сферы, включающей в себя особый порядок судопроизводства и систему судов, наличие служб и учреждений, специали-

рующихся на работе с данной категорией лиц, а также правовую базу, опирающуюся прежде всего на ювенальное уголовное право (Jugendstrafrecht), а также на Закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних (Jugendgerichtsgesetz, далее – JGG) [1], который является основным источником ювенального уголовного права Германии и представляет собой комплексный законодательный акт, содержащий нормы уголовного, уголовно-процессуального права и в определенной степени уголовно-исполнительного права.

Основная цель данного Закона – перевоспитание молодого правонарушителя и предупреждение совершения им новых противоправных деяний (§ 2 JGG). Исходными принципами применения Закона являются соразмерность правового воздействия совершенному противоправному деянию и таргетность, то есть нацеленность на конкретную возрастную группу, обладающую определенными свойствами девиантного поведения, такими как устойчивое упорство в совершении антиобщественных поступков и некритичное восприятие своего поведения.

Для решения поставленной цели Закон предоставляет следующие виды формальных правовых последствий проступка (преступления): меры воспитательного характера (§ 9–12 JGG), принудительные меры (§ 13–16A JGG) и уголовное наказание, предусмотренное законодательством для несовершеннолетних преступников (§ 17, 18 JGG).

Принудительные меры, к которым помимо ареста относятся предупреждение (Verwahrung) (§ 14 JGG) и обязанности, возлагаемые на несовершеннолетнего правонарушителя (Auflagen) (абз. 1 § 15 JGG), занимая промежуточное положение, обладают свойствами и воспитательных мер, и уголовного наказания. Не случайно в специальной литературе встречаются термины, объединяющие оба понятия, например, Erziehungsstrafen (воспитательные наказания) и Jugenddisziplinarstrafen (дисциплинарные наказания для несовершеннолетних) [2]. Данная характеристика в еще более концентрированном виде проецируется и на такую форму принудительных мер, как арест, являющийся краткосрочным лишением свободы в воспитательных целях, но в то же время обладающий репрессивной функцией с элементами устрашения [3].

Решение о применении ареста в отношении несовершеннолетнего правонарушителя выносится ювенальным судом (судьей по делам несовершеннолетних). При этом арест может выступать в качестве как первичной, так и вторичной санкции. Данная дихотомия дает возможность применять арест в случае, если назначение воспитательных мер или менее строгих принудительных мер уже не приносит ожидаемого результата, однако вынесение уголовного наказания было бы слишком суровой санкцией за совершенное правонарушение (§ 13 JGG).

Не являясь уголовным наказанием, арест не назначается судом в качестве условной меры, он не фиксируется в уголовном реестре, но факт назначения ареста вносится в общефедеральный реестр правонарушений, совершенных несовершеннолетними.

Арест применяется в Германии к подросткам в возрасте от 14 до 18 лет и молодым людям от 18 до 21 года. В отношении второй категории лиц он используется только в том случае, если будет доказано, что во время совершения правонарушения их умственное и моральное развитие или условия и мотивы преступления соответствовали развитию подростка. В специальной литературе отмечаются случаи назначения ареста в отношении молодых людей в возрасте старше 21 года, но это встречается крайне редко. Таким же редким явлением является отбытие ареста 14-летними подростками. Большинство арестованных находятся в возрасте от 17 до 21 года [4]. Немецкая система ювенального права различает следующие формы ареста.

1. Арест как прямая санкция в отношении несовершеннолетнего правонарушителя (Urteilsarrest) в соответствии с § 16 JGG. В правоприменительной практике он часто именуется стандартным в отличие от ареста, назначаемого в качестве меры пресечения неповиновения. Такой арест является санкцией, которая применяется судом в ответ на конкретное правонарушение несовершеннолетнего.

2. Арест в качестве меры пресечения неповиновения (Ungehorsamsarrest) в соответствии с абз. 3 § 11 JGG. Отличие данного вида ареста от предыдущего заключается в том, что он не является прямым правовым последствием, а назначается в том случае, если несовершеннолетний правонарушитель не выполняет или выполняет в недостаточном объеме ранее возложенные на него судом обязанности (абз. 3 § 15 JGG), не следует указаниям (абз. 3 § 11 JGG) или нарушает закон в период условного (или отсроченного) уголовного наказания (§ 16A JGG). Арест имеет своей целью понуждение несовершеннолетнего правонарушителя к выполнению указанных требований (указаний), но не заменяет их. Эта принудительная мера может применяться судом до тех пор, пока эти судебные решения в отношении несовершеннолетнего правонарушителя не будут выполнены или судом не будет вынесено иное решение.

2.1. В качестве особой формы ареста, пресекающего неповиновение, необходимо выделить характерный для немецкой правоприменительной практики арест за непосещение школьных занятий [(Schul)-OWi-Arrest]. Он используется в тех случаях, когда все предыдущие меры воспитательного воздействия на злостных прогульщиков не принесли ожидаемого результата или не исполняются. Данный вид ареста применяется в Германии достаточно часто. Так, примерно 20–25 % лиц, отбывающих арест, находятся в соответствующих учреждениях именно за данное административное правонарушение [5].

2.2. Предупредительный арест (Warnschussarrest). Данная форма ареста применяется с момента вступления в силу в 2013 г. Закона о расширении полномочий судей по делам несовершеннолетних (Gesetz zur Erweiterung der jugendgerichtlichen Handlungsmöglichkeiten), в соответствии с которым условное уголовное наказание может дополняться арестом, применяемым при противоправном поведении осужденного (§ 16A JGG). В этом случае арест выполняет функцию «предупредительного выстрела» (Warnschuss), то есть сигнализирует несовершеннолетнему правонарушителю о возможности переквалификации условного наказания в реальное, если он и дальше не будет вести законопослушный образ жизни.

В немецкой правоприменительной практике арест как мера пресечения неповиновения используется реже, чем «стандартный» арест. На данный момент их соотношение определяется как 40 % на 60 % [6]. Все вышеназванные виды ареста несовершеннолетних правонарушителей могут иметь различную продолжительность и содержание.

В рамках немецких принудительных мер (абз. 1 § 16 JGG) различают:

а) арест несовершеннолетнего, распространяющийся на время досуга в течение недели (Freizeitarrest). Его продолжительность обычно составляет двое суток. Данный вид ареста может назначаться судом в качестве однократной или двукратной меры (в последнем случае необходимо временное разграничение) (абз. 2 § 16 JGG). Обычно отбытие ареста назначается на выходные дни, поэтому в немецкой правоприменительной практике его часто называют арестом на время уикенда (Wochenendesarrest). Он может быть назначен и на праздничные дни, но длиться не более двух суток. Вместе с тем в соответствии с § 86 JGG руководитель учреждения, в котором отбывается арест, или судья по делам несовершеннолетних при условиях, указанных в абз. 3 § 16 JGG, вправе продлить его уже в качестве краткосрочного ареста.

При отбытии данного вида ареста на передний план выходит создание у несовершеннолетнего правонарушителя шокового эффекта в результате резкой смены обстановки, достигаемой при помощи строгой организации исполнения и большого числа запретов. В частности, арестованным запрещается пользоваться телефоном, компьютером, смотреть телевизионные передачи, слушать радио, а также курить. Приветствуется чтение учебной (профессиональной) или религиозной литературы, участие в церковных службах и т. п. Во время исполнения данного вида ареста значительную часть времени арестованный проводит в своей камере в одиночестве, что, по мнению немецких законодателей, должно подвигнуть его к раздумьям над своим поведением [§ 6 Jugendarrestvollzugsordnung (далее – JAVollzO)] [7]. Отбывается этот вид наказания, как правило, в арестных камерах участковых судов;

б) краткосрочный арест (Kurzarrest). Данная форма ареста применяется обычно вместо ареста, распространяющегося на свободное время, в том случае, если для выполнения конкретных воспитательных задач этот вид ареста представляется более целесообразным. Отбывается он в арестных домах для несовершеннолетних правонарушителей (Jugendarrestanstalten). Его стандартная продолжительность составляет четверо суток. Обычно он назначается на время отпуска или каникул, чтобы не влиять негативно на учебу несовершеннолетнего (если он учится) или на его трудоустройство (абз. 3 § 16 JGG);

в) долгосрочный арест (Dauerarrest). Он может длиться от одной до четырех недель, его исчисление возможно также в сутках (абз. 4 § 16 JGG). Данный вид ареста является самым продолжительным и назначается за достаточно серьезные деликты (причинение телесных повреждений, кражи, управление транспортом в состоянии алкогольного опьянения и т. д.). Организация долгосрочного ареста несколько отличается в разных федеральных землях, например, за счет применения более открытого или закрытого режима, однако максимально возможная продолжительность не всегда самая эффективная. Наиболее оптимальным является пребывание в учреждении от двух до трех недель [8]. В течение этого срока еще не притупляется восприятие происходящего, появляется возможность вывести несовершеннолетнего из-под негативного влияния его окружения, существующего вне учреждения. Такая продолжительность ареста позволяет проводить целенаправленную и последовательную работу над исправлением несовершеннолетнего в рамках различных психологических и социально-педагогических программ. О востребованности данной формы ареста свидетельствует частота его назначения немецкими судами. Так, только в земле Северный Рейн-Вестфалия в 2015 г. его отбывали 5000 человек [9].

Следует отметить, что арест является формой лишения свободы, которую несовершеннолетние правонарушители отбывают в Германии чаще всего. По данным Статистического федерального ведомства, в 2013 г. ювенальными судами было осуждено 81 737 несовершеннолетних. К 14 481 из них была применена принудительная мера в виде ареста, в том числе к 2020 девушкам [6]. Для сравнения: в 13 187 случаях были вынесены приговоры о наказаниях несовершеннолетним преступникам, из них 7991 наказание было условным, то есть получается, что арест как одна из форм лишения свободы применяется немцами чаще, чем наказание, предусмотренное ювенальным уголовным законодательством [6].

Практика применения различных видов ареста в федеральных землях очень неоднородна. В то время как в Баварии, например, в 2014 г. арест в соответствии с § 16A JGG применялся 171 раз, в земле Нижняя Саксония – 111, а в Гессене – 62, то в Бранденбурге – всего 4 раза [10].

Об эффективности той или иной санкции часто судят и по ее удельному весу рецидива. В случае с арестом он представляется достаточно высоким – 61 % (по состоянию на 2013 г.) [11]. Однако это на первый взгляд. Немецкие специалисты полагают, что «высокий процент рецидива не должен никого вводить в заблуждение относительно малой эффективности ареста, так как при его применении речь идет о категории лиц, криминализированных в очень высокой степени» [12].

Исполнение ареста несовершеннолетнего правонарушителя только в общих чертах регламентируется Законом об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних (§ 90). Более детально оно регулируется Положением о порядке исполнения ареста по отношению к несовершеннолетним правонарушителям (JAVollzO) [7], вступившим в силу в 1966 г. и значительно переработанным в 1976 г. В рамках реформы федеративных отношений начиная с 2007 года на основе этого положения каждая федеральная земля приступила к созданию собственного правового акта. В настоящее время в девяти землях эти положения (законы) вступили в силу, в остальных в качестве временного варианта действует прежнее общегерманское положение.

При определенных региональных особенностях положений неизменной осталась цель ареста несовершеннолетнего правонарушителя – «воздействие на чувство собственного достоинства несовершеннолетнего и донесение до него мысли о необходимости нести ответственность за совершенное противоправное деяние» (абз. 1 § 90 JGG), а также базовые положения об организации исполнения ареста, к которым можно, например, отнести обязательное пространственное разграничение учреждений для отбытия ареста несовершеннолетними от следственных изоляторов и пенитенциарных учреждений для взрослых (абз. 2 § 1, JAVollzO), разделение арестованных по половому признаку (абз. 3 § 1 JAVollzO), наличие хорошо организованного воспитательного процесса (абз. 3 § 3 JAVollzO), а также социально-педагогическая помощь подростку, оказавшемуся в непростой жизненной ситуации (абз. 2 § 10 JAVollzO).

В современном немецком юридическом сообществе арест несовершеннолетнего правонарушителя имеет неоднозначную оценку, появившуюся, кстати, уже во время включения данной формы принудительных мер в немецкое ювенальное уголовное право в октябре 1940 г. после вступления в силу Постановления о дополнении ювенального уголовного права (*Verordnung zur Ergänzung des Jugendstrafrechts*). В данном контексте можно провести определенную параллель с институтом превентивного заключения в Германии, также достаточно неоднозначно воспринимаемым в немецком обществе и впервые получившим реальную правовую экспликацию во времена нахождения у власти национал-социалистов [13].)

Благое намерение немецких законодателей воздействовать на несовершеннолетнего правонарушителя еще одной (пусть и очень строгой) воспитательной мерой и тем самым отодвинуть реальное уголовное наказание было дополнено плохо с этой мерой согласующимися элементами возмездия за содеянное и устрашения, характерными для Германии того времени, что и стало одним из «спусковых механизмов» для критики. Однако наряду с этим нельзя не отметить тот факт, что, несмотря на противоречивость оценок данной правовой санкции, положения, регламентирующие назначение ареста в отношении несовершеннолетних правонарушителей, постоянно совершенствуются законодателями уже на протяжении почти 80 лет, активно применяются немецкими ювенальными судами и играют важную роль в современной правовой системе Германии.

Библиографический список

1. Jugendgerichtsgesetz / Juris GmbH Juristisches Informationssystem für die BRD : сайт. URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/jgg> (дата обращения: 10.10.2017).
2. Lehmann A. Strafe als Erziehungsmittel. Eine Analyse von Konzepten und der Wirksamkeit der Strafe. Hamburg Bachelor + Master Publishing, 2015. URL : <https://books.google.ru/books?id=FxNOCwAAQBAJ&pg=PA37&lpg=PA37&dq=Erziehungsstrafen&source> (дата обращения: 15.10.2017).
3. BGHSt 18, 207. Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen : сайт. URL : <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bs018207.html> (дата обращения: 10.10.2017).
4. Jugendarrest in Deutschland / Deutsches Jugendinstitut e.V. URL : https://www.dji.de/fileadmin/user_upload/jugendkriminalitaet/Jugendarrest_in_Deutschland.pdf (дата обращения: 01.10.2017).
5. Krützfeld. A. Was, so viele Schulschwänzer im Knast?/ Krautreporter. 13. Mai 1915. URL : <https://krautreporter.de/670-was-so-viele-schulschwänzer-im-knast> (дата обращения: 11.10.2017).
6. Arbeitsstelle Kinder – und Jugendkriminalitätsprävention. Jugendarrest in Deutschland / Deutsches Jugendinstitut. URL : <https://www.dji.de/ueber-uns/projekte/projekte/arbeitsstelle-kinder-und-jugendkriminalitaetspraevention/jugendarrest-in-deutschland/zentrale-befunde-der-dji-befragung.html> (дата обращения: 10.10.2017).
7. Jugendarrestvollzugsordnung. Juris GmbH Juristisches Informationssystem für die BRD : сайт. URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/javollzo/BJNR005050966.html> (дата обращения: 12.10.2017).
8. Streng F. Jugendstrafrecht. C.F. Müller GmbH, Heidelberg, 2016. URL : <http://www.jurawelt.com/sunrise/media/mediafiles/14091/jugendarrest.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).
9. Hielscher J. Dauerarrest soll jugendliche Straftäter wachrütteln / RP. Online, 13. Oktober 2016. URL : <http://www.rp-online.de/nrw/panorama/dauerarrest-soll-jugendliche-straftaeter-wachruetteln-aid-1.6322841> (дата обращения: 10.10.2017).
10. Anwendung des Jugendarrests neben zur Bewährung ausgesetzter Jugendstrafe / Deutsche Vereinigung für Jugendgerichte und Jugendgerichtshilfen e. V. 14. April 2014. URL : <http://www.dvjj.de/nachrichten-aktuell/anwendung-des-jugendarrests-neben-zur-bew-hrung-ausgesetzter-jugendstrafe-16a> (дата обращения: 10.10.2017).
11. Jehle J.-M., Albrecht H.-J., Hohmann-Fricke S., Tetel C. Recht. Legalbewährung nach Strafrechtlichen Sanktionen. Herausgegeben vom Bundesministerium der Justiz und Verbraucherschutz. Berlin, 2016. URL : http://www.bmfv.de/SharedDocs/Publikationen/DE/Legalbewaehrung_strafrechtliche_Sanktionen_Kurzbroschuere.pdf?__blob=publicationFile&v=8 (дата обращения: 19.10.2017).
12. Kretschmer M. Seminar zum Jugendstrafrecht. Universität Bayreuth, 2001. URL : <http://www.jurawelt.com/sunrise/media/mediafiles/14091/jugendarrest.pdf> (дата обращения: 09.10.2017).
13. Воробьев Ю. А. Институт превентивного заключения в Германии: история и современное состояние (правовой аспект) // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 17–23.

УДК 343.122:343.54

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: eo534@yandex.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ПОТЕРПЕВШИХ В НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Для цитирования

Артемьев, Н. С. Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений / Н. С. Артемьев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 22–28.

Аннотация. Насильственные преступления по степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий превосходят другие криминальные проявления. Они наносят непоправимый ущерб обществу. Ежегодно потерпевшими от них становятся сотни тысяч людей. Лица, совершающие такие преступления, распространяют стереотип агрессивно-насильственного поведения в бытовой и досуговой среде. Эти криминальные деяния наиболее осуждаемы с точки зрения общечеловеческой морали.

Анализ структурных изменений насильственной преступности свидетельствует о повышении степени общественной опасности отдельных категорий насильственных преступлений. Возросла тяжесть причиняемых ими последствий.

В течение длительного времени примерно две трети убийств и тяжких телесных повреждений совершались в сфере семейно-бытовых отношений на почве межличностных конфликтов. К началу 90-х годов прошлого столетия доля умышленных убийств, совершенных по бытовым мотивам, снизилась до 40 % за счет роста числа убийств по корыстным и иным мотивам. В сфере досуга, быта распространены преступления из хулиганских побуждений.

Для совершенствования организации профилактики преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, следует более комплексно изучить эту проблему, в том числе проводить криминологические исследования личности жертв преступлений, их поведения, предшествовавшего совершению насильственного преступления. Необходимо разработать типологию потерпевших, которые, естественно, ведут себя по-разному в возникающих конфликтных ситуациях (положительно, нейтрально, некритически, негативно).

Ключевые слова: насильственная преступность в сфере семейно-бытовых отношений, профилактика преступлений, потерпевший, жертва преступления, типы жертв преступлений в сфере семейно-бытовых отношений.

В настоящее время учеными-криминологами и работниками правоохранительных органов повышенное внимание уделяется проблеме изучения личности и поведения жертв преступлений, их роли в зарождении и развитии криминальной ситуации, а также использования полученных знаний для выработки эффективных мер предупреждения преступности.

Традиционно преступник позиционируется как главное действующее лицо преступления, но отнюдь не единственное. В механизмах конкретных посягательств криминологически значимо проявляются не только преступники – причинители вреда, но и их жертвы. Другими словами, для получения объективных сведений о состоянии преступности необходимо оценивать ее качественные и количественные показатели как с криминологических, так и с виктимологических позиций.

Набор определенных личностных качеств (естественных, генетически обусловленных или приобретенных в процессе социализации), поведение, ролевой статус, образ жизни обуславливают возможность причинения их носителям при наступлении определенной ситуации физического, морального вреда либо материального ущерба. Совокупность обозначенных индивидуально-поведенческих факторов и свойств представляет собой так называемую индивидуальную виктимность личности.

Действительно, каждому человеку присущи те или иные психофизиологические особенности, для него типично попадание в определенные ситуативные обстоятельства, делающие его в большей или меньшей степени уязвимым. Он потенциально, а при неблагоприятном стечении обстоятельств и реально виктимен.

В свою очередь, изучение свойств жертв преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, их поведения, предшествовавшего совершению противоправного акта, значительно расширяет возможности профилактики и борьбы с данной формой преступной агрессии.

Сложность исследования характера и степени выраженности личностных качеств пострадавших от внутрисемейных преступлений требует разработки типологии подобных жертв, что позволит выявить формы виктимного поведения, характерные для рассматриваемой группы преступных посягательств.

В совокупности поведение потерпевших от преступлений в сфере семейно-бытовых отношений можно классифицировать:

– на положительное – характеризуется как в полной мере согласующееся с нормами действующего законодательства и общепринятыми в социуме моральными ценностями, ориентированное на пресечение или недопущение возникновения (развития) внутрисемейного конфликта, но строго в рамках правовых предписаний;

– нейтральное – предполагает поведение, не выходящее за пределы правовых и нравственных ограничений, в то же время не связанное с оказанием сопротивления семейному преступнику в силу различных причин объективного и субъективного характера. Выделение данного вида поведения во многом условно и, как справедливо отмечает Д. В. Ривман, «строго говоря, не нейтрально, поскольку не мешает преступнику. Однако оно не создает каких-либо дополнительных условий и не повышает виктимности индивида от уровня средней» [1, с. 69];

– не критичное – отличается отсутствием либо недостаточным осмыслением происходящего, пренебрежительным отношением к собственной безопасности, неспособностью здраво оценить внутрисемейную конфликтную ситуацию и своевременно принять должные меры по ее нейтрализации, что в конечном счете приводит к созданию самой жертвой «благоприятных» условий для совершения преступного акта;

– негативное – заключается в проявлении различных форм агрессии (нападение, оскорбление, издевательство и др.) в отношении правонарушителя или других членов семьи. Жертва ведет себя агрессивно, грубо, аморально либо противоправно.

Изучение социально-психологических аспектов поведения жертв семейно-бытовых преступлений позволит найти новые научные подходы к исследованию проблемы формирования мотивационной направленности поступков потерпевших от внутрисемейных посягательств. В связи с этим предлагаем выделять следующие типы жертв преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, в зависимости от особенностей их поведения: активная жертва и инициативная жертва.

Активная жертва. Потерпевшие данного типа, как правило, достаточно образованны, интеллектуальны, имеют высокий уровень нравственной культуры, отличаются сложившейся стойкой установкой на соблюдение правовых запретов и ограничений, нетерпимы к различным формам проявления агрессии и антиобщественного поведения в семье, что является поводом для обращения внутрисемейного насилия в их сторону. Наиболее распространенные мотивы подобного поведения – правильная критика в адрес правонарушителя, желание пресечь пьянство, оскорбления, унижения, иное аморальное поведение в семье, защита других членов семьи от насилия (нападения), исходящего от преступника, и т. д. Для потерпевших этого типа характерны требовательность, решимость, смелость.

Инициативная жертва. У представителей данного типа уровень правовой грамотности чаще всего выходит за рамки «бытовых» знаний, для них свойственна высокая степень морально-этического, общекультурного развития, в том числе культуры общения с другими людьми. Несмотря на то что поведение жертвы во всех отношениях безупречно и согласуется с требованиями существующего правопорядка, она вовлекается в механизм преступного посягательства в качестве «главной» жертвы семейного правонарушителя. Другими словами, поведение потерпевшего обращает на него преступные действия причинителя вреда непосредственно либо вместо защищаемого им другого члена семьи. Важно отметить, что имеющее место со стороны потерпевшего противодействие преступнику осуществляется в рамках механизмов, предусмотренных законом: путем обращения в правоохранительные органы, вышестоящие административные инстанции или в суд с исковым заявлением, например, об устранении препятствия в пользовании жилым помещением, иной собственностью, о принудительном выселении виновного либо обмене занимаемой им жилой площади и т. д. Таким образом, жертвы данного типа отличаются обостренным чувством справедливости, моральной устойчивостью, рассудительностью, потребностью в защите своих нарушенных прав и восстановлении прав других членов семьи.

Что касается нейтрального поведения, то оно в разных вариациях присуще следующим типам жертв внутрисемейных преступлений: жертва обстоятельств, мешающая жертва, пассивная жертва.

Жертва обстоятельств. Потерпевшие этого типа в целом позиционируются как морально устойчивые, добропорядочные, законопослушные граждане, поведение ко-

торых не вносит никакого вклада в механизм рассматриваемых преступлений, а внутрисемейная агрессия обращается на них вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств. Другими словами, преступное посягательство в отношении жертвы совершается впервые вопреки ее общей социально-положительной направленности под влиянием конфликтной ситуации, возникшей не по ее вине и не вытекающей из ее предшествующего поведения.

Мешающая жертва. В данном случае основной причиной виктимизации выделяемого нами типа жертв семейно-бытовых преступлений является сам факт существования потерпевшего либо его поведение, хотя и безупречное с точки зрения права и морали, но выступающее препятствием на пути удовлетворения каких-либо субъективных потребностей преступника. К их числу следует отнести: стремление семейного правонарушителя улучшить свое материальное положение путем присвоения имущества, на которое он не имел законных оснований, обрести независимость, личную свободу, добиться семейного благополучия, уклониться от выполнения обязанностей по отношению к другим членам семьи (престарелым или больным родителям, детям, супругу/супруге), причем часто жертва даже не осознает, что в силу определенных причин является обременительной для реализации преимущественно субъективно понимаемых преступником интересов.

Пассивная жертва. Поведение данного типа жертв характеризуется тем, что оно хотя непосредственно и не провоцирует возникновение криминальной ситуации, но в силу непротодействия семейному преступнику создает благоприятную почву для продолжения противоправных действий со стороны причинителя вреда.

В зависимости от того, по каким причинам жертва не оказывает активного сопротивления семейному правонарушителю, предлагаем различать:

1) объективно пассивную жертву. Отличительной особенностью потерпевших этого подтипа служит то, что они не имеют практической, а чаще всего просто физической возможности предвидеть и предотвратить грозящую им опасность. Это объясняется прежде всего состоянием здоровья жертв внутрисемейной агрессии, особенностями их физической конструкции, наличием психических аномалий, злоупотреблением спиртными напитками, наркотическими средствами и пр. Таким образом, повышенной степенью виктимности применительно к рассматриваемому подтипу жертв семейно-бытовых преступлений обладают несовершеннолетние, лица преклонного возраста (старика, инвалиды), женщины, лица с отклонениями в психическом развитии.

По данным исследования, проведенного И. А. Морчевым, каждое шестое (16,9 %) внутрисемейное насильственное преступление было совершено в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Каждый седьмой (14,8 %) потерпевший страдал различного рода тяжелыми заболеваниями, не относящимися к разряду психических. Почти у каждого пятого (18,3 %) изученного лица была выявлена та или иная психическая аномалия. Среди всех жертв указанных преступлений больные хроническим алкоголизмом составили 12,0 %, психопатией – 4,2, шизофренией – 1,4, наркоманией – 0,7 % [2, с. 2].

Названные категории лиц изначально предрасположены стать жертвами преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, с одной стороны, в силу своих конституционных, поведенческих, психологических особенностей, а с другой – вследствие желания правонарушителя утвердить свой авторитет в семье, стремления главенствовать и властвовать над другими (зависимыми от него) ее членами.

Для потерпевших, относящихся к подтипу объективно пассивных жертв, свойственны низкий уровень правосознания, робость, внушаемость, подверженность постороннему влиянию, заниженная самооценка, отсутствие адекватного видения ситуации;

2) условно-виновную жертву. Представители данного подтипа способны, а главное, в состоянии самостоятельно или путем обращения в правоохранительные органы оказать сопротивление семейному преступнику, однако не делают этого в силу различных причин: нежелания разрушать семью, лишать детей родителя, «выносить сор из избы»; незначительности причиненного вреда; надежды на примирение, на то, что правонарушитель изменит свое поведение, исправится, образумится; безрезультатности имевшего место обращения в компетентные органы; неверия в возможность в принципе что-либо изменить; страха перед угрозами или мстостью со стороны причинителя вреда; невыгодности привлечения правонарушителя к ответственности, разрыва с ним семейных отношений по соображениям материального порядка.

Потерпевшие рассматриваемого подтипа отличаются, как правило, терпимостью, трусостью, неспособностью (нежеланием) изменить ситуацию, боязнью перемен, стыдливостью, скрытностью, корыстью, излишним или ложно понимаемым чувством сострадания, жалости.

Некритичное поведение характерно для двух типов жертв семейно-бытовых преступлений, условно обозначенных нами как легкомысленная жертва и небрежная жертва. Разница между потерпевшими заключается в следующем.

Легкомысленная жертва осознает, что ее поведение с определенной степенью вероятности способно спровоцировать предполагаемого преступника на проявление агрессии, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает избежать негативных для себя последствий.

Небрежная жертва изначально не понимает, что ее поведение может привести к возникновению криминальной ситуации, в то время как и возраст, и степень развития, и предыдущий жизненный опыт позволяют потерпевшему предвидеть реакцию правонарушителя на свои поступки, высказывания.

Потерпевшим рассматриваемых типов присущи распушенность, легкомыслие, неумение предвидеть последствия своих действий, ветреность, несдержанность, эгоистичность, эмоциональность.

Как показывает практика, жертвой криминального насилия становятся не только люди с положительным или неосмотрительным поведением. Нередко пострадавшие от преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, не уступают в негативном поведении правонарушителям, а иногда и сами ведут себя преступно.

Как отмечает в своих исследованиях А. Н. Ильяшенко, большинство (56,2 %) опрошенных преступников указало, что потерпевший перед совершением преступления вел себя агрессивно, грубо, 26 % – отметили, что потерпевший оскорблял, унижал их или других членов семьи; 11 – что угрожал убийством, причинением телесных повреждений, 9,6 – наносил легкие удары (пощечины и т. п.), причинял физическую боль (щипал, выкручивал руки, сдавливал различные части тела), 5,5 – запрещал, ограничивал пользование имуществом, жилым помещением; 4,1 % – ограничивал свободу [4]. В этом смысле считаем необходимым различать жертв двух типов: провоцирующая жертва и агрессивная жертва.

Поведение провоцирующей жертвы нацелено на создание, провокацию конфликтной ситуации. В зависимости от того, с помощью чего они достигают желаемого результа-

та, какие средства для этого используют, предлагаем потерпевших рассматриваемого типа подразделять на два подтипа:

1) аморальная жертва. Провоцирующее поведение лиц данного подтипа характеризуется стойкой антиобщественной направленностью, морально-бытовой распущенностью, в том числе отсутствием нравственно-этической избирательности в сфере интимных отношений. Аморальные жертвы несдержанны, вспыльчивы, излишне эмоциональны, неуравновешенны, заносчивы, пренебрежительно относятся к нормам права и морали, семейным ценностям;

2) скандальная жертва. В данном случае катализатором преступного посягательства выступают систематические придирки, нравоучения, демонстрация недовольства, выяснения отношений между потенциальным правонарушителем и жертвой, возникающие по инициативе последней и перерастающие во внутрисемейные скандалы.

Показательно признание одной из потерпевших: «Я не могу взять всю вину за происшедшее на себя, но во многих случаях, чтобы избежать побоев, мне просто следовало прикусить язык. Я сама шпыняла мужа до тех пор, пока он не набрасывался на меня с кулаками» [4, с. 315–316].

Потерпевшие рассматриваемого подтипа обидчивы, раздражительны, высокомерны, обладают обостренным чувством превосходства над окружающими, мелочны, мнительны, эмоционально неустойчивы.

Таким образом, поведение провоцирующей жертвы заключается в нарушении норм морали, неуважительном отношении к семейным традициям, но не сопряжено с физическим насилием или угрозой его применения.

В отличие от провоцирующей поведение агрессивной жертвы непосредственно создает конфликтную ситуацию и связано с нарушением требований действующего законодательства в отношении предполагаемого преступника или других членов семьи.

Если в действиях потерпевшего допущено нарушение норм семейного, жилищного, гражданского, административного и других отраслей права (кроме уголовного), следует говорить о правонарушающей жертве.

Если же имело место нарушение уголовного закона (от нанесения побоев до убийства), то есть поведение, сопровождающееся физическим насилием или угрозой его применения в адрес причинителя вреда, других членов семьи, то налицо преступная жертва.

Для потерпевших, относящихся к типу агрессивной жертвы, в той или иной степени характерны культ грубой физической силы, лживость, злопамятность, черствость, хитрость, агрессивность, жестокость, циничность, мстительность. В совокупности виктимное поведение провоцирующих и агрессивных жертв занимает ведущее место в структуре внутрисемейной преступности по криминогенной значимости, а сами жертвы играют решающую роль в механизме семейно-бытовых преступлений.

Преступность – нежелательный, но закономерный продукт общества, своеобразная патология, которую нельзя полностью исключить, но в известной степени можно и нужно контролировать путем позитивного воздействия на потенциальных и реальных жертв, с тем чтобы корректировать их поведение, сделать его при определенных обстоятельствах фактором противодействия преступлениям. Это действенный путь совершенствования работы по профилактике преступных посягательств, однако он имеет перспективу только при наличии у жертв типических личностных качеств, обуславливающих их потенциальную уязвимость. В связи с этим нами было предложено собственное видение вопросов типологии жертв семейно-бытовых преступлений.

Следует признать, что на сегодняшний момент уровень знаний о природе преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, недостаточен, что предопределяет необходимость проведения дальнейших исследований особенностей личности и поведения жертв этих преступлений, а также факторов, порождающих семейные конфликты и обуславливающих их перерастание в различные варианты преступного поведения.

Библиографический список

1. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. 304 с.
2. Морчев И. А. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений // Российский следователь. 2006. № 11. С. 37–44.
3. Ильяшенко А. Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 85–90.
4. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001. 512 с.

УДК 343.8

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ БАРАБАНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kafedraord@mail.ru

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

Для цитирования

Барабанов, Н. П. Правовой механизм обеспечения безопасности личности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах / Н. П. Барабанов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 29–38.

Аннотация. Раскрывается значение правового регулирования обеспечения безопасности личности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, изложены проблемы, существующие в правовом регулировании функций по обеспечению безопасности личности в следственном изоляторе. Представлена классификация нормативно-правовых актов, регламентирующих меры по обеспечению безопасности личности в следственном изоляторе. Проанализированные правовые акты являются основой для совершенствования правового регулирования обеспечения безопасности личности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Ключевые слова: исправительные учреждения, следственные изоляторы, подозреваемый, обвиняемый, осужденный, правовое регулирование, безопасность.

На верхнем уровне иерархии правового регулирования обеспечения безопасности личности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах находятся международные правовые акты, подписанные и ратифицированные Россией, являющиеся составной частью всей отечественной правовой системы. В связи с рассматриваемой проблемой большой интерес представляют международные правовые акты и стандарты, содержащие нормы, охраняющие права и свободы человека, а также регулирующие деятельность правоохранительных органов по обеспечению безопасности, охране общественного порядка. К их числу относятся: Всеобщая декларация прав человека (1948), Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания (1975), Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984). Перечисленные международные правовые акты содержат стандарты общего характера относительно прав, свобод и законных инте-

ресов граждан вне зависимости от их правопослушания и являются универсальными документами.

Нормы и стандарты специального характера, применяемые в отношении граждан, подвергающихся уголовному наказанию, содержатся в таких документах, как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955), Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988), Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979), Европейские пенитенциарные правила (в редакции 2006 г.) и др.

Кратко характеризуя первую группу перечисленных международных документов, полагаем необходимым отметить следующее. Статья 2 Всеобщей декларации прав человека (1948) провозглашает, что права и свободы человека относятся ко всем без исключения, ст. 9 закрепляет, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию, а в ст. 5 установлен запрет на применение пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Существенное значение для определения правового положения осужденного имеет ст. 9 Декларации, предписывающая, что при осуществлении своих прав и свобод каждый гражданин должен подвергаться ограничениям исключительно с целью обеспечения и уважения прав и свобод других людей и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния.

В ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения или наказания (1984) дается определение пытки, под которой понимается любое действие должностного лица, которым кому-либо умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, для получения от него необходимых сведений или признания. В ст. 2 Конвенции содержится категорический запрет на проведение пыток, подчеркивается, что никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток. Нормы уголовного законодательства государств, ратифицировавших данную Конвенцию, должны предусматривать ответственность за преступления подобного характера с учетом их тяжести. Конвенция предусматривает возможные варианты внутригосударственного реагирования на вскрытые факты пыток вплоть до заключения виновных под стражу, обязанность изучения законодательства о запрещении пыток в рамках служебной подготовки персонала уголовно-исполнительной системы.

Из международных документов специального характера Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955) представляют собой наиболее полный и подробный документ, касающийся обращения с осужденными к лишению свободы, а также персонала учреждений, исполняющих лишение свободы. В пр. 54 отмечается, что «в своих отношениях с заключенными персонал заведений имеет право прибегать к насилию только в случаях самозащиты или в случаях активного или пассивного противодействия приказам, основанным на действующих законах или правилах. Прибегающие к насилию сотрудники обязаны оставаться в пределах необходимого и немедленно сообщать о такого рода инцидентах начальнику заведения. Сотрудникам тюрем следует обеспечивать особую физическую подготовку, позволяющую им укрощать проявляющих агрессивные намерения заключенных. Сотрудники, находящиеся при выполнении их функций в непосредственном контакте с заключенными, должны носить оружие только в исключительных случаях. Кроме

того, право носить оружие должны иметь только сотрудники, получившие соответствующую подготовку».

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979) в ст. 2 дает определение должностных лиц по поддержанию правопорядка, под которыми понимаются все назначаемые или избираемые должностные лица, связанные с применением права. Обязанности этих должностных лиц подробно описаны в ст. 2 и 3 Кодекса. В частности, при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство, поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем другим. Указанные лица могут применить силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей, то есть сила должна быть разумно необходимой в целях предупреждения преступления, проведения правомерного задержания правонарушителя или оказания содействия при таком задержании. Применение огнестрельного оружия считается крайней мерой и допускается при оказании правонарушителем вооруженного сопротивления или в случаях, когда он иным образом ставит под угрозу жизнь других, если иные применяемые меры не оказались достаточными для его задержания. О каждом факте применения огнестрельного оружия должны ставиться в известность компетентные власти.

Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными явились основой принятых в 1987 г. Европейских пенитенциарных правил, имеющих статус рекомендаций для администраций пенитенциарных учреждений. Новая редакция Правил (2006) базируется на решениях Европейского Суда по правам человека, применяющего Европейскую конвенцию по защите прав и основных свобод. В них, как и в ранее анализируемых международных актах, в пр. 64 подчеркивается, что персонал пенитенциарного учреждения не должен применять силу против заключенных, за исключением случаев самообороны, или попытки побега, или активного либо пассивного физического сопротивления установленному порядку, причем всегда это должно быть крайним средством. В качестве общего требования в пр. 66 указывается на то, что персонал, работающий с заключенными, должен быть обучен методам, позволяющим сдерживать агрессивных заключенных с минимальным применением силы.

Вторую группу нормативных актов, регламентирующих деятельность структурных подразделений исправительных учреждений и следственных изоляторов по обеспечению безопасности личности персонала, подозреваемых, обвиняемых, осужденных и граждан, находящихся на территории этих учреждений, составляют межгосударственные акты Содружества Независимых Государств: Соглашение о совместной деятельности по борьбе с преступностью (1992); Договор о коллективной безопасности, подписанный Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией и Таджикистаном 15 мая 1992 г.; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам стран Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г., обязывающая стороны по требованию выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения их к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение.

Был разработан и утвержден Модельный уголовно-исполнительный кодекс для стран СНГ, явившийся основой для уголовно-исполнительных кодексов большинства стран на постсоветском пространстве. В ст. 82 данного акта предусматривается применение к осужденным физической силы, специальных средств и оружия в случаях оказания ими сопротивления персоналу исправительных учреждений, злостного неповиновения их

законным требованиям и участия в массовых беспорядках, захвата заложников, нападения на граждан или совершения иных общественно опасных действий в целях пресечения нанесения вреда окружающим или самим себе.

Третью группу нормативных правовых актов, воздействующих в разной степени на сферу обеспечения безопасности личности, защиту прав и свобод человека, составляют Конституция РФ, иные законы, указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, другие нормативные акты.

Правовую основу системы всех отраслей отечественного законодательства составляет Конституция Российской Федерации. Ее нормы непосредственно регулируют общественные отношения во всех сферах и имеют прямое действие. В соответствии с п. 2 ст. 6 Конституции РФ каждому гражданину предоставляются равные права и свободы, которые признаются приоритетными и могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в которой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В Конституции РФ закреплено, что арест, заключение и содержание под стражей допускаются только по судебному решению (ч. 2 ст. 22); гарантируется судебная защита прав и свобод граждан (ч. 1 ст. 46). Ограничение отдельных прав и свобод граждан возможно только в условиях чрезвычайного положения в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя (ч. 1 ст. 56). После принятия Конституции РФ в государстве были разработаны, в установленном порядке обсуждены и приняты все законодательные акты, закрепляющие правовое положение граждан как в обычных условиях, так и в случае возникновения угроз безопасности.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определяет содержание деятельности по обеспечению безопасности, которая включает в себя: прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности; правовое регулирование в области обеспечения безопасности; разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления; применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности; разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения безопасности; организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности; координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности; финансирование расходов на обеспечение безопасности, контроль за целевым расходованием выделенных средств; международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности; осуществление других мероприятий в области обеспечения безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации [1].

Настоящий период развития общества отражает, в частности, попытку перехода на новый уровень государственности, а значит, и на новый уровень обеспечения безопасности и поддержания правопорядка. Об этом могут свидетельствовать положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О безопасности», Стратегии национальной безопасности до 2020 года, Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Рос-

сийской Федерации до 2020 года, реформы органов исполнительной власти и правоохранительных органов.

В последние годы вопросам борьбы с преступностью в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ФСИН России, а также правовой защиты, обеспечения мер безопасности персонала, осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, уделяется пристальное внимание. В Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Российской Федерации (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УИК РФ) закреплены цели наказания, заключающиеся в восстановлении социальной справедливости, исправлении осужденных, предупреждении совершения преступлений не только осужденными, но и иными лицами. Следовательно, профилактическую функцию в местах принудительного содержания выполняют меры как уголовно-правового, так и уголовно-исполнительного характера. В обобщенном виде их можно представить следующим образом.

Уголовно-правовые меры обеспечения безопасности содержатся в нормах: предусматривающих усиление ответственности за преступления, совершаемые в период отбывания наказания (п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ); предполагающих ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (ст. 105, 107, 108, 111, 130); регламентирующих ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317); запрещающих насильственные действия в отношении персонала учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 313, 321); об ответственности за преступления против общественной безопасности (ст. 206, 212, 213 УК РФ).

Одновременно УК РФ установил уголовную ответственность за злоупотребление служебными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), халатность (ст. 293) и другие должностные преступления. Подобным шагом законодатель в пределах компетенции уголовного права обеспечивает безопасность осужденных, заключенных под стражу, со стороны персонала уголовно-исполнительной системы, исключая тем самым случаи предвзятости и произвола последних при исполнении ими должностных инструкций.

К уголовно-исполнительным мерам обеспечения безопасности относятся: правовое положение осужденных (ст. 10, 11, 12 УИК РФ); совокупность мер по предупреждению совершения преступлений, обеспечению безопасности осужденных и персонала (ст. 13, 82–85); оказываемое на осужденных в местах лишения свободы воспитательное воздействие (ст. 109–114, 134, 135); перечень дисциплинарных мер воздействия на осужденных к лишению свободы (ст. 115–119, 136, 137 УИК РФ).

Отдельно необходимо остановиться на ст. 13 УИК РФ, предусматривающей право осужденных на личную безопасность. При возникновении угрозы личной безопасности осужденные могут обратиться с просьбой к любому должностному лицу об обеспечении личной безопасности. Должностное лицо обязано принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного. Предусмотрен перевод осужденного в безопасное место, а также иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности осужденного. Меры безопасности могут применяться начальником учреждения на основании мотивированного постановления (определения) суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в отношении осужденного, являющегося участником судопроизводства.

Практика показывает, что большая часть работы в следственных изоляторах и исправительных учреждениях по обеспечению безопасности личности проводится в основном оперативными отделами. Вопросы организации деятельности оперативных

подразделений СИЗО находят отражение в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Положении о ФСИН России, а также в ведомственных и межведомственных приказах, инструкциях, наставлениях.

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» непосредственной регламентации об обеспечении безопасности нет. Однако об обеспечении безопасности личности можно судить исходя из ст. 1 данного Закона, которая определяет вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Статья 2 «Задачи оперативно-розыскной деятельности» по ее смысловому содержанию также направлена на обеспечение безопасности личности: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыск без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации; установление имущества, подлежащего конфискации. Статья 3 регламентирует принципы оперативно-розыскной деятельности, которыми являются: законность; уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина; конспирация; сочетание гласных и негласных методов. На обеспечение безопасности личности направлены проводимые оперативно-розыскные мероприятия, основания и условия их проведения (ст. 6–8), использование результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 11) [2].

К числу законов, регламентирующих деятельность по обеспечению безопасности личности, относится Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». В ст. 16 Закона «Внутренний распорядок в местах содержания под стражей» размещены положения, направленные на обеспечение безопасности личности: прием и размещение подозреваемых и обвиняемых по камерам; проведение личного обыска, дактилоскопирование, фотографирование, а также досмотр вещей подозреваемых и обвиняемых; изъятие у подозреваемых и обвиняемых предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию; материально-бытовое обеспечение подозреваемых и обвиняемых.

Статья 19 Закона право на личную безопасность определяет следующим образом: «При возникновении угрозы жизни и здоровью подозреваемого или обвиняемого либо угрозы совершения преступления против личности со стороны других подозреваемых или обвиняемых сотрудники мест содержания под стражей обязаны незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности подозреваемого или обвиняемого». Однако в данной норме не упоминается, что угроза жизни и здоровью либо угроза совершения преступления может исходить со стороны не только подозреваемых и обвиняемых, но и осужденных, выполняющих в следственных изоляторах хозяйственную функцию, а также персонала и иных лиц, имеющих доступ на территорию следственного изолятора (адвокаты, следователи, родственники, представители правозащитных организаций). Остается также непонятным, ка-

кие меры должны принять представители администрации для обеспечения личной безопасности.

Безопасности личности в следственных изоляторах посвящены статьи комментируемого Федерального закона: ст. 32 «Основные требования обеспечения изоляции», ст. 34 «Охрана подозреваемых и обвиняемых и надзор за ними», ст. 36 «Основные обязанности подозреваемых и обвиняемых», ст. 38 «Меры взыскания», ст. 48 «Режим особых условий в местах содержания под стражей» [3].

В ст. 116 УИК РФ приводится исчерпывающий список тех нарушений установленно-го порядка отбывания наказания, которые определены как злостные, с соответствующими правовыми последствиями. Данный вывод мы можем сделать и на основании ст. 40 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», где устанавливаются правонарушения, за совершение которых подозреваемые и обвиняемые могут привлекаться к дисциплинарной ответственности в виде водворения в карцер. В этой же норме законодатель четко указал правовое положение подозреваемых и обвиняемых, подвергнутых водворению в карцер. Положительно должно сказаться и то, что некоторые подозреваемые и обвиняемые, систематически нарушающие требования режима содержания под стражей, переводятся в камеры специального блока с усиленным наблюдением.

На наш взгляд, положительное влияние на обеспечение безопасности личности оказывает ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» – «Раздельное размещение в камерах». Законодатель классифицировал подозреваемых и обвиняемых с учетом пола, возраста, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности правонарушителя и его гражданства. При размещении учитываются также должностное положение до ареста, психологическая совместимость, характер преступлений, которые ранее совершили подозреваемые или обвиняемые, и тех, в которых они подозреваются или обвиняются, совершение преступления при особо опасном рецидиве, предшествующее содержание в местах лишения свободы. Немаловажен при помещении в камеру уголовно-процессуальный признак (правовой статус – подозреваемые и обвиняемые либо осужденные; прохождение по одному делу с другими подозреваемыми или обвиняемыми). Большое значение имеет поведение в месте содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых. Их не помещают вместе, если исходят угрозы от них другим подозреваемым или обвиняемым либо есть угрозы им со стороны других подозреваемых или обвиняемых. Кроме того, раздельное размещение обеспечивает отделение больных осужденных от здоровых во избежание их заражения. С учетом того что некоторые осужденные могут представлять опасность для других, такие лица должны содержаться раздельно от тех, для безопасности которых они могут представлять угрозу. Личности подозреваемых и обвиняемых и их психологическая несовместимость проявляются в различного вида конфликтах, драках и других негативных ситуациях. Конфликтующие между собой лица должны содержаться в разных камерах.

В ст. 43–47 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусмотрены случаи применения физической силы, специальных средств, газового и огнестрельного оружия в местах содержания под стражей в качестве мер по обеспечению безопасности личности.

Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» не определяет задач учреждений и органов, исполняющих наказания. В статье 1 «Принципы деятельности уголовно-исполни-

тельной системы» отсутствует положение об обеспечении безопасности. Аналогично выглядит и ст. 13 «Обязанности учреждений, исполняющих наказания», где определено, что в обязанность учреждений, исполняющих наказания, входит создание условий для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях. Однако законодатель не упоминает подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений как объект обеспечения безопасности. Вместе с тем в п. 7 упомянутой статьи находится положение, которое обязывает учреждения и органы обеспечивать режим содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу. В ст. 14 «Права учреждений, исполняющих наказания» есть положения, влияющие на обеспечение безопасности личности (осуществление оперативно-розыскной деятельности, применение физической силы и специальных средств, изъятие запрещенных предметов и т. д.), однако все эти меры распространяются только на осужденных, а на подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах, согласно букве закона, данные средства обеспечения безопасности не распространяются. Статья 14.1 «Права специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию» предусматривает применение к осужденным и лицам, заключенным под стражу, допустившим правонарушения, меры воздействия и принуждения, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Несомненно, положительное влияние на обеспечение безопасности личности оказывает гл. 5 Закона «Применение физической силы, специальных средств и оружия». Физическая сила применяется для задержания осужденных, пресечения преступлений и административных правонарушений, совершаемых осужденными или иными лицами, если ненасильственным способом не обеспечивается выполнение их законных требований. Специальные средства и газовое оружие применяются для отражения нападения на работников уголовно-исполнительной системы, осужденных, заключенных и других граждан; для пресечения массовых беспорядков, групповых нарушений общественного порядка осужденными и заключенными, а также задержания правонарушителей, оказывающих злостное неповиновение или сопротивление персоналу; для освобождения заложников, захваченных зданий, сооружений, помещений и транспортных средств; при конвоировании и охране осужденных и заключенных, когда они своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе; для задержания и возвращения осужденных и заключенных, бежавших из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания. Огнестрельное оружие применяется для защиты от нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан; для отражения нападения, угрожающего жизни и здоровью работников уголовно-исполнительной системы, осужденных, заключенных и иных лиц, а также для отражения нападения с целью завладения оружием; для освобождения заложников, захваченных зданий, сооружений, помещений и транспортных средств; для отражения группового или вооруженного нападения на охраняемые объекты, помещения и сооружения учреждений, исполняющих наказания, а также на транспортные средства; для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, застигнутого при совершении тяжкого преступления против жизни, здоровья граждан, собственности и пытающегося скрыться, совершающего побег, либо для пресечения попыток насильственного освобождения осужденных и заключенных, а также для задержания вооруженного лица, отказывающегося выполнить законное требование сотрудника уголовно-исполнительной системы о сдаче оружия. Однако согласно Закону применение данных средств не является

целью обеспечения безопасности личности, по крайней мере, это не отражено в тексте статей, содержащихся в данной главе.

В Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы закреплены положения, направленные на обеспечение безопасности личности во время приема и размещения подозреваемых и обвиняемых по камерам; проведения личного обыска; досмотра личных вещей подозреваемых и обвиняемых; перевода подозреваемых и обвиняемых в другую камеру в целях обеспечения их безопасности; изъятия у подозреваемых и обвиняемых предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию; проведения комплекса противоземических и лечебно-профилактических мероприятий; установления перечня предметов для личного пользования; приема и выдачи подозреваемым и обвиняемым посылок и передач и др.

В системе правового регулирования обеспечения безопасности личности в следственном изоляторе важное значение имеют ведомственные нормативно-правовые акты. В Инструкции об организации службы по обеспечению надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы, есть отдельные положения, напрямую указывающие на обеспечение безопасности личности в следственном изоляторе. Важным элементом в обеспечении безопасности личности является надзор в следственном изоляторе, который представляет собой систему организационно-практических мер, направленных на постоянный контроль за поведением подозреваемых, обвиняемых и осужденных, соблюдением ими режима с целью обеспечения их безопасности, а также персонала и иных лиц, находящихся на территории СИЗО. Перевод подозреваемых, обвиняемых и осужденных из одной камеры в другую допускается в случае необходимости обеспечения безопасности жизни и здоровья подозреваемого, обвиняемого и осужденного либо других подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Вопросы обеспечения безопасности личности в следственном изоляторе затрагиваются в разделах Инструкции, касающихся порядка обеспечения режима и надзора в условиях чрезвычайных ситуаций и при введении режима особых условий; действий при авариях систем жизнеобеспечения; действий при массовом отравлении подозреваемых, обвиняемых и осужденных; действий при нападении на сотрудника и групповом неповиновении; действий при возникновении массовых беспорядков; действий при захвате заложников; действий при побеге.

Важным звеном в обеспечении безопасности личности является организация охраны. Данное направление профессиональной деятельности регламентировано Инструкцией по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы. Охрана следственных изоляторов представляет собой комплекс мероприятий, проводимых службой охраны совместно с оперативными, режимными и другими службами учреждений в целях обеспечения изоляции, недопущения побегов и других правонарушений осужденными, содержащимися под стражей лицами, проникновения на объект нарушителей, перемещения вещей, веществ и продуктов питания, которые осужденным, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений запрещается иметь при себе, обеспечения сохранности материальных средств учреждения. Как видно из определения охраны, ее цели так или иначе связаны с обеспечением безопасности личности. Непосредственно обеспечению безопасности личности посвящен раздел Инструкции, регламентирующий применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Не разрешена также проблема противодействия криминальным атрибутам, угроз со стороны находящихся на свободе криминальных «авторитетов» и угроз внутри учреждений, исходящих от лидеров группировок отрицательной направленности.

Библиографический список

1. О безопасности : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. О содержании под стражей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

УДК 343.13

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ,
доктор юридических наук,
заместитель начальника института,
ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

Для цитирования

Румянцев, Н. В. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие / Н. В. Румянцев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 39–42.

Аннотация. В статье рассматриваются понятие, признаки, виды, правила проведения оперативного эксперимента как оперативно-розыскного мероприятия. Анализ оперативно-розыскной практики и научных источников позволил сделать вывод о том, что функциональная сторона оперативного эксперимента включает в себя:

конспиративные действия по созданию и (или) обеспечению контроля специальных условий, необходимых для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления;

введение в заблуждение лица, в отношении которого проводится оперативный эксперимент, в оценке интересующих его условий;

зашифрованный негласный контроль (наблюдение и т. п.) за поведением объекта оперативной заинтересованности, а также созданными предметами для преступных посягательств в целях недопущения их порчи или утраты;

установление и фиксация с помощью оперативно-технических средств противоправных намерений лица, обоснованно подозреваемого в подготовке или совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений;

создание опытных условий для воспроизведения различных событий, обстановки, имеющих значение для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативный эксперимент.

В Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) оперативный эксперимент включен в число оперативно-розыскных мероприятий (п. 14 ч. 1 ст. 6) [1].

На первый взгляд постановка вопроса о понятии оперативного эксперимента может оказаться запоздалой, так как в юридической литературе имеются довольно обстоятельные формулировки этого понятия. Однако обращение к литературным источникам показывает, что за более чем 20-летний период законодательного закрепления оперативного

эксперимента все еще остается значительная «пестрота», а нередко и противоречивость в публикациях по данному вопросу, порой запутывающих истинное понимание этого сложнейшего и весьма острого оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ). Все это не может не влиять отрицательно на практику оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), поэтому не вызывает малейшего сомнения то обстоятельство, что устранение разногласий в трактовке указанного понятия не является второстепенным вопросом, а представляет собой одну из задач теории и имеет важное практическое значение.

Анализ признаков оперативного эксперимента позволяет сделать вывод о том, что его проведение при решении задач ОРД включает в себя:

моделирование (создание) определенных условий, обеспечивающих документирование подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления;

обеспечение оперативного контроля за этими условиями;

создание обстановки, максимально приближенной к реальности, вызывающей определенное событие;

воспроизведение события под оперативным контролем с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о подготовке, совершении или совершенном преступлении средней тяжести, тяжком или особо тяжком преступлении;

определение намерений и действий объектов оперативной проверки за счет создания условий, позволяющих выявить их преступные намерения и действия.

Для формулирования дефиниции оперативного эксперимента раскроем его содержание: объект, цель, функциональную сторону, субъект.

В соответствии с ч. 8 ст. 8 ФЗ об ОРД проведение оперативного эксперимента допускается в целях выявления и установления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления. Другими словами, объектом оперативного эксперимента выступает изучаемое или проверяемое лицо, в отношении которого имеются оперативные данные о его противоправной деятельности.

В оперативно-розыскной практике возникают ситуации, связанные с искусственным воспроизведением определенной обстановки. В этом случае объектом негласного изучения в ходе оперативного эксперимента выступают не поведение или поступки объекта оперативной заинтересованности, а различные обстоятельства или возможность совершения тех или иных действий (например, возможность услышать те или иные сведения или увидеть конкретные действия, воспринятые лицом как преступные).

Анализ оперативно-розыскной практики и научных источников, посвященных оперативному эксперименту, позволяет сделать вывод о том, что функциональная сторона оперативного эксперимента включает в себя:

конспиративные действия по созданию и (или) обеспечению контроля специальных условий, необходимых для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления;

введение в заблуждение лица, в отношении которого проводится оперативный эксперимент, в оценке интересующих его условий;

зашифрованный негласный контроль (наблюдение и т. п.) за поведением объекта оперативной заинтересованности, а также созданными предметами для преступных посягательств в целях недопущения их порчи или утраты;

установление и фиксация с помощью оперативно-технических средств противоправных намерений лица, обоснованно подозреваемого в подготовке или совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений;

создание опытных условий для воспроизведения различных событий, обстановки, имеющих значение для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Оперативный эксперимент проводится сотрудником оперативного подразделения с привлечением при необходимости в установленном порядке сотрудников иных подразделений оперативно-розыскных органов, а также иных лиц при согласии их участия в проведении оперативного эксперимента. Так, по делам о вымогательстве взятки (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ) или коммерческом подкупе (п. «б» ч. 7 ст. 204 УК РФ) в оперативном эксперименте может участвовать лицо, в отношении которого имели место вымогательство дачи взятки или коммерческий подкуп.

Накопленный практический опыт позволяет выделить нам три вида оперативного эксперимента в зависимости от оперативно-тактической задачи (цели) его проведения:

1) выявление неизвестных преступников, совершающих преступления, в частности многоэпизодные. Суть этого вида оперативного эксперимента заключается в использовании специально подготовленных контролируемых объектов (предметов), аналогичных тем, на которые обычно покушаются преступники. Так называемые ловушки, приманки создаются в местах наиболее частого совершения преступлений. Например, по делам о кражах автотранспорта применяются «автомшины-ловушки» на автостоянках и в иных местах возможного совершения преступления.

Оперативно-тактические задачи, решаемые проведением этого вида оперативного эксперимента, могут заключаться в следующем: выявление и установление неизвестных лиц, подготавливающих или совершающих преступления; выявление их преступных намерений; задержание с поличным при приготовлении к преступлению или при покушении на преступление;

2) документирование и задержание с поличным известных лиц, в отношении которых уже есть обоснованные подозрения в подготовке или совершении преступлений. Чаще всего этот вид оперативного эксперимента осуществляется по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе, а также по преступлениям, связанным с незаконным изготовлением огнестрельного оружия и прочими предметами, оборот которых ограничен или запрещен. Проведение этого вида оперативного эксперимента предполагает решение следующих оперативно-тактических задач:

проверка выдвигаемых оперативных версий на причастность определенного лица к конкретным событиям криминального характера;

установление обстоятельств совершаемых преступлений; задержание подозреваемого лица с поличным в момент покушения на преступление и изъятие предметов, орудий и средств совершения преступления;

3) так называемый опосредованный (или модельный) оперативный эксперимент – необходимость его проведения возникает в силу различных обстоятельств. Оперативно-тактические задачи, решаемые проведением этого вида оперативного эксперимента, могут заключаться: в возможности восприятия конкретного события при соответствующих условиях, о которых сообщалось в ранее полученной информации; установлении надежности источников получения такой информации; возможности зафиксировать те или иные действия в этих условиях; установлении возможной дезинформации со стороны источников получения таких сведений и т. п.

Как видно, по своему содержанию, механизму проведения оперативные эксперименты во многом схожи со следственными экспериментами, проводимыми на стадии предварительного расследования для проверки различных следственных версий, возникающих в ходе расследования. Однако они существенно различаются от них составом участни-

ков эксперимента, оформлением полученных результатов, степенью доказательности их использования в уголовном процессе.

На основании изложенного можно сформулировать следующее понятие оперативного эксперимента: скрытое создание обстановки, условия которой способствуют проявлению преступных намерений оказавшихся под наблюдением лиц, либо воспроизведение события под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений, а также установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших задержания с поличным.

К сожалению, негативные факты, связанные с провокационными действиями в ходе проведения оперативного эксперимента, имеют место в практике работы отдельных оперативных сотрудников. В связи с этим можно сформулировать следующие правила (рекомендации), обеспечивающие правомерное проведение оперативного эксперимента:

для проведения оперативного эксперимента должны быть достаточные основания. В частности, оперативные сотрудники должны располагать конкретными и объективными фактическими данными, свидетельствующими о незаконной деятельности лица, в отношении которого планируется провести данное ОРМ. Соответствующая информация должна быть проверяема. Следует закрепить эти данные, что позволит в будущем признать их доказательствами по уголовному делу;

до проведения оперативного эксперимента целесообразно проведение иных ОРМ (наведение справок, наблюдение и др.), подтверждающих подозрения о причастности определенного лица к преступной деятельности;

объект ОРД, в отношении которого имеется достоверная информация относительно его причастности к преступной деятельности, должен иметь возможность проявить себя в определенной обстановке;

умысел на совершение противоправных действий у лица, в отношении которого планируется оперативный эксперимент, формируется независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений. Иными словами, инициатива подготовки или совершения преступления должна исходить только от объекта оперативной заинтересованности;

условия проведения оперативного эксперимента должны восприниматься указанным лицом как очевидные и способствовать выявлению и фиксации с помощью специальных технических средств его противоправных намерений;

в ходе проведения оперативного эксперимента недопустимо подстрекательство, в том числе психологическое давление, направленное на принуждение в любых формах проверяемых лиц совершить преступление;

условия проведения оперативного эксперимента должны оставлять свободу выбора между преступным и правомерным поведением лицу, подозреваемому в подготовке или совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления;

условия проведения оперативного эксперимента должны исключать опасность для жизни и здоровья объекта ОРД и отдельных лиц, привлеченных с их согласия к участию в оперативном эксперименте, не должны унижать честь и достоинство, быть оскорбительными для участников оперативного эксперимента.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 авг.

УДК 343.344(470)(474.3)

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИСТЯКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт Российского университета дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: sauber60@yandex.ru;

НИКИТА МАЖИНСКИС,

магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт Российского университета дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: nikita.mazhinsky@gmail.com

НЕЗАКОННОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ, ПЕРЕДЕЛКА И РЕМОНТ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ЕГО ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Для цитирования

Чистяков, А. А. Незаконное изготовление, переделка и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей по уголовному законодательству Российской Федерации и Латвийской Республики / А. А. Чистяков, Н. Мажинскис // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 43–49.

Аннотация. В соответствии с ч. 1 ст. 223 Уголовного кодекса Российской Федерации уголовно наказуемыми признаются незаконное изготовление, переделка и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей. В свою очередь, в ч. 2 ст. 233 Уголовного закона Латвийской Республики предусмотрена уголовная ответственность за изготовление и ремонт огнестрельного оружия без соответствующего разрешения. Диспозиция ч. 2 ст. 233 Уголовного закона Латвийской Республики содержит также другие формы незаконного оборота предметов данного преступления.

Незаконное изготовление, переделка и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей более общественно опасны, чем иные формы незаконного оборота рассматриваемых предметов. Сравнительно-правовой анализ законодательной формулировки незаконного изготовления, переделки и ремонта огнестрельного оружия и его основных частей по уголовному законодательству Российской Федерации и Латвийской Республики позволяет сделать вывод о том, что российский законодатель использовал более удачный вариант, предусмотрев незаконное изготовление, переделку и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей в качестве самостоятельного состава преступления.

Незаконная переделка огнестрельного оружия и его основных частей по российскому законодательству является уголовно-правовой категорией. Согласно латвийскому уголовному законодательству незаконная переделка рассматриваемых предметов преступления охватывается их незаконным изготовлением.

На данный момент в уголовном законодательстве Российской Федерации не раскрыто определение незаконного ремонта огнестрельного оружия и его основных частей. Уголовное законодательство Российской Федерации и Латвийской Республики не предусматривает ответственности за незаконные действия с маркировкой на основных частях огнестрельного оружия.

В качестве предмета указанных составов преступлений необходимо считать приспособления для изменения режимов огня в огнестрельном оружии.

Предложены определения незаконных изготовления, переделки и ремонта огнестрельного оружия и его основных частей, а также приспособлений для изменения режимов огня в огнестрельном оружии, учитывая уголовное законодательство Российской Федерации и Латвийской Республики, международное право.

Ключевые слова: незаконное изготовление, незаконная переделка, незаконный ремонт, преступление, уголовная ответственность, огнестрельное оружие, основные части огнестрельного оружия, маркировка.

Изготовление, переделка или ремонт огнестрельного оружия и его основных частей могут быть как законными, так и противоправными. Противоправность данных действий детерминируется отсутствием лицензии или разрешения на изготовление, переделку и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей.

Проблема противодействия незаконному изготовлению огнестрельного оружия является актуальной во все времена. Изготовлением огнестрельного оружия, его основных частей либо приспособлений к оружию, как правило, занимаются профессионалы, ранее работавшие или работающие на оборонных предприятиях (оружейные мастера, токари, фрезеровщики, специалисты по закаливанию металла и т. п.) [5, с. 30].

А. В. Стальмахов, А. М. Сумарока, А. Г. Егоров, А. Г. Сухарев, рассматривая проблемы, связанные с незаконным оборотом оружия, условно именуют его криминальным [9]. Незаконно изготовленное самодельным способом огнестрельное оружие по своему назначению в большинстве случаев можно отнести к криминальному оружию, потому как цели владения таким оружием представляются очевидными, преступными.

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, незаконное изготовление оружия более опасно, чем деяния, предусмотренные ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), поскольку именно с изготовления оружия начинается его незаконный оборот. Неслучайно ответственность за незаконное изготовление оружия была выделена в УК РФ в самостоятельный состав преступления (ст. 223) [2, с. 157].

Статистические данные о фактах незаконного изготовления оружия, согласно сведениям МВД России, свидетельствуют о том, что в течение января – декабря 2015 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 4542 таких преступления [6], в 2016 – 4811 [7], в 2017 г. – 3935 преступлений [8]. Представленные МВД России статистические данные свидетельствуют о росте числа зарегистрированных фактов изготовления оружия.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5) говорится, что применительно к ст. 222–226.1 УК РФ под огнестрельным оружием следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным спосо-

бом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

Согласно ч. 1 ст. 223 УК РФ «Незаконное изготовление оружия» уголовно наказуемыми признаются незаконное изготовление, переделка и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей. В соответствии с ч. 2 ст. 233 Уголовного закона Латвийской Республики (УЗ Латвии) уголовно наказуемыми признаются только изготовление и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей без соответствующего разрешения. Необходимо отметить, что диспозиция ч. 2 ст. 233 УЗ Латвии охватывает собой и другие формы незаконного оборота предметов данного преступления, а именно приобретение, хранение, ношение, перевозку, пересылку или реализацию без соответствующего разрешения.

Сравнительно-правовой анализ законодательной формулировки незаконных изготовления, переделки и ремонта огнестрельного оружия и его основных частей по УК РФ и УЗ Латвии позволяет сделать вывод о том, что российский законодатель прибег к более удачному варианту. Ведь объективно общественная опасность незаконных изготовления, переделки и ремонта рассматриваемых предметов является большей по сравнению с другими формами незаконного оборота огнестрельного оружия и его основных частей. На наш взгляд, латвийскому законодателю следует обратить внимание на данное обстоятельство и закрепить незаконное изготовление, переделку и ремонт огнестрельного оружия и его основных частей в качестве самостоятельного состава преступления, предусматривая за совершение таких противоправных действий более суровое наказание.

Кроме того, считаем вполне справедливым, что российский законодатель разграничил незаконное изготовление, переделку или ремонт между огнестрельным оружием и его основными частями, с одной стороны, и между огнестрельным оружием ограниченного поражения (далее – ОООП) – с другой. Наказание за совершение таких действий с ОООП является более мягким. В свою очередь, в УЗ Латвии подобное разграничение по предмету преступления отсутствует, что свидетельствует о несовершенстве уголовно-правового регулирования данного вопроса в Латвии.

В п. «d» ст. 3 Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его основных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (далее – Протокол) относительно огнестрельного оружия и его основных частей, незаконное изготовление определено как изготовление или сборка огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов: 1) из находящихся в незаконном обороте составных частей и компонентов; 2) без соответствующей лицензии или разрешения компетентного органа государства-участника, в котором осуществляется изготовление или сборка; 3) без маркировки огнестрельного оружия в соответствии со ст. 8 Протокола во время его изготовления.

Статья 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» гласит, что изготовление и ремонт оружия являются формами его производства. В соответствии с п. 21 ст. 1 Закона об обороте оружия и специальных средств Латвийской Республики от 17 ноября 2010 г. изготовлением является промышленное, ремесленное или индивидуальное производство различных видов оружия и его составных частей.

В соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 незаконным изготовлением огнестрельного оружия и его основных частей, ОООП, влекущим за собой уголовную ответственность, является их создание, в том числе путем переделки каких-либо иных предметов (например, ракетниц, пневматиче-

ских, стартовых и строительно-монтажных пистолетов, предметов бытового назначения или спортивного инвентаря), без полученной в установленном порядке лицензии, в результате чего они приобретают свойства огнестрельного оружия.

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 под незаконной переделкой как разновидностью изготовления огнестрельного оружия и его основных частей, ООП следует понимать изменение в нарушение установленного порядка их тактико-технических характеристик и свойств, при котором независимо от результатов такого изменения их поражающие свойства сохраняются (например, изменение их формы для имитации других предметов, переделка ствола огнестрельного гладкоствольного оружия под патрон к оружию с нарезным стволом, укорачивание ствола огнестрельного гладкоствольного оружия, в результате чего оно становится запрещенным к обороту).

Незаконная переделка может быть осуществлена не только путем изменения принципа действия оружия, но и путем внесения конструктивных изменений, влияющих на тактико-технические характеристики конкретного образца оружия. Внесение изменений, которые не влияют на работоспособность оружия (изготовление ортопедической рукоятки, изменений прицельных приспособлений, художественная отделка оружия и т. п.), не должно квалифицироваться как уголовно наказуемая переделка [4, с. 548].

Понятие незаконной переделки огнестрельного оружия и его основных частей в Российской Федерации выступает сугубо уголовно-правовой категорией. Диспозиция ч. 2 ст. 233 УЗ Латвии не содержит такого понятия, как «переделка», поэтому на практике переделка огнестрельного оружия и его основных частей включается в изготовление.

Ремонт огнестрельного оружия, его основных частей, ООП означает приведение неисправного оружия или его отдельных деталей в состояние, пригодное для использования по целевому назначению [1, с. 127]. Ремонтом оружия, согласно п. 18 ст. 1 Закона об обороте оружия и специальных средств Латвийской Республики, является устранение дефектов оружия или приспособление оружия к индивидуальным потребностям владельца.

В соответствии со ст. 16 Закона «Об оружии» ремонт и замена комплектующих деталей огнестрельного оружия, за исключением его основных частей, могут производиться владельцем этого оружия самостоятельно. Из этого положения следует, что лицо, владеющее огнестрельным оружием на законных основаниях, вправе производить ремонт этого оружия, но только в рамках действий с его неосновными частями.

Таким образом, ремонт огнестрельного оружия и его основных частей не является разновидностью их изготовления, чего нельзя сказать о переделке огнестрельного оружия и его основных частей. Ремонт по своей сути является возвращением потребительских свойств ремонтируемой вещи. Исходя из данной формулировки можно констатировать, что понятие ремонта не может входить в понятие изготовления. Не содержит указания на незаконный ремонт огнестрельного оружия и его основных частей и Пленум Верховного Суда РФ № 5. Термин «ремонт» как форма производства огнестрельного оружия и его основных частей упоминается в ст. 1 Федерального закона «Об оружии», но при этом его содержание не раскрывается. В свою очередь, в Законе об обороте оружия и специальных средств Латвийской Республики не только содержится само понятие ремонта, но и вполне удачно раскрывается в его тексте.

Согласно п. «а» ст. 8 Протокола для целей идентификации и отслеживания каждой единицы огнестрельного оружия государства-участники в процессе его изготовления либо требуют нанесения уникальной маркировки, указывающей на наименование изготовителя, страну или место изготовления и серийный номер, либо сохраняют любую

альтернативную уникальную удобную в обращении маркировку, состоящую из простых геометрических символов в сочетании с цифровым и(или) буквенно-цифровым кодовым обозначением и позволяющую всем государствам-участникам быстро определить страну изготовления.

Протокол определяет отсутствие факта нанесения маркировки на огнестрельном оружии как одну из форм его незаконного изготовления. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 не содержит указаний на противоправность удаления маркировки с поверхностей основных частей огнестрельного оружия.

В соответствии со ст. 16 Федерального закона «Об оружии» каждая единица изготовленного оружия, за исключением механических распылителей, аэрозольных и других устройств, снаряженных слезоточивыми или раздражающими веществами, должна иметь индивидуальный номер.

Удаление маркировки лицами с основных частей огнестрельного оружия либо ее противоправное ненанесение производителем на основные части огнестрельного оружия, несомненно, затрудняет функции контроля за огнестрельным оружием со стороны государства. В соответствии с нормативной регламентацией, указанной в п. «d» ст. 3 и п. «а» ст. 8 Протокола, а также согласно ст. 16 Федерального закона «Об оружии» в рамках уголовно-правового регулирования Российской Федерации и Латвийской Республики в случае противоправного отсутствия факта нанесения производителем оружия такой маркировки или противоправного удаления лицом маркировки с поверхностей основных частей огнестрельного оружия такие действия должны охватываться понятием незаконного изготовления огнестрельного оружия и его основных частей.

И. В. Панкратова указывает, что в УК РФ не содержатся в качестве признака состава преступления такие действия, как фальсификация или незаконные удаление, уничтожение или изменение маркировки на огнестрельном оружии [3, с. 250]. Однако УК РФ может и не содержать прямого указания на незаконные действия с маркировкой огнестрельного оружия, но Пленуму Верховного Суда Российской Федерации, согласно нормативному регулированию Протокола, было бы целесообразно указать признаком незаконного изготовления огнестрельного оружия незаконные действия с маркировкой на его основных частях.

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 указано, что при квалификации последующих незаконных действий с изготовленным (переделанным) оружием необходимо исходить из тактико-технических характеристик, которыми стало реально обладать изготовленное (переделанное) виновным оружие, а не из тех, которыми обладали предметы, подвергшиеся переделке. Например, если лицо изготовило огнестрельное короткоствольное оружие путем переделки газового пистолета, то такой пистолет после проведенных механических изменений закономерно приобретает новые тактико-технические характеристики, и незаконный оборот такого оружия становится более опасным для общества, нежели противоправный оборот газового оружия.

Часто подобные незаконные переделки обуславливаются калибром наличествующих у виновных лиц боеприпасов, так как боеприпасы являются расходным материалом и трудоемки в изготовлении по ряду причин.

К факту незаконной переделки огнестрельного оружия с внесением необратимых технических изменений можно отнести укорачивание ствола (блока стволов), демонтаж приклада и др. Существуют факты незаконной переделки огнестрельного оружия и без внесения в него необратимых технических изменений.

Противоправная установка переводчика режима огня на пистолеты Glock производства Австрийской Республики (исключая пистолет Glock-18) не требует внесения необратимых технических изменений в данное оружие. Указанное приспособление устанавливается на место тыльной заглушки затвора пистолетов Glock и делает их более опасными, так как скорострельность этого вида оружия в автоматическом режиме ведения огня (огонь ведется очередью выстрелов) повышается до 1200 выстрелов в минуту.

По нашему мнению, уголовная ответственность за незаконные изготовление или ремонт таких приспособлений должна устанавливаться аналогично уголовной ответственности за совершение подобных действий с огнестрельным оружием и его основными частями. Учитывая данное обстоятельство, указанные приспособления было бы правильным приравнять к предметам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 223 УК РФ и ч. 2 ст. 233 УЗ Латвии.

Кроме того, незаконной переделкой огнестрельного оружия без внесения в него необратимых технических изменений является и использование нарезного ствола-вкладыша в огнестрельном гладкоствольном оружии, что, исходя из калибра используемых боеприпасов для ствола-вкладыша, может существенно увеличивать прицельную дальность огня.

Подобные случаи переделки огнестрельного оружия опасны тем, что лицо после использования может вернуть прежнее техническое состояние оружию, которое у него было до его незаконной переделки, вследствие чего установить факт незаконной переделки будет просто невозможно.

Под незаконным изготовлением огнестрельного оружия, его основных частей и приспособлений для изменения режимов ведения огня (за исключением изготовления неосновных частей огнестрельного оружия) следует понимать их создание или сборку (из находящихся как в законном, так и в противоправном обороте составных частей) без соответствующей лицензии или разрешения на их изготовление. Эти действия осуществляются в целях наделения данных предметов особыми свойствами огнестрельного оружия, его основных частей или приспособлений для изменения режимов ведения огня. К незаконному изготовлению следует относить также деяния в форме ненанесения производителем оружия надлежащей по закону маркировки (наименование изготовителя, страны или места изготовления, серийного номера) на основные части огнестрельного оружия или приспособления для изменения режимов ведения огня либо действия по удалению виновным такой маркировки.

Под незаконной переделкой огнестрельного оружия (за исключением переделки неосновных частей огнестрельного оружия), его основных частей и приспособлений для изменения режимов ведения огня в огнестрельном оружии как разновидностью незаконного изготовления указанных предметов следует понимать внесение виновным необратимых технических изменений в конструкцию вышеуказанных предметов. Вследствие этого изменяются и их тактико-технические характеристики, при этом сохраняются поражающие свойства огнестрельного оружия или пригодность основных его частей, как и вышеуказанных приспособлений, для использования в определенных видах оружия.

Под незаконным ремонтом огнестрельного оружия следует понимать, во-первых, устранение неисправностей в нем (за исключением ремонта и замены его неосновных частей), его основных частях и приспособлениях, в том числе для изменения режимов ведения огня; во-вторых, действия, восстанавливающие поражающие свойства как ог-

нестрельного оружия или пригодность его основных частей, так и рассмотренных нами приспособлений для использования в определенных видах оружия; в-третьих, приспособление к личным нуждам владельца указанных предметов.

Безусловно, что ряд положений, обозначенных в данной статье, являются дискуссионными и требуют своей дальнейшей научной разработки.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2016. Т. 2. 704 с.
2. Мусаев М. М. Уголовная ответственность и наказание за незаконное изготовление оружия: исторический опыт и современные реалии // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 155–159.
3. Панкратова И. В. Международные аспекты противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 6(122). С. 247–251.
4. Пронькина Е. А. Проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия: коллизии законодательства и правоприменительной практики // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 547–550.
5. Рагулин И. Ю. Организационные аспекты формирования типичных моделей механизмов преступлений в сфере незаконного оборота оружия и боеприпасов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 113(09). С. 1093–1142.
6. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». URL : https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 01.11.2017).
7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». URL : https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 01.11.2017).
8. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2017 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». URL : <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800/> (дата обращения: 01.11.2017).
9. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза / А. В. Стальмахов и др. Саратов, 1998. 176 с.

УДК 343.83:343.9

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ СИВЦОВ,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель-методист факультета повышения квалификации
и первоначальной подготовки,
Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Российская Федерация,
e-mail: sivtsovssa@mail.ru

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Сивцов, С. А. Коррупционные проявления при исполнении пожизненного лишения свободы / С. А. Сивцов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 50–53.

Аннотация. Анализируется исполнение уголовных наказаний в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов, а также в исправительных колониях особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы, выявляются их сходства и различия. Проводится сравнительно-правовой анализ коррупционных проявлений, распространенных в исправительных колониях разных видов режима, приводятся возможные пути решений вопросов противодействия коррупции в местах лишения свободы. Выявляются факторы, способствующие распространению коррупционных преступлений в исправительных колониях.

В целях недопущения коррупционных проявлений необходимо проведение ежедневных инструктажей о запрете вступления во внеслужебные связи с осужденными, добросовестное отношение сотрудников к служебно-боевой подготовке.

Ключевые слова: коррупционные проявления, исправительные колонии, режим исполнения наказаний, оперативная обстановка, пожизненное лишение свободы, условно-досрочное освобождение, служебно-боевая подготовка.

Уголовные, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы представляются достаточно актуальными в настоящее время. На 1 ноября 2017 г. в 6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, отбывали наказание 2 016 человек.

В последние два года средства массовой информации (СМИ) все больше стали уделять внимание проблеме условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы, так как лица, осужденные в 1990–1992 гг., которым в порядке помилования смертная казнь заменена на пожизненное лишение свободы, отбыли 25 лет и у них появилась возможность прошения об условно-досрочном освобождении. На данный момент по разным субъективным и объективным причинам ни одно лицо,

содержащееся в колониях особого режима для пожизненно осужденных, не вышло на свободу с применением условно-досрочного освобождения.

Особенно остро в СМИ освещается проблема распространения коррупционных проявлений в местах лишения свободы, в частности исправительных колониях общего, строгого и особого режимов, среди высокопоставленных лиц ФСИН России, МВД России, Следственного комитета Российской Федерации. Так, бывший директор ФСИН России осужден за мошенничество, несколько бывших его заместителей находятся под следствием в СИЗО, возбуждено уголовное дело против начальника Главного управления собственной безопасности Следственного комитета Российской Федерации и т. д.

Проблема противодействия коррупции перманентно актуальна, так как есть и остаются сотрудники, которые в угоду личным интересам, переступая черту закона, нарушают принятую ими присягу.

В сфере научных интересов в рамках противодействия коррупции большинство ученых ограничиваются рассмотрением лишь тех проблемных вопросов, которые складываются при исполнении уголовных наказаний в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов (назовем их обычными колониями), так как считают, что именно в данных исправительных учреждениях с учетом содержания осужденных в общежитиях совершается наибольшее число коррупционных преступлений, в которых участвуют, с одной стороны, осужденные, а с другой – персонал исправительного учреждения. В свою очередь, колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, в ракурсе рассматриваемых проблем не попадают.

По действующему российскому законодательству пожизненное лишение свободы является исключительной мерой уголовного наказания.

Согласно ч. 1 ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) осужденные к пожизненному лишению свободы должны размещаться в камерах, как правило, не более чем по два человека. По просьбе осужденных и в иных необходимых случаях по постановлению начальника исправительной колонии при возникновении угрозы личной безопасности осужденных они могут содержаться в одиночных камерах.

В соответствии со ст. 82 УИК РФ режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы.

Одним из средств конкретизации режима в исправительных колониях являются Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, которые содержат нормы, определяющие порядок применения материальных норм, закрепленных в УИК РФ, регулируют вопросы, связанные как с деятельностью администрации исправительных учреждений по организации исполнения наказания, так и с общими и специальными правилами поведения осужденных.

Следует отметить, что внеслужебное взаимодействие сотрудников с осужденными оказывает отрицательное влияние как на режим исправительного учреждения, так и на оперативную обстановку.

Сравнивая режим обычных колоний с колониями особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы и оценивая возникновение и распространение коррупционно опасных ситуаций при исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы на определенный срок и при пожизненном лишении свободы, мы пришли к следующим выводам.

Причинами совершения коррупционных преступлений в обычных колониях являются:

- отсутствие должных профессиональных качеств у ряда сотрудников, наличие издержек морально-психологического характера;
- отсутствие должной оценки проступков, совершаемых ими из корыстных побуждений, относящихся к категории дисциплинарных;
- сокрытие коррупционных преступлений путем перевода их в разряд дисциплинарных;
- наличие низкого уровня дисциплины среди отдельных руководителей органов и учреждений, исполняющих наказания, выражающегося в игнорировании ими требований приказов и указаний ФСИН России;
- отсутствие должного контроля со стороны руководителей за деятельностью подчиненных, непринятие целенаправленных действий по профилактике коррупционных проявлений среди личного состава [1, с. 261].

Следует отметить, что сотрудники, исполняющие уголовные наказания в колониях особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы, ответственно подходят к исполнению своих должностных обязанностей, осознают повышенную ответственность как за соблюдение прав и свобод человека и гражданина, осужденного к пожизненному лишению свободы, так и за его жизнь в целом.

Осознание опасности, которая исходит от осужденных к пожизненному лишению свободы, положительно влияет на нераспространение коррупционных проявлений в местах их заключения. Одним из положительных моментов, косвенно ограничивающих и исключающих распространение коррупции в колониях особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы, является качественное проведение служебно-боевой и общественно-государственной подготовки, а также инструктажей при заступлении сотрудников на суточное дежурство. Данные мероприятия направлены на закрепление и обновление в плановом порядке необходимых знаний, умений и навыков сотрудников в их повседневной служебной деятельности. В ходе их проведения доводится информация до сведения сотрудников об основных изменениях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, о происшествиях, произошедших в правоохранительной сфере. Сотрудников знакомят с основными нормативными актами антикоррупционного характера, методическими материалами и обзорами, способствующими недопущению совершения ими коррупционных преступлений. Следует отметить, что это проводится каждый день и неформально.

В обычных колониях занятия по профессиональной подготовке проводятся часто формально. Причинами такого недобросовестного отношения, на наш взгляд, являются:

- большой объем лекционного материала для освоения в короткие сроки (1 час в неделю);
- нежелание сотрудников, ответственных за данное направление, добросовестно исполнять служебные обязанности;
- недоведение материала до сведения сотрудников, задействованных в часы проведения занятий в служебной деятельности.

Данные выводы подтверждаются и обзорами, направляемыми из управлений ФСИН России с примерами и анализом совершения коррупционных преступлений сотрудниками ФСИН России, в которых отсутствует информация о нарушениях режима в колониях особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы.

Сам режим содержания осужденных в многоместных общежитиях исправительного учреждения (барачного типа) является постоянно действующим фактором возник-

новения коррупции. Если в рамках правоограничений, налагаемых на осужденных в обычных колониях, может возникнуть благоприятная среда, где сталкивается желание комфортного времяпрепровождения осужденных при отбывании уголовного наказания и улучшения материального положения сотрудников за счет их, то в колониях особого режима для пожизненного лишения свободы такая среда вообще отсутствует.

Реформирование системы исполнения уголовных наказаний в рамках первоначального варианта Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция) предусматривало создание новых видов исправительных учреждений, отказ от коллективного содержания осужденных и введение двух основных видов исправительных учреждений – тюрем с разного рода режимами и колоний- поселений. В тюрьмах осужденные должны были содержаться покамерно, а не в многоместных общежитиях, что способствовало бы невозможности установления нежелательных контактов между осужденными и планирования их преступной деятельности, в том числе коррупционного характера. К сожалению, последующие изменения формата Концепции не предусматривают репрофилирование исправительных колоний в новый тип исправительных учреждений. Установленные в настоящее время законом принципы раздельного содержания осужденных в обычных колониях не позволяют эффективно решить проблему распространения коррупционных проявлений. Вопрос остается открытым.

Следует отметить, что наличие коррупционных составляющих в нормах УИК РФ, предусматривающих единоличное принятие решений начальниками исправительных колоний особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы, не исключается.

Библиографический список

1. Антикоррупционная деятельность в уголовно-исполнительной системе : курс лекций / под общ. ред. А. А. Рудого. Рязань, 2013. 286 с.

УДК 343.8

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,

кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Фомин, В. В. К вопросу о личной безопасности осужденных в местах лишения свободы / В. В. Фомин // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 54–56.

Аннотация. Одной из основных задач уголовно-исполнительной системы является обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, безопасности содержащихся в них осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории этих учреждений. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся адаптации осужденных в местах лишения свободы и их личной безопасности.

Ключевые слова: право осужденных на личную безопасность, приспособление к новой среде, обеспечение личной безопасности осужденных.

Право осужденных на личную безопасность и задачи по ее обеспечению, стоящие перед учреждениями уголовно-исполнительной системы, закрепляются нормами Уголовно-исполнительного права. Меры обеспечения и гарантии личной безопасности осужденных, наряду с уголовно-исполнительным правом, регулируются и другими отраслями права: конституционным, гражданским, трудовым, уголовным, административным и т. д.

Субъективное право осужденных на личную безопасность закреплено в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ). Так, в ст. 10 УИК РФ указано, что Российская Федерация обеспечивает правовую защиту и личную безопасность осужденных при исполнении наказаний; ст. 12 устанавливает, что осужденные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению; ст. 13 непосредственно закрепляет право осужденных на личную безопасность, а также обязанность администрации учреждений, исполняющих наказания, принимать меры по обеспечению личной безопасности осужденных.

Состояние безопасности осужденного, его защищенность от физического и психического насилия со стороны других осужденных зависят от состояния режима в исправительном учреждении, дисциплины среди осужденных и мер, принимаемых в целях их улучшения. Практика показывает, что при ухудшении режима происходит рост числа нарушений дисциплины среди осужденных, в частности случаев физической расправы. Следовательно, организационно-правовые меры, направленные на укрепление режима в исправительных учреждениях и дисциплины осужденных, в конечном счете

способствуют обеспечению безопасности осужденных. При этом режим и дисциплина выступают в качестве комплексных средств поддержания безопасности в исправительных учреждениях.

Длительное пребывание в местах лишения свободы не проходит и не может пройти для осужденного бесследно. Однородная в социально-нравственном отношении среда неизбежно прививает ему многие негативные установки и формы поведения. В условиях изоляции осужденный, стремясь выйти из состояния переживания, порождающего необходимость защиты, сочувствия, понимания, наконец, признания в сообществе подобных ему, вынужден принимать установки и нормы данной среды. Именно их правильное усвоение помогает ему избегать многих конфликтов со средой и стрессовых ситуаций.

Как правило, каждый человек стремится обезопасить свое существование в любой среде, поэтому вполне закономерно, что помещение осужденного в исправительное учреждение, в необычную для него обстановку, непременно требует от него быстрой переориентации, изменения форм поведения, приспособления к ней. Известно, что вхождение человека в систему межличностных отношений, приспособление к ним происходит нелегко вообще, а в условиях изоляции в особенности, поскольку эти условия имеют свою, присущую местам лишения свободы специфичность. Она, в частности, связана, во-первых, с принудительным помещением лица в среду преступников одного и того же с ним пола и, во-вторых, также с принудительным, но уже со стороны преступников приобщением к образцам поведения и ценностям их среды.

Принудительное помещение осужденного в условия мест лишения свободы регулируется законом, призванным исключить всякое унижение и насилие над личностью, а также правом осужденного на личную безопасность (ст. 13 УИК РФ). Этой нормой возлагается обязанность на должностных лиц колонии принимать незамедлительные меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного. Такое законодательное закрепление права осужденного на личную безопасность, на защиту его достоинства введено не случайно.

Практика деятельности исправительных колоний показывает, что осужденные (в основном отрицательной направленности) используют любые средства для того, чтобы принудить лицо соблюдать установленные ими принципы и нормы поведения. Большинство осужденных стремятся во что бы то ни стало сохранить свою репутацию, сознавая, что в кругу преступников, где особенно остро проявляются конъюнктивные чувства, они будут наиболее полно ощущать безопасность и иметь даже превосходство над другими. Отсюда в среде осужденных с большей значимостью, чем в других социальных группах, одни пользуются большим уважением, другие, наоборот, становятся презираемыми.

Условия изоляции от общества препятствуют реализации многих познавательных потребностей, посредством которых расширяется кругозор личности, раскрываются его способности и талант. Лишение свободы, особенно длительное, как бы вырывает страницы такой жизни и тем самым притупляет многие познавательные потребности.

В условиях изоляции лицо невольно вынуждено усваивать ценности субкультуры данного общества. Как следствие этого, дефицит усвоения социально полезных и значимых ценностей неизбежно приводит к усвоению ими ситуативно значимых ценностей, в своем большинстве искаженных или даже извращенных. С годами, закрепляясь в сознании осужденных, они вырабатывают у них устойчивую привычку, направленную на их удовлетворение даже после отбытия наказания. Этим во многом и объясняются

неудачи в процессе исправления преступников и весьма высокий рецидив совершения освобожденными новых преступлений.

Итак, в местах лишения свободы осужденный испытывает воздействие не только администрации, но и среды осужденных. Если способы воздействия администрации ему более или менее известны (например, за невыполнение требований порядка отбывания его могут наказать исходя из норм закона), то меры воздействия среды осужденных могут быть самыми непредсказуемыми и жестокими. В связи с этим сохранение личной безопасности, достоинства личности – проблема очень острая. Бесспорно, ее решение во многом зависит от деятельности администрации. Вполне оправданно в данном случае указание закона (ч. 2 ст. 12 УИК РФ) о том, что осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказание. Они не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона.

Безопасность осужденных подразумевает широкий спектр мер, выражающихся в устранении опасных для осужденных условий в исправительном учреждении и формировании предупредительно-защитных форм деятельности в сфере обеспечения их безопасности. Механизм обеспечения безопасности осужденных в исправительных учреждениях будет эффективным только в том случае, если меры безопасности будут применяться комплексно не только на бумаге, но и в жизни, с учетом конкретной ситуации и факторов, создающих угрозу личной безопасности осужденных.

УДК 343.847

ТАТЬЯНА ИЛЬИНИЧНА ЭРХИТУЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана юридического факультета,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: tanja_77@mail.ru;

ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЩЕРБАКОВ,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника академии по научной работе,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: gregoralt@yandex.ru;

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МЯХАНОВА,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: alex27-m@mail.ru;

МАКСАРА ЮРЬЕВНА ДОНДОКОВА,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: maksara508@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ И УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ

Для цитирования

Эрхитуева, Т. И. Значение условного осуждения и условно-досрочного освобождения для достижения целей наказания / Т. И. Эрхитуева и др. // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 57–63.

Аннотация. Институты условного осуждения и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания способны достигать целей наказания. Например, добровольное возмещение осужденным ущерба, причиненного потерпевшему, свидетельствует о восстановлении социальной справедливости. Назначение условного осуждения законодатель связывает напрямую с целью исправления осужденного. Так, в ч. 1 ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации говорится о том, что суд назначает условное осуждение, если придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Таким образом, возможность достижения цели исправления является главным условием применения условного осуждения.

Путем назначения условного осуждения возможно достижение цели наказания в отношении случайных преступников, а также устранение тех вредных по-

следствий, которые могут наступить при реальном исполнении наказания в виде лишения свободы. Назначение осужденным условного осуждения не связано с отрывом от привычной для них среды, потерей работы.

Применение условно-досрочного освобождения законодатель также связывает именно с исправлением осужденного. Сущностью наказания является только карательная составляющая, поскольку в отношении осужденных, получивших одинаковое наказание, не может осуществляться одинаковое исправительное воздействие. Это противоречит смыслу исправления как индивидуализированного процесса. Исправительное воздействие не входит в содержание наказания и не может им достигаться. Решение о применении условно-досрочного освобождения должно быть взвешенным и обоснованным, поскольку имеет место досрочный выход лица из пенитенциарного учреждения. Решение суда должно основываться на фактах, которые могут спрогнозировать дальнейшее правопослушное поведение досрочно освобожденного лица.

Формулировка в ч. 1 ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации о том, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, является не совсем корректной, поскольку не определены критерии исправления. У правоприменителя возникают проблемы при трактовании понятия исправления. В связи с этим предлагается заменить термин «исправление» на термин «предвидение правопослушного поведения», как это сделано в уголовных кодексах Швейцарии и Австрии. Указанные изменения должны способствовать совершенствованию данного института, поскольку суды будут ориентированы при применении условно-досрочного освобождения на прогноз правопослушного поведения осужденного после его освобождения от дальнейшего отбывания наказания.

Ключевые слова: наказание, меры уголовно-правового характера, условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности, условно-досрочное освобождение, осужденный, предупреждение преступлений, исправление осужденных, восстановление социальной справедливости, профилактика преступности.

В доктрине уголовного права цели наказания рассматриваются как конечный результат, который стремится достичь государство, приговаривая виновного за совершение преступления к той или иной мере наказания и применяя эту меру [1; 2, 288; 3, с. 9].

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) в качестве целей наказания определяет восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43).

В условном осуждении социальная справедливость реализуется, поскольку оно применяется в тех случаях, когда суд, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания.

Социальная справедливость должна не только включать в себя справедливое наказание виновного, но и отражать интересы потерпевшего, вызывать у него чувство справедливости, порождать сознание неотвратимости наказания в обществе. Потерпевший будет считать, что социальная справедливость была восстановлена в случае назначения осужденному наказания в соответствии с законом, с учетом тяжести соде-

янного и его последствий для потерпевшего [4, с. 56]. Нельзя говорить о восстановлении социальной справедливости для потерпевшего без возмещения в полном объеме материального ущерба, причиненного преступлением, и морального вреда. Как справедливо отмечает М. Н. Становский, если эти вопросы останутся нерешенными, цель восстановления социальной справедливости не будет достигнута, как минимум, с позиции потерпевшего [5, с. 20].

В практике встречаются случаи, когда осужденный добровольно возместил ущерб, причиненный потерпевшему. Такое положение свидетельствует о восстановлении социальной справедливости. Добровольное возмещение ущерба потерпевшему суды рассматривают в качестве одного из оснований для назначения условного осуждения, данное обстоятельство свидетельствует не только о восстановлении социальной справедливости, но и о желании виновного загладить причиненный преступлением вред.

Отдельного рассмотрения требует и институт условно-досрочного освобождения, изучаемый в юридической литературе [6, с. 14–17; 7].

Согласно ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. При этом условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным установленных в законе сроков наказания (ч. 3 ст. 79 УК РФ).

Представляется, что восстановление социальной справедливости при условно-досрочном освобождении будет иметь место, когда осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб потерпевшему либо иным образом загладил вред в соответствии с требованиями ч. 1, 4.1 ст. 79 УК РФ.

Условное осуждение и условно-досрочное освобождение должно вызывать сознание справедливости и неотвратимости у общества. Освобождение от дальнейшего отбывания наказания не должно восприниматься обществом как корректировка приговора в меньшую сторону, иначе у общества может сложиться впечатление о безнаказанности.

Цель исправления осужденного находит прямое закрепление в ч. 1 ст. 73 УК РФ, где говорится о том, что суд назначает условное осуждение, если придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания. Таким образом, возможность достижения цели исправления осужденного является главным условием применения условного осуждения.

УК РФ определяет ряд обстоятельств, которые направлены на достижение цели исправления осужденного. Так, ч. 1 ст. 74 УК РФ предусматривает возможность отмены условного осуждения до истечения его срока и снятия с осужденного судимости, если условно осужденный своим поведением доказал свое исправление, возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. Исправительное воздействие также оказывает ст. 74 УК РФ, где предусматриваются отмена условного осуждения или его продление. В ч. 5 ст. 73 УК РФ указано, что на осужденного могут быть возложены определенные обязанности: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться)

либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Кроме того, суд может возложить на условно осужденного исполнение других обязанностей, способствующих его исправлению. Цель исправления будет считаться достигнутой, если осужденный в течение испытательного срока не совершит нового преступления.

В УК РФ понятие исправления осужденного не дается, однако Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) в ст. 9 определяет, что исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. По мнению авторов комментария к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации, в указанной статье речь идет не только о юридическом исправлении осужденного, когда он не совершает нового преступления, но и о более глубоком явлении его нравственного исправления, когда осужденный осознает ценности человеческого общежития и соблюдает их не из-за боязни наказания [8, с. 17].

Исправление осужденного как цель наказания в уголовном праве ограничивается только юридическим исправлением, то есть недопущением криминального рецидива, поскольку моральное совершенствование личности в ст. 43 УК РФ не провозглашается целью наказания [9, с. 93].

Применение условно-досрочного освобождения законодатель тоже связывает именно с исправлением осужденного. При этом принимаемое судебное решение должно быть взвешенным и обоснованным, так как досрочный выход из пенитенциарного учреждения лица, процесс ресоциализации которого еще не завершен, может повлечь за собой совершение им нового преступления.

Следует согласиться с Я. И. Гилинским, что в последнее время отмечаются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, рост репрессивного сознания как реакция на «страх перед преступностью», с другой стороны, понимание «кризиса наказания» и как следствие – предпочтение мер, альтернативных лишению свободы, гуманизация условий отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях [10, с. 486].

Исправление – это комплекс психолого-педагогического воздействия, которое должно быть независимо от совершенного преступления и быть строго индивидуализированным, поставленным в зависимость от свойств конкретной личности. Предметом воздействия при исправлении являются те или иные дефекты личности. В давней дискуссии о дуумвирате сущности наказания (кара и воспитательное воздействие) мы отдаем предпочтение точке зрения, согласно которой сущностью наказания является исключительно карательная составляющая [11, с. 246–247; 12, с. 12]. В противном случае можно прийти к выводу о том, что лица, получившие одинаковое наказание, требуют для своего исправления одинакового воздействия, что противоречит смыслу исправления как индивидуализированного процесса. Таким образом, исправительное воздействие не входит в содержание наказания и не может им достигаться.

Профессор И. С. Ной, не соглашаясь с мнением И. И. Карпеца о том, что в исправительных учреждениях продолжают содержаться лица, уже исправившиеся и перевоспитавшиеся, но не отбывшие положенный срок, писал: «Указанных лиц продолжают содержать в местах заключения отнюдь не по соображениям возмездия. Их не освобождают исключительно в связи со стремлением обеспечить общую превенцию» [13, с. 75]. Суд отказывает в ходатайстве об условно-досрочном освобождении, потому что усиливает в отношении некоторых осужденных кару, считая отбытый срок недостаточным для достижения целей наказания.

Следует согласиться с мнением С. В. Щербакова, что «в качестве основных, продуцирующих рецидивное преступление факторов выступают особенности личности, ранее совершавшей преступления, а также обстоятельства внешнего по отношению к ней порядка, которые, с одной стороны, обуславливают сохранение и развитие негативных свойств этой личности, а с другой – препятствуют эффективной постпенитенциарной адаптации и реинтеграции осужденных» [14, с. 7].

Полагаем, что следует вообще исключить понятие «исправление» из ст. 79 УК РФ. Объективно при направлении лица для отбывания наказания в исправительные колонии государство и общество добиваются частично только двух заявленных в ст. 43 УК РФ целей наказания: восстановления социальной справедливости по отношению к потерпевшему и обществу и предупреждения совершения новых преступлений. Однако частично, поскольку, во-первых, после совершения некоторых преступлений ничто не может быть расценено как восстановление социальной справедливости, и, во-вторых, в колонии лицо также может совершить новое преступление.

Условное осуждение выполняет также цель предупреждения преступлений, поскольку имеет большое значение для предотвращения совершения преступлений другими лицами. Несмотря на то что законодатель не подразделяет цель предупреждения на общую и специальную превенцию, она, несомненно, содержится в законе.

Цель общего предупреждения будет достигнута не вследствие жестокости наказания, а вследствие неотвратимости, неизбежности назначения наказания или меры уголовно-правового характера лицу, совершившему преступление.

Цель частного (специального) предупреждения направлена на предотвращение преступной деятельности осужденного, по сути, она сливается с юридическим исправлением осужденного, поэтому некоторые авторы относят эту цель к цели исправления осужденного. К цели же предупреждения преступлений они относят только общую превенцию [15, с. 17].

Наиболее простым способом реализации частной превенции является лишение или ограничение возможности осужденного совершить новое преступление. Указанное ограничение состоит из таких факторов, как:

- создание условий, фактически препятствующих совершению преступления;
- осуществление режимных и оперативных мероприятий, затрудняющих сокрытие преступлений и облегчающих разоблачение преступников.

Такое деление является относительным, в любом ограничении можно найти и те и другие свойства, однако в одних мерах более выражены первые свойства, в других – вторые [16, с. 189].

Ограничивающее воздействие условного осуждения выражается в том, что в нем находят свое закрепление как условия, препятствующие осуществлению осужденным новых преступлений, так и мероприятия, затрудняющие сокрытие преступлений и облегчающие разоблачение преступников.

В течение испытательного срока к поведению осужденного предъявляются определенные требования, в случае невыполнения которых для него могут наступить негативные последствия в виде более жесткого наказания. Цель частного предупреждения достигается с помощью не только угрозы применения наказания в виде лишения свободы, исправительных работ, ограничения по военной службе или содержания в дисциплинарной воинской части, но и стимулирования законопослушного поведения со стороны осужденного.

Примером стимулирования законопослушного поведения осужденного является возможность отмены условного осуждения судом, если до его истечения условно осужден-

ный своим поведением доказал свое исправление (ч. 1 ст. 74 УК РФ), а также возможность отмены судом полностью или частично либо дополнение ранее установленных для осужденного обязанностей по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного (ч. 7 ст. 73 УК РФ).

Если осужденный является не закоренелым, а случайным преступником, страх исполнения в отношении его определенного судом наказания может оказать более эмоциональное воздействие и способствовать его исправлению, чем реальное исполнение наказания.

Рецидивы преступлений в большинстве случаев совершаются лицами, в прошлом отбывавшими наказание в виде лишения свободы. Еще в конце XIX в. Н. С. Тимашев характеризовал тюрьму как «фабрику преступников» [17, с. 320]. Социальная адаптация лиц, отбывших наказание, связанное с лишением свободы, существенно затрудняется как отрицательным отношением к ним окружающих, так и их собственными ощущениями – страхом и стыдом, которые мешают им чувствовать себя уверенными в ранее привычной для них среде.

Условное осуждение является мерой уголовно-правового воздействия, способной достигать цели наказания в отношении случайных преступников. Вследствие применения этого вида наказания устраняются те вредные последствия, которые могут наступить при реальном исполнении наказания, особенно в виде лишения свободы. Назначение осужденным условного наказания не связано с отрывом от привычной для них среды, потерей работы, они не чувствуют себя отверженными обществом, что может способствовать быстрому возврату их к честной жизни.

Таким образом, при условном осуждении и условно-досрочном освобождении могут быть достигнуты цели наказания. Вместе с тем формулировка в ч. 1 ст. 79 УК РФ о том, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, является неконкретной, поскольку четко не определяются критерии исправления, у правоприменителя возникают проблемы при трактовании понятия исправления. По-разному складывается судебная практика по применению условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. В связи с этим предлагается заменить термин «исправление» на «предвидение правопослушного поведения», как это сделано в уголовных кодексах Швейцарии и Австрии.

На наш взгляд, указанные изменения должны способствовать совершенствованию данного института, поскольку суды будут ориентированы при применении условно-досрочного освобождения на прогноз правопослушного поведения осужденного после его освобождения от дальнейшего отбывания наказания.

Библиографический список

1. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. 176 с.
2. Карпец И. И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. 287 с.
3. Чучаев А. А. Цели наказания в советском уголовном праве. М., 1989. 22 с.
4. Веливе С. А. Принципы назначения наказания. СПб., 2005. 386 с.
5. Становский М. Н. Назначение наказания. СПб., 1999. 480 с.
6. Кашуба Ю. А., Скиба А. П. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 14–17.
7. Бабаян С. Л. Некоторые вопросы применения межотраслевого поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 35–39.

8. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Зубкова. М., 2001. 256 с.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М., 2002. 804 с.

10. Гишинский Я. И. Глобализация преступности и социального контроля // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы V Российского конгресса уголовного права. М., 2010. С. 482–486.

11. Натасhev А. Е. Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961. С. 246–247.

12. Стручков Н. А. Правовое регулирование исполнения наказания (основные проблемы советского исправительно-трудового права) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1963. 36 с.

13. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. Саратов, 1973. 192 с.

14. Щербаков С. В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

15. Комарицкий С. И. Наказания, не связанные с лишением свободы, и административный надзор: социальное назначение и правовые средства реализации // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы : сб. науч. тр. М., 1989. С. 3–19.

16. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание. СПб., 2005. 329 с.

17. Тимашев Н. С. Условное осуждение. СПб., 1914. 347 с.

УДК 343.241

ИРИНА ЮРЬЕВНА ЯНИНА,

старший преподаватель кафедры публичного права,
Саранский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
г. Саранск, Российская Федерация,
e-mail: yanina_i@bk.ru

ПРАВИЛА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПУТЕМ ПОСРЕДСТВЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ

Для цитирования

Янина, И. Ю. Правила назначения наказания за преступления, совершаемые путем посредственного причинения / И. Ю. Янина // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 64–69.

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с назначением справедливого наказания за преступления, совершенные путем использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Обосновывается необходимость дополнения действующего уголовного закона нормой, содержащей положения о назначении наказания за преступления, совершаемые путем посредственного причинения.

Основой исследования послужило то обстоятельство, что за преступление, совершенное путем использования несубъектов, назначается наказание, соразмерное наказанию за индивидуальное исполнение преступления. В уголовно-правовой доктрине является преобладающей следующая точка зрения: преступления, выполненным при помощи посредственного причинения, за счет способа совершения свойственны повышенные характер и степень общественной опасности.

Предлагается в ст. 67.1 «Назначение наказания за преступление, совершенное при посредственном причинении» Уголовного кодекса Российской Федерации закрепить: в ч. 1 – специальные правила назначения наказания, характеризующие деяние, совершенное при помощи посредственного причинения, личность лица, не подлежащего уголовной ответственности (посредственно используемого лица), количество используемых в преступных целях несубъектов, наличие (отсутствие) в деле отягчающих и смягчающих обстоятельств; в ч. 2 – правила, устанавливающие минимальные и максимальные пределы наказания посредственным причинителям; в ч. 3 – правила, определяющие границы наказания посредственным причинителям, совершившим преступление при наличии обстоятельств, указанных в ст. 61, 63 и 64 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: посредственное причинение, назначение наказания, правила назначения наказания, отягчающие и смягчающие обстоятельства.

Важнейшим принципом, на основании которого сконструированы нормы гл. 10 «Назначение наказания» Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), по праву следует признать принцип справедливости. На данное обстоятельство указывает содержащаяся в ч. 1 ст. 6 УК РФ формулировка: наказание должно быть справедливым.

При назначении наказания суд руководствуется правилами, закрепленными в главе о назначении наказания. Что касается преступлений, совершаемых путем посредственного причинения, то в гл. 10 УК РФ отсутствуют какие-либо рекомендации по назначению наказания посредственным причинителям; наказание за преступление, совершенное путем посредственного причинения, соразмерно наказанию за индивидуально осуществленное преступление.

Следуя такой логике, получается, что, например, простое убийство, совершенное путем использования ради преступного результата посредственным причинителем малолетнего, и простое убийство, совершенное лицом единолично, обладают равными (или почти равными) показателями общественной опасности.

Тем не менее в науке многие ученые отмечают повышенные характер и степень общественной опасности преступлений, совершаемых путем посредственного причинения, в сравнении с преступлениями, исполненными лицом единолично [7, с. 128; 21, с. 6]. В частности, Е. Г. Быкова пишет, что общественная опасность преступлений, совершаемых путем посредственного причинения, повышается «в связи с тем, что преступный результат достигается объединенными усилиями нескольких лиц» [4, с. 57].

Привлечение, а также использование в преступных целях несубъектов, будучи способом совершения преступных деяний, исполненных путем посредственного причинения, свидетельствует о повышенной степени общественной опасности деяний, совершаемых посредственными причинителями. Р. Д. Сабиров прав в том, что степень общественной опасности преступлений, совершаемых путем посредственного причинения, повышается «из-за численности действующих лиц... их наглядности для потерпевших и посторонних» [16, с. 64–65]. Действительно, за счет объединения усилий нескольких лиц увеличивается возможность преодоления сопротивления потерпевшего, скрытия следов преступления, реализации преступного намерения за более короткий промежуток времени. Кроме того, подчеркивает А. И. Рарог, «такие преступления субъективно воспринимаются потерпевшими именно как групповые» [15, с. 217].

Следует отметить, что подобное понимание общественной опасности преступлений, совершаемых путем посредственного причинения, применимо к ситуациям, когда посредственный причинитель и посредственно используемое лицо совместно (разумеется, при фактическом использовании последнего) выполняют объективную сторону противоправного деяния. Если же лицо, не подлежащее уголовной ответственности, единолично исполняет объективную сторону преступления, общественная опасность повышается за счет самого факта использования посредственным причинителем лиц, которые в подавляющем большинстве случаев не осознают, что они принимают участие в преступлении.

За преступления, совершаемые путем посредственного причинения, при наличии несколькихотягчающих обстоятельств суд вправе назначить посредственному причинителю наказание по верхней границе санкции статьи Особенной части УК РФ. Предельно строгое наказание за осуществленное преступное деяние назначается при недостижении целей наказания при выборе не самого сурового вида наказания [17, с. 7–8] и осуществлении противоправного деяния при наличии обстоятельств, отягчающих наказание [8, с. 23].

В ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельства, отягчающие наказание, закреплены в виде закрытого списка [9, с. 89; 20, с. 292]. По утверждению Л. В. Горбуновой, в уголовных законах многих европейских государств (например, ФРГ, Франция, Польша, Дания, Болгария) отягчающие обстоятельства представлены открытым перечнем [6, с. 22].

Одним из обстоятельств, отягчающих наказание, законодатель признает привлечение к осуществлению общественно опасного деяния малолетних и (или) невменяемых. При этом за пределами данной уголовно-правовой нормы остаются случаи использования посредственным причинителем иных лиц, помимо малолетних и невменяемых, не подлежащих уголовной ответственности. В свою очередь, в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран отягчающим наказанием признается не только использование при совершении преступления лиц, не отвечающих признакам надлежащего субъекта в силу недостижения возраста или невменяемости [18, с. 498–499].

Поскольку при всех видах посредственного причинения степень общественной опасности одинакова, представляется совершенно обоснованным предложение Д. А. Лунькова, направленное на изменение законодательной формулировки п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Он считает целесообразным дополнить содержание соответствующего пункта данной статьи конструкцией: «а также других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом» [10, с. 10].

Виды посредственного причинения, на наш взгляд, целесообразно представить исчерпывающим списком, поэтому более правильно аналогичные категории посредственно используемых субъектов отразить и в п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ, дополнив его словами: «а также лиц, действовавших под воздействием физического или психического принуждения, во исполнение приказа или распоряжения, невиновно причинивших вред». При этом из п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ потребуются исключить формулировку: «с применением физического или психического принуждения».

В связи с высоким уровнем общественной опасности преступлений, совершаемых путем посредственного причинения, учеными предлагаются различные меры, способствующие назначению справедливого наказания за подобные преступления. Так, М. В. Панкратов высказал предложение дополнить ст. 67 «Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии» УК РФ положением, в соответствии с которым лицо, осуществившее преступное деяние при помощи использования несубъектов, не может быть привлечено к уголовной ответственности как за исполнение преступления в соучастии [13, с. 66].

Думается, логично предусмотреть специальные правила назначения наказания за посредственное причинение в самостоятельной ст. 67.1 «Назначение наказания за преступление, совершенное при посредственном причинении» УК РФ, структурно следующей за ст. 67 УК РФ, регламентирующей особенности назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии, поскольку посредственное причинение, как и соучастие, является формой осуществления многосубъектной преступной деятельности.

В ст. 67.1 УК РФ следует указать обстоятельства (правила), которые суд обязан учитывать при назначении наказания за преступления, совершаемые путем посредственного причинения. В данном случае нужно отталкиваться от видов посредственного причинения, численности посредственно используемых лиц, а также характеристик личности посредственного причинителя.

Полагаем, что низший предел срока или размера наказания за преступление, совершенное путем посредственного причинения, может совпадать с минимальными сроком или размером наказания за преступление, совершенное при наличии рецидива, которые установлены законодателем (не менее одной трети максимального

срока наиболее строгого наказания). Кроме того, 224 (88,5 %) опрошенных практических работника посчитали, что срок или размер наказания посредством причинителю не может составлять менее одной трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ (в опросе приняли участие 253 практических работника: 65 (25,7 %) следователей, 64 (25,3 %) адвоката, 63 (24,9 %) судьи, 39 (15,4 %) прокуроров и 22 (8,7 %) иных правоприменителя, осуществляющих трудовую деятельность в Республике Мордовия – 232 (91,7 %) респондента, Москве – 18 (7,1 %), Саратовской области – 2 (0,8 %) и Нижегородской области – 1 (0,4 %) респондент).

Если исходить из того факта, что за счет способа преступлений, совершаемых путем посредственного причинения, повышается общественная опасность противоправного деяния, то, как отмечает А. М. Васильев, «в Уголовном кодексе следует предусмотреть и степень его влияния на ответственность, как это сделано, например, относительно рецидива преступлений и их совокупности (курсив наш. – И. Я.)» [5, с. 77]. Можно предположить, что рецидив и привлечение (использование) при совершении преступлений несубъектов характеризуются примерно равными показателями общественной опасности. В соответствии с действующим уголовным законодательством рецидив и, по крайней мере, две формы посредственного причинения (использование в преступных целях малолетних и невменяемых) признаются обстоятельствами, отягчающими наказание.

В случаях, когда посредственный причинитель использовал при совершении преступления нескольких несубъектов, он должен подлежать более строгому наказанию, нежели в случае, когда имело место склонение к осуществлению общественно опасного деяния одного лица, не отвечающего признакам субъекта. В подобных ситуациях наказание, назначенное посредством причинителю, не должно быть менее половины срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ.

Более того, в норме, закрепляющей правила назначения наказания за преступления, совершаемые путем посредственного причинения, необходимо предусмотреть положения, связанные с минимальными и максимальными пределами наказания за их осуществление, а именно: установить нижние границы срока и размера от наиболее строгого наказания, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ, определить основание, при котором суд вправе выйти за нижние пределы наказания, и соответственно основание, при котором у суда появится возможность назначить наиболее строгое наказание из числа предусмотренных Особенной частью УК РФ.

Наказание ниже низшего предела за преступление, совершенное путем посредственного причинения, может быть назначено судом на основании ст. 64 УК РФ (так считают 207 (81,8 %) опрошенных практических работников), предельно строгое наказание – на основании ст. 62 УК РФ.

Общепринято исключительные обстоятельства детерминировать исходя из буквального содержания ч. 1 ст. 64 УК РФ (исключительные обстоятельства – это одно или более смягчающих обстоятельств, наличие которых существенным образом снижает степень общественной опасности преступного деяния и (или) личность лица, совершившего преступление). Подобная позиция весьма распространена в уголовно-правовой доктрине [3, с. 86; 12, с. 110]. В силу оценочного характера исключительных обстоятельств весьма сложно сформулировать их понятие. Преимущественно исключительные обстоятельства авторами не конкретизируются. С одной стороны, это правильный подход, с другой стороны, не нужно забывать о том, что ни законодателем в ст. 64 УК РФ, ни высшей судебной инстанцией в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федера-

ции от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [14] не дается определение исключительным обстоятельствам.

Наличие в деле отягчающих обстоятельств не является препятствием для назначения наказания с применением ст. 64 УК РФ [11, с. 232]. Н. А. Лопашенко очень точно подчеркивает, что «весомость смягчающих обстоятельств по сравнению с отягчающими должна быть очевидной, такой, чтобы не возникало сомнения в необходимости применить к виновному более мягкое наказание» [19, с. 226].

В ст. 64 УК РФ законодатель предусмотрел три способа смягчения наказания при наличии исключительных обстоятельств: назначение наказания ниже низшего предела, назначение более мягкого вида наказания и неназначение дополнительного (обязательного) вида наказания. Некоторые исследователи, в частности А. И. Рарог и В. П. Степалин [15, с. 39], полагают, что суд вправе использовать только один из вариантов смягчения наказания. В судебной практике смягчение наказания на основании ст. 64 УК РФ допускается параллельно несколькими способами [1, 2].

На наш взгляд, согласно ст. 64 УК РФ смягчение наказания одновременно двумя или даже тремя способами противоречит смысловому содержанию данной нормы, поскольку в законе средства смягчения наказания перечислены через союз «или», что, в свою очередь, означает их альтернативное использование. При этом за совершение преступления при наличии исключительных обстоятельств смягчение наказания назначается с учетом положений ст. 64 УК РФ, при наличии классических смягчающих обстоятельств – с учетом положений ст. 62 УК РФ.

На основании изложенного предлагаем ст. 67.1 УК РФ «Назначение наказания за преступление, совершенное при посредственном причинении» изложить следующим образом:

«1. При назначении наказания за преступление, совершенное при посредственном причинении, учитываются характер и степень общественной опасности деяния, личность посредственно используемого лица, количество таких лиц, а также отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к личности посредственного причинителя.

2. Срок или размер наказания за преступление, совершенное при посредственном причинении, не может быть менее одной трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса, а в случае совершения преступления путем использования двух и более лиц, не подлежащих уголовной ответственности, – не менее половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

3. При любом виде посредственного причинения, при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной трети максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса. При наличии исключительных обстоятельств может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, на основании статьи 64 настоящего Кодекса, а при наличии отягчающих обстоятельств может быть назначено наиболее строгое наказание, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Библиографический список

1. Апелляционное определение от 30 сентября 2014 г. по делу № 2-38/14 Верховного Суда Российской Федерации. URL : <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.11.2017).
2. Апелляционное определение от 10 октября 2014 г. по делу № 2-6/14 Верховного Суда Российской Федерации. URL : <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.11.2017).
3. Бавсун М. В., Николаев К. Д., Мишкин В. Б. Смягчение наказания в уголовном праве : монография. М., 2015. 192 с.
4. Быкова Е. Г. Об определении термина «групповой способ совершения преступления» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 9. С. 57–59.
5. Васильев А. М. Виды и ответственность соучастников преступления: монография. Армавир, 2011. 120 с.
6. Горбунова Л. В. Обстоятельства, отягчающие наказание, по уголовному законодательству России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 222 с.
7. Дубровин И. А. Ответственность за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 243 с.
8. Дударь Н. Н. Общие начала назначения наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.
9. Жидких И. В. Реализация принципов уголовного права в общих началах назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2007. 189 с.
10. Луньков Д. А. Посредственное причинение вреда: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
11. Малинин В. Б., Измалков В. А. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 28–29 янв. 2016 г.). М., 2016. С. 229–233.
12. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2008. 576 с.
13. Панкратов М. В. Особенности совершения преступления в группе с лицом, не подлежащим уголовной ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 4(36). С. 62–67.
14. Рарог А. И., Степалин В. П. Судейское усмотрение при назначении наказания // Государство и право. 2002. № 2. С. 36–42.
15. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам : монография. М., 2015. 232 с.
16. Сабиров Р. Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными групповыми посягательствами : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. 160 с.
17. Сундурова О. Ф. Усиление (отягчение) уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 222 с.
18. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части : учебник / под ред. И. Д. Козочкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 1038 с.
19. Уголовное право России. Общая часть : учебник : в 2 ч. / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2015. Ч. 2. 456 с.
20. Учение о наказании в уголовном праве России : монография / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 2011. 316 с.
21. Фролов А. С. Соучастие в преступлениях несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 19 с.

УДК 343.46

СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ДРУЖИНИН,
директор филиала учебно-методического центра,
Федеральная антимонопольная служба,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: fems@fas.gov.ru

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Для цитирования

Дружинин, С. В. Доктринальный подход к определению мер уголовной ответственности за монополистические действия в сфере экономики / С. В. Дружинин // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 70–75.

Аннотация. Вступление России в состав членов Всемирной торговой организации, а также продление действия антироссийских экономических санкций обозначило особую важность охраны конкурентных отношений для развития национальной экономики и обеспечения благосостояния российских граждан. Данная проблема не раз возникала в новейшей российской истории, однако принятие комплексных нормативных актов об обеспечении свободы конкуренции, пресечении деятельности монополий и иных хозяйствующих субъектов, пользующихся положением экономического доминирования, оказывалось недостаточным. Утвержденный Президентом Российской Федерации в декабре 2017 года Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы содержит ряд стратегических направлений для развития экономических отношений с целью обеспечения конкурентоспособности отечественной продукции на международных рынках товаров, работ и услуг. Достижение поставленной цели возможно при положительном решении комплекса задач, одной из которых является эффективное обеспечение охраны свободы экономической конкуренции уголовно-правовыми средствами.

Действующее уголовное законодательство содержит несистематизированный набор видов наказаний, назначение которых возможно за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. При их практическом применении нередко возникают случаи, когда лицо, признанное виновным в совершении преступления, не претерпевает должных негативных последствий в виде лишения и правоограничений, представляющих собой сущность уголовного наказания. Подобная ситуация, носящая системный характер, приводит к обратным результатам: совершение экономического преступления становится прибыльной противоправной деятельностью, а отсутствие применения строгих мер уголовно-правового реагирования стимулирует представителей бизнеса на новые преступления, в том числе направленные на ограничение свободы конкуренции.

Уголовно-правовая наука в части построения санкций норм уголовного закона об ответственности за экономические преступления до настоящего времени не предложила системного подхода в определении тех видов наказаний, реализация которых в наибольшей степени обеспечит предупреждение совершения экономических преступлений. Многие авторы склоняются к идее либерализации уголовной ответственности, реализуемой в отношении представителей «беловоротничковой» преступности. В связи с этим доминирующими видами уголовных наказаний, назначаемыми за совершение посягательств на свободу конкуренции, а равно многих других преступлений в сфере экономической деятельности, предлагается считать штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Обосновывается необходимость применения за отдельные экономические преступления, представляющие собой реальную угрозу для национальной безопасности России, более суровых видов наказаний, в том числе предполагающих изоляцию от общества. К разновидности таких преступлений относится и деяние, предусмотренное статьей 178 «Ограничение конкуренции» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: национальный план развития конкуренции, преступления, посягающие на свободу конкуренции, монополистическая деятельность, уголовное наказание, либерализация уголовной ответственности, санкция уголовно-правовой нормы.

Современная политика, проводимая в сфере обеспечения охраны свободы конкуренции и противодействия монополистической деятельности хозяйствующих субъектов, находит свое отражение в значительном количестве нормативных актов регулятивного и охранительного характера. В частности, до декабря 2017 г. принято четыре «антимонопольных пакета» – нормативные акты межотраслевого значения в сфере антимонопольной деятельности и развития конкуренции в сфере экономики. В преддверии 2018 г. Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 618 был утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы. Сам факт принятия данного Плана уже является неопровержимым свидетельством, во-первых, недостаточности принятых мер для защиты свободы конкуренции, что негативно отражается и на развитии хозяйствующих субъектов – представителей всех отраслей российской экономики, во-вторых, необходимости нормативного обеспечения не только регулирования, но и должной охраны общественных отношений, складывающихся в сфере свободы конкуренции и противодействия монополистической деятельности.

Охрана данных отношений в настоящее время обеспечивается преимущественно нормами административного законодательства. Однако это отнюдь не свидетельствует о невысокой степени социальной значимости мер уголовно-правового реагирования на совершение общественно опасных посягательств в сфере экономической деятельности. В соответствии с общей теорией права уголовно-правовой регламентации подлежит относительно небольшой круг деяний, которые должны представлять серьезную общественную опасность и вредоносность для отдельно взятого человека, социума и (или) государства. Только в этом случае их криминализация будет оправдана.

Сам факт установления уголовно-правового запрета еще не гарантирует эффективность охраны социально важных и значимых отношений. Отсутствие предусмотренной законом возможности применения уголовно-правовых мер принуждения способно не

только существенно снизить эффективность превентивного воздействия уголовного закона на преступность, но и, наоборот, стимулировать криминальное поведение ввиду фактической безнаказанности преступного посягательства. Пенализация, представляющая собой определение принципов и критериев, в соответствии с которыми определяются соразмерные виды и размеры наказания за конкретный вид преступления, является продолжением процесса законодательной криминализации общественно опасных деяний. Именно она призвана решить крайне сложную и важную превентивную задачу, отводимую как всей отрасли уголовного права, так и институту уголовного наказания [3, с. 137].

К сожалению, до сегодняшнего дня наукой не выработана качественная система принципов и правил построения уголовно-правовых санкций, применение которой обеспечило бы закрепление в уголовном законе видов наказаний, в полной мере соответствующих характеру и степени общественной опасности конкретного преступления. Это обстоятельство свойственно не только для ранее неизвестных отечественному уголовному праву видов преступных посягательств (преступления в сфере экономической деятельности, компьютерные преступления, преступления против мира и безопасности человечества и др.), но и для «классических» криминальных деяний, высокая опасность которых определена еще в древнейших памятниках уголовного права.

Проблема установления размеров или сроков наказания, предусмотренного санкцией уголовно-правовой нормы, осложняется поиском баланса между должными законодательными пределами и допустимыми возможностями судебного усмотрения в процессе индивидуализации уголовной ответственности. Так, если различия между минимальной и максимальной границей уголовного наказания незначительны, то эффективность судебной деятельности при определении окончательной меры уголовной ответственности будет стремиться к нулю. Независимо от особенностей совершения преступления, личности виновного и иных имеющих юридическое значение обстоятельств назначаемые наказания будут примерно одинаковыми, что вступит в противоречие с принципом справедливости. Напротив, чрезмерно широкие пределы судебного усмотрения при назначении наказания создадут предпосылки для осуществления произвольного определения размера (срока) наказания и стимулирования коррупционного поведения в судебной системе.

Конечно, в науке уголовного права формулировались различные предложения о правилах конструирования санкции уголовно-правовой нормы. Так, Л. Л. Кругликов справедливо указывает, что самый минимальный размер наказания за квалифицированный вид преступления должен быть больше самого высокого размера наказания того же вида, предусмотренного за преступление, содержащееся в основном составе. Точно такие же правила должны распространяться на санкции норм, предусматривающих квалифицированный и особо квалифицированный составы уголовно наказуемого деяния [4].

Одним из предложенных в научной литературе приемов формирования санкции нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) является обоснование выбора вида содержащегося в ней наказания, а также минимального и максимального размера этого наказания. Виды и размеры наказаний должны согласовываться как в пределах одной уголовно-правовой нормы: ч. 1, 2, 3 и т. д., так и относительно иных норм Особенной части УК РФ. Обращается внимание на недопустимость широких пределов между нижней и верхней границей уголовного наказания, а для обеспечения справедливости вынесенного приговора и качественной индивидуализации уголовной ответственности следует отдавать предпочтение конструированию альтернативных, а не относительно определенных и кумулятивных санкций [8, с. 105–106]. Кроме того, современная нау-

ка располагает и иными частными предложениями по формированию санкций уголовно-правовых норм [6].

Проблема построения санкций уголовно-правовых норм в настоящее время приобрела особую актуальность относительно определения мер ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, в том числе за посягательства на свободу конкуренции. Органы высшей государственной власти признают большую общественную опасность данных преступлений, включая их в общие виды угроз национальной безопасности России. Однако это нисколько не мешает проведению политики либерализации уголовной ответственности, в том числе за преступления в сфере экономической деятельности. Дисбаланс общегосударственной и уголовной политики приводит к тому, что в гл. 22 УК РФ включаются нормы-новеллы, уточняющие криминообразующие признаки существующих составов преступлений или предусматривающие новые виды уголовно наказуемых деяний в сфере экономической деятельности. Однако в большинстве случаев предусмотренные уголовным законом меры реагирования на эти деяния отличаются чрезмерной мягкостью.

Уголовно-правовое исследование вопроса определения наказаний за экономические преступления проведено К. М. Хутовым. Ученый пришел к выводу о том, что за их совершение наиболее эффективными являются наказания, не связанные с изоляцией от общества, в частности штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В связи с этим он говорит о необходимости увеличения в санкции ст. 178 УК РФ видов наказаний сугубо имущественного характера, а также максимальных значений наказания в виде штрафа за указанное преступление [9, с. 106–108].

Нельзя сказать, что подобное решение признается доминирующим в науке уголовного права, хотя достаточно большое число авторов разделяют данную позицию. Действительно, почти любое преступление в сфере экономической деятельности причиняет прямой или опосредованный имущественный ущерб. В зависимости от вида уголовно наказуемого деяния потерпевшим может выступать и отдельный гражданин, и общество в целом, и государство. Причиненный имущественный вред, в отличие от вреда физического, может быть компенсирован, поэтому более эффективным и менее затратным решением данной проблемы является стимулирование лица, нарушившего уголовный закон, к возмещению причиненного ущерба. Наилучшим образом эта задача решается путем применения уголовной ответственности за совершенное преступление [1, 5].

Несмотря на прагматизм данного мнения, мы не можем согласиться с решением о приоритете имущественных видов основных наказаний, применяемых за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, в том числе связанных с осуществлением монополистической деятельности. Ограничение конкуренции имеет своей конечной целью получение максимальной прибыли от осуществляемой экономической деятельности, которая образуется за счет вытеснения с рынка иных хозяйствующих субъектов, вследствие чего появляется возможность необоснованного завышения цены на монопольно предлагаемый товар, работу или услугу. В принципе подобные действия получили к настоящему времени достаточно подробную регламентацию в нормах Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», а разнообразные штрафные санкции за незаконную монополистическую деятельность и противоправное ограничение конкуренции установлены в нормах конкурентного законодательства. Эффективность мер административного преследования лиц, допускаю-

щих указанные нарушения, подтверждается практикой Федеральной антимонопольной службы, особенно за последние три года [2, с. 37].

Однако уравнивание результатов административного и уголовного реагирования на монополистические (равно как и любые другие) общественно опасные посягательства является в корне неверным. Уголовная ответственность изначально не может носить компенсационный характер, а попытки государства обеспечить пополнение бюджета за счет применения уголовно-правовой санкции имущественного характера не будут иметь должного эффекта в среднесрочной и долгосрочной перспективе [7]. Данное утверждение вызвано тем, что штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не могут рассматриваться в качестве основных видов наказаний за уголовно наказуемую монополистическую деятельность и ограничение свободы конкуренции.

Перечисленные наказания – это слишком мягкие меры для преступлений, которые способны причинить вред национальной безопасности современной России. Практическое применение уголовного наказания в виде штрафа в настоящее время напоминает правовой торг между государством и преступником. Казалось бы, за совершенное преступление назначена справедливая и гуманная мера государственного принуждения – штраф на относительно небольшую сумму, а подсудимый, независимо от признания вины и возмещения ущерба, причиненного в результате совершения экономического преступления, признан виновным и претерпел установленные законом имущественные лишения. Однако надо ли говорить, что во всех этих случаях штраф в действительности представляет собой фикцию сущности уголовного наказания? Например, за совершенные преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 «Ограничение конкуренции» УК РФ, в качестве основного наказания предусмотрен штраф в размере от трехсот до пятисот тысяч рублей. В то же время ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения и при отсутствии иных признаков, существенно увеличивающих степень общественной опасности совершенного деяния, признается уголовно наказуемым только в случаях, когда потерпевшему причинен ущерб или виновным получен доход в крупном размере, то есть в сумме, превышающей десять миллионов рублей (ущерб) или пятьдесят миллионов рублей (доход). Соотношение денежных размеров данных криминообразующих признаков состава преступления и штрафа, назначение которого возможно за его совершение, довольно убедительно подтверждает сделанный нами вывод.

Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (даже по сравнению со штрафом), по существу, никак не ограничивает права и свободы лица, признанного виновным в совершении уголовно наказуемого посягательства на свободу конкурентных отношений. Во-первых, лишение права занимать определенные должности в органах и учреждениях государственной или муниципальной власти не затрагивает интересы лица, осуществляющего профессиональную деятельность в сфере бизнеса: лицо изначально не претендует на какую-либо должность государственного или муниципального служащего. Во-вторых, лишение виновного права на осуществление, например, управленческих функций в коммерческой организации будет более действенным наказанием для виновного, однако и в этом случае действующее гражданское законодательство предусматривает несколько легитимных вариантов уклонения от выполнения данной обязанности, возлагаемой по приговору суда: вступление в состав акционеров или учредителей (участников), работа по гражданско-правовому договору об оказании услуг и др. Санкции ст. 178 УК РФ содержат еще такой вид основного наказания, как принудительные работы. По нашему мнению, это законодательное решение не явля-

ется безупречным. Уголовный закон определяет, что принудительные работы применяются в качестве альтернативы лишению свободы на определенный срок. Альтернативность принудительных работ видится в том, что суд изначально должен назначить наказание в виде лишения свободы, а после этого прийти к выводу о том, что исправление осужденного можно достичь и без направления последнего в места лишения свободы. Из этого следует, что принудительные работы являются не самостоятельным элементом системы уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ), а зависимым от уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Учитывая данное обстоятельство, для формирования альтернативных санкций уголовно-правовых норм о многих преступлениях в сфере экономической деятельности предпочтительнее использовать исправительные работы как уголовное наказание, не связанное с изоляцией от общества.

По этим причинам уголовные наказания в виде штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью нецелесообразно включать в санкции большинства норм о преступлениях в сфере экономической деятельности, в том числе за совершение ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ). Имущественные права осужденного могут достаточно эффективно ограничиваться в результате исполнения гражданских исков, заявляемых в уголовном процессе потерпевшими или их представителями. Система же уголовных наказаний, предусмотренных различными частями ст. 178 УК РФ, должна включать в себя исправительные работы и лишение свободы на определенный срок, тогда как штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью следует рассматривать в исключительных случаях как дополнительные виды наказания.

Библиографический список

1. Городнова О. Н. Санкции за экономические преступления в свете становления новой законодательной политики справедливости // *Безопасность бизнеса*. 2012. № 3. С. 30–32.
2. Зорин А., Дадашева А. Предотвращение и предупреждение как барьеры нарушения законодательства // *Конкуренция сегодня*. 2018. № 1. С. 37–43.
3. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 268 с.
4. Кругликов Л. Л. О вариантах выхода суда за нижние и верхние пределы санкции статьи // *Проблемы теории уголовного права : избр. ст. 2000–2009 гг.* Ярославль, 2010. С. 333–343.
5. Лапина М. А. Оптимальные приемы юридической техники, обеспечивающие согласование системы юридических санкций административно-деликтного и уголовного законодательства // *Административное и муниципальное право*. 2015. № 6. С. 575–581.
6. Лапшин В. Ф. Уголовное наказание за финансовые нарушения // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2016. № 5. С. 158–165.
7. Лапшин В. Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине // *Человек: преступление и наказание*. 2016. № 3. С. 105–109.
8. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1 : Преступление и наказание. 1133 с.
9. Хутов К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2007. 200 с.

УДК 343.823

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ГАРНИК,
доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
ФКУ НИИ ФСИН России,

г. Москва, Российская Федерация;
ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАКОВА,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Vera1313@yandex.ru

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Для цитирования

Гарник, С. В. Уголовно-исполнительная политика в сфере организации труда осужденных к лишению свободы / С. В. Гарник, В. А. Казакова // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 76–83.

Аннотация. На основе статистических данных Федеральной службы исполнения наказаний и результатов переписей осужденных прослеживаются состояние и динамика привлечения осужденных к лишению свободы (дифференцировано по полу) к труду, рассматриваются формы организации трудового процесса, отраслевая принадлежность производств, оплата труда осужденных, перспективы улучшения ситуации с трудоустройством осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, труд осужденных к лишению свободы, формы организации трудового процесса, отраслевая принадлежность производства, оплата труда, принципы организации труда.

Одной из самых актуальных проблем деятельности исправительных учреждений (ИУ) является привлечение осужденных к труду. В ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) сформулированы основные принципы привлечения к труду осужденных к лишению свободы: обязательность труда и подчинение производственной деятельности исправительных учреждений их основной задаче – исправлению осужденных. Каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Однако не всегда есть возможность предоставить работу каждому, так как количество рабочих мест ограничено. Формулировка ст. 103 УИК РФ говорит не об обязанности обеспечить осужденных работой, как это было обозначено в УИК РСФСР, а об обязанности привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, тру-

доспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности исходя из наличия рабочих мест.

Вряд ли можно согласиться с позицией А. Губенко [1, с. 51], который считает, что «нормы национального уголовного законодательства не содержат в качестве одного из карательных элементов лишения свободы возможность привлечения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, к труду. Ведь в ст. 56 УК не говорится о лишении свободы с обязательным привлечением к труду. Следовательно, труд осужденных к лишению свободы – их право, а не обязанность. Осужденные должны быть свободны в выборе: трудиться им или нет». Уголовный кодекс Российской Федерации определяет вид и размер наказания, а его содержание раскрывает Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Поскольку УИК РФ содержит норму об обязанности осужденных к лишению свободы трудиться, то не относить это к их обязанностям неправомерно. В то же время труд осужденных не считается принудительным, что специально оговорено в ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах и в п. «с» ст. 2 Конвенции МОТ № 29 о принудительном или обязательном труде.

Ряд категорий осужденных привлекаются к труду по их желанию. Для лиц, достигших пенсионного возраста, а также инвалидов I и II группы труд в местах лишения свободы не является обязанностью. В таблице 1 представлены данные о трудоспособности осужденных к лишению свободы.

Таблица 1

Распределение осужденных в зависимости от трудоспособности, %

Трудоспособность	Год					
	1999	2009	2016	1999	2009	2016
	женщины			мужчины		
Трудоспособные	90,1	86,7	92,6	84,4	89,5	95,7
Ограниченно годные к физическому труду	5,8	7,9	Нет сведений	12,2	6,6	Нет сведений
Инвалиды III группы	0,8	1,0	Нет сведений	1,0	1,3	Нет сведений
Инвалиды II группы	0,7	1,0	1,5	1,4	1,6	2,0
Инвалиды I группы	0,1	0,1		0,1	0,1	
Достигшие пенсионного возраста	2,5	3,3	5,9	0,9	0,9	2,0

Согласно статистическим данным ФСИН России за 2016 г., трудоспособность осужденных, подлежащих обязательному привлечению к труду, составила 95,7 %. Нетрудоспособными признаны 7,4 % женщин и 4,0 % мужчин. По различным объективным причинам (медицинские причины, отпуск, перемещение между учреждениями УИС, отсутствие специальности, оперативно-режимные причины, нахождение в карцере или штрафном изоляторе и т. д.) не привлекались к труду 64,1 % осужденных (в том числе 66,5 % мужчин и 33,4 % женщин). Лишь 0,01 % осужденных отказались от работы.

Таким образом, необеспеченность работой осужденных к лишению свободы – основная проблема в сфере исполнения лишения свободы. В таблице 2 отражена доля обеспеченных трудом по результатам переписей осужденных 1999 и 2009 гг. и статистическим данным ФСИН России 2016 г.

Таблица 2

**Распределение осужденных
 в зависимости от обеспеченности работой на день переписи, %**

Обеспеченность работой		Год					
		1999	2009	2016	1999	2009	2016
		Женщины			Мужчины		
Работают	трудом обеспечены постоянно	57,2	50,7	63,8	36,1	37,2	46,4
	трудом обеспечены непостоянно из-за отсутствия достаточного фронта работы	13,6	9,7		9,2	6,0	
Не работают	из-за отсутствия достаточного фронта работы	23,3	27,4	19,5	33,0	40,2	44,8
	являются инвалидами или престарелыми	5,2	5,1	7,3	17,6	3,9	4,0
	обучаются в профессиональном училище ИК	Нет сведений	2,0	9,4	Нет сведений	2,5	4,8
	систематически отказываются от работы	0,7	0,9	–	41	10,2	0,01

В долгосрочной динамике этот показатель неблагоприятный.

В соответствии с Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 91-ФЗ «О внесении изменений в статьи 103 и 141 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы“» осужденные привлекаются к труду в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских исправительных учреждений, на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и вне их (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение осужденных
 в зависимости от формы организации трудового процесса осужденных, %**

Форма организации трудового процесса	Год			
	2009	2016	2009	2016
	Женщины		Мужчины	
Центр трудовой адаптации осужденных и производственные трудовые мастерские	61,5	74,6	73,1	64,6
Учебно-производственные мастерские, лечебно-производственные мастерские	3,0	2,6	4,3	2,6
Государственное унитарное предприятие	5,0	0,6	2,7	1,9
Хозяйственное обслуживание учреждения	13,0	18,6	3,5	28,5

Окончание таблицы 3

Форма организации трудового процесса	Год			
	2009	2016	2009	2016
	Женщины		Мужчины	
Объекты иных организационно-правовых форм (контрагентские работы)	1,9	3,6	16,4	2,4
Нет сведений	15,6			
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно из таблицы 3, основная масса осужденных привлекается к труду в центрах трудовой адаптации и производственных трудовых мастерских, значительная доля занята хозяйственным обслуживанием исправительных учреждений.

В таблице 4 представлено распределение осужденных по отраслям производства.

Таблица 4

Распределение осужденных в зависимости от отраслевой принадлежности производства, на котором заняты осужденные, по материалам специальной переписи 2009 г., %

Отраслевая принадлежность производства	Женщины	Мужчины
Металлообработка и машиностроение	0,4	11,3
Деревообработка и мебельное производство	0,7	11,0
Швейное производство	65,9	12,1
Строительство	0,9	3,2
Лесозаготовки	0,2	2,3
Сельское хозяйство	4,3	2,5
Иное	6,9	21,2
Хозяйственное обслуживание	20,7	36,4
Итого	100,0	100,0

Традиционно большинство осужденных трудятся на швейном производстве. Многие из них прогнозируют сложности с трудоустройством на свободе, причем доля женщин среди них больше, чем мужчин.

В последнее время прослеживается активизация работы по расширению возможностей обеспечения осужденных к лишению свободы трудом. Так, за 2016 г. в учреждениях и на предприятиях ФСИН России организовано производство 2998 новых изделий, что позволило трудоустроить 24 956 человек из числа осужденных. Из общего количества вновь освоенных изделий: 623 (20,8 %) – продукция машиностроения и металлообработки 373 (12,5 %) – деревообрабатывающей отрасли, 1494 (49,8 %) – легкой промышленности, 508 (16,9 %) – прочих отраслей. Из вновь освоенных изделий 174 (5,8 %) относятся к продукции, выпускаемой для государственных нужд, 748 (24,9 %) – для внутрисистемного потребления, 2076 (69,3 %) – товары народного потребления.

В учреждениях УФСИН России по Краснодарскому краю одним из приоритетных направлений является сельскохозяйственная деятельность, развитие которой позволяет

сэкономить бюджетные средства (за счет создания замкнутого цикла производства от выращивания до переработки сельскохозяйственной продукции), обеспечить полноценное питание осужденных и их трудовую занятость. Ежегодно посевные площади учреждений засеиваются зерновыми, кормовыми и техническими культурами: озимой пшеницей, ячменем, кукурузой, подсолнечником, соей и овощами. Получаемый урожай перерабатывается на собственном оборудовании и реализуется сторонним потребителям. В 2017 г. было задействовано около тысячи гектаров посевных площадей. Большую часть собранного урожая планируется переработать на собственных перерабатывающих участках.

В УФСИН России по Ставропольскому краю две исправительные колонии открыли новые производственные участки и цеха, что позволило дополнительно привлечь к труду многих осужденных. В исправительных учреждениях края создано более 2,5 тысячи рабочих мест, выпускается более 300 наименований различных товаров.

В соответствии с Программой обеспечения продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы на 2014–2016 годы практически во всех учреждениях УФСИН России по Республике Мордовия функционируют сельскохозяйственные участки, на которых содержится крупный рогатый скот, свиньи, овцы, лошади, куры-несушки, кролики. Учреждения УФСИН России по Брянской области и УФСИН России по Приморскому краю производят консервированные изделия: огурцы, помидоры, свеклу, капусту.

Тем не менее, по данным ФСИН России, каждая пятая женщина и почти каждый второй мужчина не работают из-за отсутствия работы. Это, безусловно, негативным образом влияет на процесс исправления осужденных, а также лишает их возможности приобрести хотя бы какие-нибудь средства для улучшения своего содержания, поддержки семей, погашения исков о возмещении вреда, причиненного преступлением. Доля осужденных, имеющих исполнительные листы на конец 2016 г., составила 26,8 %.

Отсутствие работы и заработка, а следовательно, средств на личном счете отрицательно сказывается и на социальной адаптации после освобождения.

Оплата труда осужденных производится в соответствии с законодательством о труде. В частности, на них распространяются премиальные системы оплаты труда, коэффициенты и другие виды надбавок и доплат к заработной плате, действующие в государственном секторе производства, за исключением вознаграждения за выслугу лет, надбавок и льгот за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

До введения в действие Федерального закона от 17 декабря 2009 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в статью 107 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 100 и 111 Федерального закона „Об исполнительном производстве“» очередность удержаний из заработной платы осужденных предусматривала взыскания на расходы по содержанию (на питание, одежду, обувь, коммунально-бытовые услуги) после удержания подоходного налога и алиментов, но до погашения различных исков, связанных с возмещением ущерба. С 1 января 2011 г. возмещение осужденными расходов по их содержанию производится после удовлетворения всех требований взыскателей в порядке, установленном Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». При этом существует минимум, который должен быть зачислен на лицевой счет осужденного. По общему правилу он составляет 25 %, а для некоторых категорий, в частности беременных женщин и женщин, имеющих детей

в домах ребенка исправительного учреждения, – 50 % от начисленной им заработной платы, пенсии или иных доходов.

Если в 1994 г. лишь 29,3 % женщин не имели заработка, в 1999 г. – 39,1 %, то, как видно из таблицы 5, в 2009 г. почти половина женщин не имели заработка, так как не были обеспечены постоянным трудом. Среди мужчин таких лиц было 69,5 %.

В 2016 г. среднемесячная заработная плата осужденных составила от 3,3 до 6,3 тыс. рублей в зависимости от формы организации трудового процесса. При этом исковые требования к осужденным на конец 2016 г. исчисляются суммой 101 874 780,6 тыс. рублей. Возмещено в 2016 г. 1 690 257, 92 тыс. рублей.

Таблица 5

**Распределение осужденных в зависимости от заработка
и его размер в октябре 2009 г., %**

Наличие/отсутствие заработка		Женщины	Мужчины
Не имели заработка		49,5	69,5
Имели заработок, на лицевой счет осужденного после всех удержаний зачислено	До 1000 рублей	34,9	17,7
	1000–1500 рублей	5,2	5,2
	1500–2000 рублей	2,7	2,4
	2000–2300 рублей	2,8	1,9
	2300–3000 рублей	2,7	1,5
	3000–4300 рублей	1,5	1,1
	более 4300 рублей	0,7	0,7
Итого		100,0	100,0

Специалисты, констатируя активизацию усилий ФСИН России в организации трудовой деятельности осужденных, отмечают, что пока еще соотношение политической и юридической обусловленности содержания их труда не получило в законодательстве должного отражения. Нет и нормативно закрепленной обязанности государства по созданию материальных и финансовых условий для этого. Высказана необходимость разработки единой концепции содействия трудовой занятости осужденных [2, с. 161; 3, с. 21].

Пенитенциаристы считают наиболее целесообразным развитие так называемой адаптационной модели, которая позволит осужденному освоить профессию, востребованную на свободе. Заслуживает внимания предложение ученых о закреплении в УИК РФ принципов организации труда в местах лишения свободы, таких как:

- а) обязательность труда осужденных лиц к лишению свободы;
- б) запрет осужденным к лишению свободы лицам прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов;
- в) соответствие условий труда осужденных правилам охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии;
- г) соответствие оплаты труда осужденных законодательству о труде и уголовно-исполнительному законодательству;

д) сочетание труда осужденных лиц к лишению свободы с их профессиональным образованием и профессиональной подготовкой;

е) обязанность администрации исправительного учреждения создавать рабочие места и привлекать осужденных лиц к лишению свободы к труду;

ж) непрепятствие производственной деятельности исправлению осужденных и др. [4, с. 55].

В настоящее время Верховным Судом Российской Федерации подготовлен и внесен в Государственную Думу на рассмотрение проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».

С точки зрения влияния новаций на уголовную политику и судебную практику изменения будут связаны не столько с введением уголовного проступка, сколько с возможностью неназначения лишения свободы за преступления небольшой и средней тяжести. Подавляющее большинство осужденных – это лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести (78 %). Не исключена также трансформация тяжкого преступления в категорию средней тяжести в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ и освобождение от уголовной ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера. Это с большой вероятностью приведет к значительному сокращению числа осужденных в местах лишения свободы и позволит охватить трудом гораздо большую их долю.

Поиск новаций в этой сфере – насущная необходимость. Криминологи считают, что это возможно [7, с. 543]. Нужно только творчески подойти к проблеме с учетом советского и зарубежного опыта, а также выработанных учеными рекомендаций.

Представляет интерес идея В. Б. Малинина, который предлагает перейти от наказания как мучения к наказанию как процессу компенсации ущерба (человеку или обществу). Он предлагает срок лишения свободы приравнять к некоторой сумме (например, к среднегодовой зарплате по стране или региону), которую осужденный должен будет отработать, прежде чем сможет выйти на свободу, что будет стимулировать развитие производства в исправительных учреждениях [8, с. 334–338].

Значительный положительный потенциал несет разрабатываемая идея возродить эксперимент советского времени о концентрации лиц, отбывающих лишение свободы за экономические и должностные преступления, в отдельных исправительных учреждениях. При этом могут преследоваться различные цели исправительного и превентивного характера, в числе которых:

– использование образовательного и профессионального потенциала осужденных для их оптимального и более эффективного трудоустройства во время исполнения лишения свободы;

– развитие эффективного производства в исправительных учреждениях, поиск путей их самоокупаемости, возмещения ущерба от преступлений, а также возможности погашения долгов по алиментным обязательствам осужденных.

Библиографический список

1. Губенко А. Регулирование труда осужденных к лишению свободы // Законность. 2005. № 11. С. 49–51.
2. Емельянова Е. В. Правовая обусловленность содержания труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 158–163.

3. Емельянова Е. В. Воспитательное значение «принудительного» труда в местах лишения свободы: проблемные вопросы и пути решения // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2(43). С. 17–21.

4. Карпов Э. С. Отдельные проблемы правового регулирования и организации труда осужденных к лишению свободы // Правовое обеспечение деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы как субъектов частноправовых отношений : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Владимир, 2016. С. 51–57.

5. Смирнов Л. Б. Актуальные проблемы современной наказательной и пенитенциарной политики // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2011 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2011. С. 539–543.

6. Малинин В. Б. Почему бы осужденным не платить за преступления? // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2014. С. 334–338.

УДК 343.82

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КИСЕЛЕВ,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры мобилизационной и тактико-специальной подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kamkis@bk.ru;

ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРОЛЕВ,

кандидат технических наук,
начальник кафедры мобилизационной и тактико-специальной подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: korolewlad@yandex.ru

О СПЕЦИФИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КРИМИНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Для цитирования

Киселев, А. М. О специфике деятельности органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний при возникновении чрезвычайных обстоятельств криминального характера / А. М. Киселев, В. А. Королев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 84–87.

Аннотация. Раскрываются специфические особенности деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в условиях чрезвычайных обстоятельств криминального характера.

Применение сил и средств учреждений и органов уголовно-исполнительной системы для решения задач в подобных условиях происходит на основе особенностей их предназначения, с учетом специфики профессиональной деятельности отдельных служб. Объемы и условия применения подразделений зависят от масштабов чрезвычайного обстоятельства и последующего развития событий.

Временные ограничения деятельности личного состава отделов и служб учреждений уголовно-исполнительной системы в чрезвычайных обстоятельствах криминального характера зависят от времени ликвидации их последствий и могут длиться от 1–2 часов до нескольких недель, а иногда и месяцев.

В статье предлагается примерный алгоритм организационных действий руководителя территориального органа уголовно-исполнительной системы (начальника исправительного учреждения) в условиях чрезвычайных обстоятельств, который включает в себя: оповещение и сбор личного состава; организацию работы оперативного штаба; передачу имеющейся информации вышестоящим органам управления уголовно-исполнительной системы и взаимодействующим структу-

рам; проведение первоначальных организационных, следственных, оперативных, розыскных и иных мероприятий; сбор дальнейшей информации, определение дополнительных источников и способов ее получения; определение сосредоточения основных усилий для действий имеющихся в наличии сил и средств; организация взаимодействия с целью применения иных силовых структур, а также привлечения граждан из местного населения; организация всестороннего обеспечения и соблюдения мер безопасности.

Эффективность выполнения органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы сложных профессиональных задач, возникающих в ходе чрезвычайных обстоятельств криминального характера, зависит от умелого применения разнообразных тактико-специальных способов действий.

Ключевые слова: чрезвычайные обстоятельства, явления криминального характера, особенности управления персоналом, применение сил и средств, осложнение оперативной обстановки, тактико-специальные способы действий.

Особенности служебной деятельности сотрудников ФСИН России в экстремальных условиях, вызванных чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, аналогичны специфике деятельности сотрудников других правоохранительных структур в подобных обстоятельствах. Выполнение же служебных задач личным составом уголовно-исполнительной системы (УИС) в чрезвычайных обстоятельствах (ЧО), возникших по причине действий криминальной направленности, имеет свою специфику.

Чрезвычайные обстоятельства, явившиеся следствием криминальных проступков (действий), оказывают значительное влияние на формы, методы и саму структуру деятельности персонала пенитенциарных органов и учреждений, предопределяя тем самым необходимость использования иных организационных форм, тактико-специальных приемов и методов управления персоналом. В таких условиях меняется значимость исполняемых ежедневно функций, усиливается значение слаженности работы в коллективе, повышается роль оперативности в управлении структурными подразделениями, вовлекается достаточно значительное количество внештатных (сборных) подразделений и специальных, в том числе инженерных, средств. Применение отделов и служб учреждений и органов УИС для выполнения задач, возникающих при ЧО, регулируется ведомственными нормативными актами, учитывающими специфику их (отделов, служб) предназначения и особенности выполнения повседневных служебных задач входящими в них сотрудниками. Объемы и условия применения подразделений зависят от масштабов чрезвычайного обстоятельства и последующих событий.

Временные ограничения деятельности личного состава отделов и служб учреждений УИС в чрезвычайных обстоятельствах криминального характера зависят от времени ликвидации последствий ЧО и могут длиться от 1–2 часов до нескольких недель, а иногда и месяцев.

Функции, выполняемые персоналом уголовно-исполнительной системы в условиях ЧО криминального характера, трактуются в соответствующих приказах, наставлениях и методических рекомендациях ФСИН России, Минюста России, а также в иных совместных нормативных актах государственных силовых ведомств.

Сотрудники подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации во взаимодействии со структурами МВД России, ФСБ России, Минобороны России, Росгвардии и других силовых ведомств при исполнении служебных функций в ходе

чрезвычайных обстоятельств, возникающих на объектах ФСИН России и прилегающих к ним участках местности, должны иметь высокую степень готовности к выполнению сложных оперативно-тактических задач различной направленности, от банального обезвреживания преступников до отражения нападений извне.

Помимо этого, основываясь на положениях Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», возможно привлечение сил и средств ФСИН России к поддержанию указанного в Законе правового режима, вводимого как на всей территории Российской Федерации, так и на ее отдельной части (в регионе).

Специфическими чертами деятельности органов и учреждений ФСИН России при ликвидации последствий ЧО, вызванного действиями криминального мотива, являются такие способы их функционирования, которые обеспечивают: а) исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы и мер пресечения в виде заключения под стражу; б) непосредственное выполнение задач в специальных операциях, организуемых для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, в) создание необходимых и достаточных условий для оптимальной работы специально созданных органов управления и внештатных подразделений.

Управленческая деятельность руководства территориальных органов и исправительных учреждений ФСИН России при чрезвычайных обстоятельствах криминального толка имеет определенную специфику и, по нашему мнению, предполагает следующие характерные особенности:

- формирование оперативных органов управления и сборных коллективов (отряды, отделы, служебные наряды) для использования по плановому назначению при выполнении сложных оперативных задач;
- продолжение функционирования учреждений (органов) при введении в них соответствующих правовых режимов;
- внесение дополнений и изменений в распорядок дня исправительного учреждения;
- введение усиленного способа несения караульной и дежурной служб;
- перевод персонала на казарменное положение и исполнение других, нехарактерных для УИС служебных задач.

Для организации деятельности органов и учреждений ФСИН России при возникновении чрезвычайных обстоятельств криминального характера первоочередной задачей является выполнение необходимого алгоритма управленческих функций руководителем органа УИС (начальником ИУ). Примерная последовательность действий руководителя, на наш взгляд, может иметь следующую организационную форму:

- оповещение и сбор личного состава, формирование оперативного штаба как внештатного органа управления;
- передача имеющейся информации руководству ФСИН России и другим силовым органам, принимающим участие в ликвидации последствий ЧО;
- проведение первоначальных организационных, следственных, оперативных, розыскных и иных мероприятий;
- сбор дальнейшей информации, определение дополнительных источников и способов ее получения;
- определение сосредоточения основных усилий для действий имеющихся в наличии сил и средств;
- организация полномасштабного взаимодействия с привлекаемыми силами и средствами других правоохранительных органов;
- организация всестороннего обеспечения и соблюдения мер безопасности.

Нередко задачи при ЧО решаются органами и учреждениями УИС путем организации целого комплекса специальных тактических действий и управленческих схем, осуществляемых в ограниченный промежуток времени, под общим тактическим замыслом и под единым оперативным руководством, то есть способом специальной операции.

Для обеспечения выполнения оперативных, разведывательных, поисковых, силовых и других служебных задач в ходе специальной операции от органов и учреждений ФСИН России привлекаются различные подразделения: отделы специального назначения, сводные отряды органов и резервы учреждений, создаваемые либо из личного состава сотрудников, которые не несут в это время службу либо которым искусственно уменьшен объем выполняемых ежечасных функций. Иногда для решения служебных задач при ЧО, произошедших на объектах УИС, решением директора ФСИН России может быть привлечен личный состав образовательных организаций, готовящих специалистов для нужд уголовно-исполнительной системы. Кроме личного состава указанных подразделений УИС России, к действиям при ЧО привлекаются сотрудники других правоохранительных структур, взаимодействующих с территориальными органами ФСИН России, в соответствии с их задачами, спецификой действий и целесообразностью применения.

Для успешного выполнения задач в сложной оперативной обстановке, возникающей при ЧО криминального характера, в территориальном органе ФСИН России (исправительном учреждении) должна создаваться такая группировка сил и средств, которая будет соответствовать цели предстоящих силовых тактических действий и обеспечивать всестороннее и оптимальное применение привлекаемых сил, как собственных, так и приданных. Кроме того, данная группировка должна действовать оперативно, своевременно сосредоточивать усилия на указанном в решении руководителя оперативного штаба направлении (участке) и обладать средствами, способными поддерживать скрытое управление подразделениями.

Эффективное выполнение органами и учреждениями УИС сложных профессиональных задач, возникающих в ходе чрезвычайных обстоятельств криминального характера, достигается умелым и грамотным применением разнообразных тактико-специальных способов действий: преследования, поиска, окружения, блокирования, оцепления, рассредоточения, изъятия и т. п.

УДК 37.037.1:343.83

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ АНКУДИНОВ,

кандидат педагогических наук, доцент,
начальник кафедры

физической подготовки и спорта,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: ankudinov.nik@list.ru;

АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА ЖАРКИХ,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры общей психологии,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: fonya_02@mail.ru;

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ ФОМИЧЕВ,

старший преподаватель кафедры физической культуры,

ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация;

УАЛИ РАМАЗАНОВИЧ КУРЖЕВ,

заслуженный мастер спорта России по самбо,

преподаватель кафедры физической подготовки и спорта,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Анкудинов, Н. В. Практико-ориентированное обучение и профессионально-прикладная физическая подготовка в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний / Н. В. Анкудинов и др. // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 88–91.

Аннотация. Изучение учебных дисциплин «Физическая подготовка» и «Прикладная физическая подготовка» предполагает развитие психофизического потенциала будущих сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний и призвано облегчить процесс их адаптации к служебной деятельности. В целях реализации практико-ориентированного подхода в Академии ФСИН России функционирует учебное рабочее место «Полигон», позволяющее смоделировать реальные экстремальные ситуации в ограниченном пространстве, возникающие в процессе служебной деятельности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний. Занятия, проводимые на учебном рабочем месте, имеют наибольшее прикладное значение в процессе изучения дисциплин «Физическая подготовка» и «Прикладная физическая подготовка».

Ключевые слова: физическая подготовка, практико-ориентированное обучение, прикладная профессиональная подготовка, адаптация к служебной деятельности.

Изучение дисциплин «Физическая подготовка» и «Прикладная физическая подготовка» в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) строится с учетом взаимообусловленного развития физических и психических качеств обучаемых. Предполагается, что выпускник вуза должен быть сильным, выносливым, быстрым, координированным, обладать такими психологическими качествами, как решительность, настойчивость, целеустремленность, смелость, уравновешенность, а также определенным набором умений и навыков, то есть быть сотрудником с высоким уровнем психофизического потенциала, способным решать трудные служебные задачи. Все это успешно реализуется в рамках изучения данных учебных дисциплин. Подтверждением изложенному являются существующие нормативные требования к обучающимся в вузах ФСИН России. Так, при поступлении на учебу абитуриенту для получения оценки «отлично» достаточно подтянуться 11 раз, в то время как выпускнику вуза – 17, повышение нормативных требований на дистанции 3 км составляет ровно 1 минуту (11.20 против 12.20). Таким образом, молодой специалист, имеющий в дипломе оценки «хорошо» и «отлично» по физической подготовке, считается способным и подготовленным к повседневной служебной деятельности [5].

В процессе профессионального пути сотрудник проходит две ступени адаптации, первая из которых начинается при поступлении на учебу в специализированный вуз и, как правило, завершается к концу 1-го курса, а часто и семестра, при этом курсант начинает достаточно уверенно ориентироваться в служебной и учебной деятельности. По окончании вуза при выходе на службу у выпускника начинается вторая ступень адаптации, обусловленная большим количеством внешних стресс-реализующих факторов, среди которых важное место занимает разрыв между прикладностью обучения в вузе и профессиональной деятельностью в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Длительность второй ступени адаптации зависит от личностных и профессиональных характеристик молодого сотрудника, степени его компетентности, а также среды, в которой непосредственно проходит служба.

Учебная дисциплина «Физическая подготовка» в образовательных организациях ФСИН России на 98 % состоит из практических занятий. При этом все они направлены на приобретение базовых умений и навыков, развитие стандартных физических качеств, в то время как формирование специфических двигательных способностей, обладание которыми входит в компетентность и уровень квалификации, практически отсутствует. Для решения подобных задач на занятиях по физической подготовке предлагаются различные задания, моделирующие жизнеугрожающие ситуации. Обучающимся предлагают спарринги с одним или несколькими противниками, учат их приемам обезоруживания, а также использования подручных предметов в качестве оружия нападения и защиты [6].

Исходя из содержания основных задач, стоящих перед сотрудником, можно выделить два основных направления развертывания экстремальных ситуаций в практике надзора за осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях:

первое – включает в себя все ситуации, связанные со служебно-целевой деятельностью, заключающейся в задержании и конвоировании осужденного, совершившего преступление. Такие ситуации называются служебно-целевыми;

второе – характеризуется ситуациями, возникающими при защите от нападения, угрозе жизни, здоровью персонала или самого сотрудника исправительного учреждения.

В Академии ФСИН России на базе кафедры физической подготовки и спорта было создано практико-ориентированное учебное место «Полигон», которое состоит из 4 рабочих мест: «производственный участок», «коридор», «комната начальника отряда» и «помещение камерного типа». Особенностью данного учебного места является соблюдение стандартных условий содержания и мест возможного нахождения осужденных. Кроме создания реальных условий, оно передает ощущение тесноты и напряженной атмосферы. Это достигается путем недостаточного освещения, темных красок и закрытости помещения. Таким образом создается эффект специфических служебных условий, что позволяет максимально точно смоделировать реальную ситуацию. В условиях ограниченной подвижности обучаемые выполняют различные приемы по пресечению попыток нападения с целью нанесения вреда здоровью, захвата заложников или завладения табельным оружием. Применение боевых приемов борьбы в условиях «Полигона» позволяет обучаемым не только отработать полученные навыки в условиях, приближенных к реальным, но и выявить для себя наиболее оптимальные приемы защиты и последующего задержания [6].

Использование учебного рабочего места «Полигон» можно отнести к прикладно-специализированной физической подготовке, поскольку проводимые в нем практические занятия в полной мере отражают особенности будущей профессиональной деятельности. Реализация различных форм занятий физическими упражнениями на учебном рабочем месте «Полигон» позволяет развивать профессиональные компетенции, обеспечивающие наибольшее прикладное значение в рамках изучаемой дисциплины.

Практические занятия строятся по следующей схеме обучения: разминка и отработка необходимых действий, ознакомление с экстремальной ситуацией, выбор приемов, применяемых в различных ситуациях (углубленное детализированное разучивание и комплексная отработка заданий), формирование умений и навыков в различных экстремальных ситуациях, развитие специальных качеств [4].

Задачами функционирования учебного рабочего места являются:

1) тренировка и выполнение боевых приемов борьбы в помещении камерного типа и ограниченном пространстве (коридор, лестница, комната начальника отряда, медицинская комната);

2) психологическая подготовка курсантов к возможным ситуациям, встречающимся во время применения боевых приемов борьбы в ограниченном пространстве, психологическая адаптация обучающихся к действиям в ограниченном пространстве, реагированию на быстро меняющиеся условия жизнеугрожающих ситуаций, развитие умения прогнозировать дальнейшую ситуацию [2, 3];

3) выработка сотрудниками с различными индивидуально-типологическими особенностями дифференцированных стратегий поведения в ограниченном пространстве в случае возникновения экстремальных ситуаций [1];

4) развитие уверенности в своих силах при задержании и обезвреживании противника.

Основным методом, применяемым при отработке приемов в «Полигоне», является метод сопряженного воздействия, суть которого заключается в совершенствовании выполнения приемов и одновременного развития ведущих физических качеств с улучшением тактической подготовленности обучаемых.

Таким образом, практико-ориентированная направленность изучения учебных дисциплин «Физическая подготовка» и «Прикладная физическая подготовка» представляет собой совершенствование прикладно-специализированной психофизической подготовки за счет максимального приближения к реальным условиям оперативно-служебной деятельности и позволяет ознакомить обучающихся со специфическими условиями применения боевых приемов борьбы в ограниченном пространстве, а также способствует снижению стрессовой напряженности в цепи «обучение – практическая деятельность», то есть помогает преодолеть вторую ступень адаптации молодому сотруднику, приступающему к выполнению служебных обязанностей, содействует выбору наиболее приемлемых и оптимальных приемов самозащиты в реальных условиях лицам с различными индивидуально-типологическими особенностями при выполнении служебных обязанностей в случае возникновения жизнеугрожающих ситуаций.

Библиографический список

1. Анкудинов Н. В., Жарких А. А., Трунтягин А. А. Психологические особенности курсантов-спортсменов // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3(90) С. 200–205.
2. Бовин Б. Г., Кокурин А. В., Красов Д. А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников отделов специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2010. № 2. С. 18–47.
3. Состояние психологического обеспечения деятельности отделов специального назначения, управлений (отделов) по конвоированию, отделов охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России : аналит. обзор / П. Н. Казберов [и др.] / М., 2008. 47 с.
4. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. СПб., 2005. 378 с.
5. Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы Минюста России : приказ Министерства юстиции Рос. Федерации от 12 нояб. 2001 г. № 301. URL : <http://ipravo.info/russia2/laws77/825.htm> (дата обращения: 18.11.2017).
6. Физическая подготовка в учреждениях высшего профессионального образования : учеб. пособие : в 2 ч. Рязань, 2014. Ч. 1. 164 с.

УДК 159.9:343.83

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КУЧЕНЕВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: KuAV64@mail.ru;

МУСЛИМ АБДУЛЖАБАРОВИЧ ЮНУСОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: imuslimus@icloud.com

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Кученев, А. В. Правовая психология профессионального правосознания в деятельности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний / А. В. Кученев, М. А. Юнусов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 1. – С. 92–98.

Аннотация. Профессиональная деятельность сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний оказывает влияние на их осознание правовой реальности. Помимо правовой идеологии, выраженной в значительном объеме информации, в том числе заведомо ложной, в структуре правового сознания выделена и правовая психология.

Правовые ориентиры и правовые установки, формируемые у сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, мотивируют его на экстравертирование определенных кейсов поведения, которые находятся во взаимосвязи с окружающей средой и претерпевают воздействие правовой социализации.

В статье предпринимается попытка систематизации элементов правовой психологии, обосновывается позитивность вектора профессионализации пенитенциарного правосознания в ходе достижения высоких стандартов деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы, решения проблем правоприменительной и правоисполнительной практической деятельности.

Ключевые слова: мотивация, правовая психология, правовые настроения, правовые представления, профессиональное правосознание, решение, сотрудник Федеральной службы исполнения наказаний, чувства, ценностно-оценочные отношения, эмоции.

Восприятие любым человеком правовой действительности всегда сопровождается определенным эмоциональным состоянием субъекта юридической деятельности, создает эмоциональную атмосферу, в которой принимаются правовые решения.

Стремление к установлению правопорядка, справедливости, законности составляет идеологическую основу профессионального правосознания сотрудника ФСИН России. Однако идея, занимающая свое место в правовом сознании личности, должна быть эмоционально принята и подтверждена. Ведь в сфере правового регулирования индивид не может руководствоваться только рациональным мышлением. В связи с этим справедливо определено существование второго элемента структуры профессионального правосознания – правовой психологии.

Правовая психология профессионального правосознания является разновидностью правовой психологии, она складывается из правовых взглядов, чувств, настроений, переживаний, устремлений, порожденных особенностями юридической деятельности, и характеризует отношение юриста-профессионала к праву, законности, различным правовым ситуациям.

По мнению Н. Я. Соколова, правовая психология обнаруживает свою специфику через следующие структурные элементы, дифференцирующиеся с позиции их роли в правовом регулировании:

- эмоциональные состояния психики личности элементарного порядка: правовые настроения, правовые чувства, правовые переживания, правовые эмоции и т. п.;
- эмоциональные образования сложного порядка: ценностно-оценочные отношения (правовые оценки) к правовой реальности (к праву, отдельным правовым институтам, практике применения законодательства), правовые убеждения, правовые представления, правовые интуиции, правовые привычки, правовые стереотипы и т. п.

На наш взгляд, для характеристики правовой психологии юристов-профессионалов в целом и сотрудников органов внутренних дел в частности интересной представляется структура, предложенная С. О. Чалковым:

- 1) элементы, являющиеся связующим звеном между деятельностью и экономическими факторами (мотивы, цели, интересы, воля);
- 2) относительно устойчивые элементы (убеждения, предрассудки, традиции, привычки);
- 3) динамические элементы (настроения, чувства);
- 4) элементы, которые влияют на формирование правовой психологии (внушение, подражание) [9, с. 50].

Перечисленные формы эмоциональных состояний психики личности отличаются друг от друга временем протекания, интенсивностью и устойчивостью [5]. Так, эмоция представляет собой особый класс субъективных психических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний процесс и результаты практической деятельности, направленной на удовлетворение актуальных потребностей человека [8, с. 183]. По мнению В. В. Нурковой, целостное понимание эмоции личностью требует от нее обязательного соотнесения собственного потребностного состояния и внешних факторов (действительности). Ею отмечается взаимозависимость формирования абсолютно различных эмоций, от доминирующих потребностей в данный момент времени до существующих окружающих условий [5].

А. Г. Маклаков выделяет следующие различия между эмоциями и чувствами:

- эмоции, как правило, имеют характер ориентировочной реакции, то есть несут первичную информацию о недостатке или избытке чего-либо, поэтому они часто бывают неопределенными и недостаточным осознанными. Чувства, напротив, в большинстве случаев предметны и конкретны;
- эмоции связаны с биологическими процессами, а чувства – с социальной сферой;

– эмоции связаны с областью бессознательного, а чувства максимально представлены в нашем сознании;

– чувства человека всегда имеют определенное внешнее проявление, а эмоции чаще всего нет [3, с. 396].

Говоря о таком эмоциональном состоянии психики личности, как настроение, отметим, что это самое длительное эмоциональное состояние, окрашивающее все поведение [3, с. 396]. По мнению Л. Д. Столяренко, настроение имеет посредственную связь с конкретной ситуацией, определяется не единичным событием, а глобальным (общим) состоянием. Кроме того, оно не предметно, а личностно принадлежит конкретному субъекту, отражает его особенности, влияет на восприятие ситуации, самого себя, других людей [8, с. 187], то есть причина настроения всегда существует и в той или иной степени может быть осознана. Ею могут быть окружающая природа, события, выполняемая деятельность и, конечно, люди.

На основании изложенного полагаем, что самыми динамичными, но при этом устойчивыми частями правовой психологии профессионального правосознания следует считать правовые чувства, так как они всегда напрямую связаны с отношением субъекта юридической деятельности к праву, законности, конкретным правовым ситуациям. При этом, учитывая то, что уровень развития эмоциональных состояний психики и их устойчивость тесно связаны с уровнем сформированности не только правового, но и нравственного сознания личности юриста-профессионала, среди наиболее значимых элементов правовой психологии профессионального правосознания, по нашему мнению, необходимо указывать правовые настроения. Именно они побуждают субъекта юридической деятельности к соблюдению и уважению правовых предписаний либо, напротив, к их нарушению.

В структуре правовой психологии профессионального правосознания значимыми элементами также выступают правовые представления. В психологии под представлением принято понимать психический процесс отражения предметов и явлений, которые в данный момент не воспринимаются, но воссоздаются на основе нашего предыдущего опыта [3, с. 234]. Таким образом, говоря о правовых представлениях, можно утверждать, что исходя из опыта осуществления субъектом юридической практики и сложившихся в ходе ее представлений о тех или иных социально-правовых явлениях у юриста-профессионала формируются конкретные направления его дальнейшей профессиональной юридической деятельности.

По мнению В. А. Чефранова, правовые представления имеют свои источники. С одной стороны, это правовая информация, имеющая многоканальный характер, связанная с действующим актуальным правом, а также с прошлым и будущим правом, с другой стороны, это собственный правовой опыт и его рефлексия, значимую роль при этом играют окружение, жизненный опыт, особенности профессии и общая культура [10, с. 38–46]. Важное значение в юридической деятельности имеют наиболее сложные, на наш взгляд, элементы правовой психологии профессионального правосознания – ценностно-оценочные отношения. Они представляет собой систему оценок, мнений, суждений и представлений, которые выражают отношение юристов-профессионалов к разного рода социально-правовым явлениям, правовой действительности с позиций профессиональных целей, мотивов, потребностей и интересов в ходе осуществления ими юридической деятельности. В связи с этим наиболее привлекательна классификация ценностно-оценочных отношений в структуре профессионального правосознания, предложенная А. Р. Ратиновым. В правовую психологию

профессионального правосознания ученые включили такие виды ценностно-оценочных отношений, как:

- 1) отношение к нормам, принципам, законодательству и институтам права;
- 2) отношение к несоблюдению правовых запретов;
- 3) отношение к правоохранительным органам, а также к их правоприменительной практике;
- 4) отношение к собственной профессиональной юридической деятельности и др. [6].

В данном случае уместно привести результаты проведенного конкретно-социологического исследования, показывающие отношение респондентов к действующему законодательству. Так, на вопрос: «Как Вы оцениваете качество законодательных актов, положения которых Вам приходится (лось) применять при исполнении должностных обязанностей?» – 65,4 % сотрудников ФСИН России ответили как среднее, 19,5 – низкое, 10,2 – высокое, 2,1 – очень низкое, 0,4 (что можно отнести к погрешности выбора пунктов анкеты) – очень высокое и 2,4 % – затруднились ответить.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большая часть нормативных правовых актов, с которыми приходится работать сотрудникам ФСИН России, пригодна и даже эффективна для юридической практики. Однако есть и те, которые требуют доработки или отмены и принятия нового нормативного правового акта, более эффективного.

Предложенные А. Д. Магденко и А. А. Юнусовом формы проявления отношений сотрудников органов внутренних дел к правовым институтам позже имплементированы на сотрудника ФСИН России в трудах Н. С. Емельянова, Е. А. Евстафеевой, других ученых и представляют собой триединую систему:

- 1) положительное отношение, выражающееся в принятии сотрудниками органов внутренних дел существующих в обществе правовых институтов;
- 2) отрицательное отношение, выражающееся в несогласии со сложившейся системой правовых институтов либо с некоторыми из них;
- 3) нейтрально-пассивное отношение.

В своих работах авторы обосновывают, что большей части сотрудников силовых структур свойственно именно нейтрально-пассивное отношение к правовым институтам современного Российского государства, хотя, несомненно, некоторые сотрудники положительно относятся к названным институтам, как и ко всей системе российского права [4, с. 310].

Целесообразно привести результаты социологического исследования, где сотрудники дают оценку такому правовому институту, как закон. На вопрос: «Каким словом возможно, по Вашему мнению, заменить слово «закон»?» – 65,4 % респондентов ответили, что порядок, 52,6 – справедливость, 39,4 – обязанность, 28,5 – ответственность, 21,4 % – безопасность. Таким образом, демонстрируется положительное отношение сотрудников ФСИН России к существующему правовому институту, обуславливая принятие ими обязанности по добровольному и ответственному соблюдению во благо порядка, справедливости и безопасности. Однако негативные ассоциации сотрудников с законом в 25,1 % в виде наказания, 17,4 – ограничения, 16,9 % – запрета указывают на некоторую отстраненность от правоприменительного вектора.

Желаемый уровень профессионального правосознания стремится к повышенному значению требований к отношению субъектов юридической, в первую очередь правоприменительной и правоисполнительной, деятельности к правонарушениям и преступлениям, мерам борьбы с ними. В связи с этим специфическими особенностями про-

фессионального правосознания юристов-профессионалов в данной области, по нашему мнению, должны быть следующие:

- строгое и неуклонное стремление к соблюдению закона, недопустимость нарушения правовых норм и принципов;
- высокий уровень оценки права, его необходимости, значимости обеспечиваемых им законности и правопорядка;
- осуждение посягательств на охраняемые законом ценности и отношения, осознание необходимости минимизации негативных факторов, оказывающих влияние на правовое, официально одобренное государством поведение;
- отрицательная реакция на правонарушения и преступления, особенно коррупционного характера, их категорическое неприятие, твердая убежденность в необходимости активной и эффективной борьбы с ними;
- высокая, но в то же время справедливая оценка собственной деятельности и деятельности своего ведомства;
- расширенные требования к санкциям за правонарушения и преступления по сравнению с иными законопослушными гражданами, поддерживающие в равновесии справедливость, гуманизм и ответственность;
- идентификация собственной оценки справедливости и несправедливости, законности и беззакония с общегосударственными правовыми ценностями;
- превалирование интересов, ведущих к главной цели профессиональной деятельности юристов-профессионалов, в соответствии с действующим законодательством и др.

В подтверждение изложенного приведем результаты, полученные в ходе конкретно-социологического исследования сотрудников ФСИН России. Так, на вопрос: «Как Вы считаете, какой фактор наиболее сильно мотивирует граждан на соблюдение закона?» – 66,1 % респондентов ответили, что граждане соблюдают законы из-за страха предусмотренной ответственности наказания, 14 – что соблюдение законов – принцип существования правового государства, 9,9 – что исходя из сущности закона, предусматривающей необходимость его соблюдения независимо от личного отношения к нему, 2,1 – что соблюдение законов – сформированная у граждан привычка, 5,8 – что законы выражают интересы общества в целом, 1,2 % – что из-за возможного ухудшения отношений с ближайшим окружением.

Полученные результаты показали, что у сотрудников различное мнение о правовом эгоизме у граждан, собственном идентифицировании в существующей правовой реальности. Следует отметить, что большинство ответов респонденты давали исходя из собственного мнения, своего профессионального опыта, чувства эмпатии.

По мнению ряда исследователей [1, с. 15], ценностно-оценочные отношения в ходе юридической деятельности образуют специфические элементы оценочного уровня профессионального правосознания юристов-профессионалов с точки зрения их значимости в правоприменительной практике – правовые стереотипы, привычки, убеждения. Приоритетным элементом являются правовые убеждения, выраженные в правовых ценностях, осознанных, усвоенных и одобренных юристом на внутриличностном уровне, определяющие и подтверждающие его готовность к профессиональной деятельности.

Так, с позиций В. А. Сапуна, принятие решений по конкретным делам предопределяется правовыми убеждениями, которые соединяют в себе знания правовых норм, компетентность их применения и ценностное отношение к праву, то есть правовые убеждения выполняют функции двоякого рода: они, во-первых, обеспечивают соответствие прини-

маемого решения закону, во-вторых, выражают позицию его внутренней убежденности в законности, истинности и справедливости принимаемого решения [7, с. 79].

Следовательно, можно утверждать, что разновидностью правового убеждения является внутреннее убеждение юриста, представляющее собой синтез эмоционально-оценочных и информационно-познавательных элементов его профессионального правосознания, происходящий в ходе применения норм права в определенной жизненной ситуации.

К правовой психологии профессионального правосознания необходимо отнести и мотивацию юристов-профессионалов к юридической деятельности, сотрудников ФСИН России – к службе в целом. Полагаем, что данная мотивация определяет: во-первых, отношение субъекта юридической деятельности к своим профессиональным (служебным) обязанностям; во-вторых, морально-психологические качества, необходимые ему для осуществления юридической практики (например, справедливость, ответственность, честь, достоинство, профессиональный долг, совесть, верность присяге); в-третьих, оценки, которые юрист-профессионал дает деятельности и общению с гражданами, как своих собственные, так и коллег по профессии (службе).

Отвечая на вопрос: «Что Вас и Ваших коллег ориентирует на качественное выполнение служебных обязанностей?», 63,5 % сотрудников ФСИН России ответили, что ответственность, 45 (начальники отрядов, личный состав тыловых (обеспечивающих) подразделений, помощники начальника по соблюдению прав человека и др.) – желание помогать людям, 55,7 – направленность на достижение результатов, 48,7 % – чувство долга перед обществом, государством. Такие данные свидетельствуют об осознании сотрудниками должностных обязанностей и закона в одной плоскости, о позитивном состоянии их мотивации к выполнению служебных обязанностей. В результате опроса были также получены ответы, демонстрирующие наличие профессионального выгорания опрашиваемых (21,6 % респондентов ответили, что на качественное выполнение обязанностей оказывает влияние привычка, 13,1 % – страх перед наказанием), деформированное правовое сознание (6,2 % указали, что заинтересованность в получении личной выгоды, 2,1 – негативные мотивы, осуществляемые внеправовыми способами, 1,6 % – негативные мотивы правового поля).

На базе оценочно-эмоциональных элементов правовой психологии профессионального правосознания у юристов-профессионалов образуется ценностно-оценочное правовое мышление. Отметим, что в психологии под мышлением понимается наиболее обобщенная и опосредованная форма психического отражения, устанавливающая связи и отношения между познаваемыми объектами [8, с. 132]. Следовательно, можно полагать, что ценностно-оценочное правовое мышление является специфическим качеством профессионального правосознания юристов-профессионалов, которое имеет отношение к разрешению конкретных юридических дел.

В юридических исследованиях о понятиях «правовое мышление» и «правосознание» высказывается мнение об их неравнозначности, о самостоятельном сущностном содержании в теоретическом аспекте права. Так, по мнению А. Э. Жалинского, именно понятие «социально-правовое мышление» в соответствии с реальными процессами функционирования общественной мысли в области борьбы с преступностью выявляет в них то, что не может быть охвачено понятием «правосознание», и, как следствие, отражает активную интеллектуальную деятельность, связанную с ситуацией решения возникшей задачи либо формирования той или иной активной позиции в отношении принятого решения [2, с. 131]. Так, с позиций ученого, осуждение противоправных дей-

ствий как девиантного (делинквентного, вплоть до криминального) поведения, носящего антисоциальный характер, является лишь простым присоединением к общественному мнению, образуя один из элементов правосознания. Правовое мышление берет начало там, где индивидуум осознанно выбирает вариант решения, одобряет его и устанавливает в сферу собственной деятельности.

Поддерживая мнение о нетождественности понятий «правовое мышление» и «правосознание», мы возражаем против их полного противопоставления, а тем более против подчинения понятия «правосознание» понятию «правовое мышление».

С нашей точки зрения, правовое мышление не может существовать вне правового сознания, так как оно одновременно является качеством профессионального правосознания, способом осуществления его функций (прежде всего оценочной), а также результатом его функционирования. Ведь в механизме правового регулирования явно выражена зависимость от качества, эффективности работы профессионального правосознания.

Таким образом, для осуществления юридической деятельности ценностный (аксиологический) аспект профессионального правосознания имеет исключительное значение, поскольку он трансформирует правовые знания (рациональные элементы) в правовые убеждения и ценности (эмоциональные элементы), которые, в свою очередь, образуют сложные поведенческие элементы – правовые ориентации и установки, предопределяющие в значительной мере психологическое состояние готовности субъекта к юридической деятельности, то есть к реализации правовых знаний, убеждений, к правовой активности в целом. Этим и обусловлена важность поведенческо-регулятивного (практического) уровня профессионального правосознания.

Библиографический список

1. Грошев А. В. Профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел (понятие, функции, проблемы формирования) : учеб. пособие. Екатеринбург, 1995. 80 с.
2. Жалинский А. Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М., 1989. 192 с.
3. Маклаков А. Г. Общая психология : учеб. для вузов. СПб., 2014. 592 с.
4. Магденко А. Д., Юнусов А. А. Права человека: международные стандарты и правосознание сотрудников органов внутренних дел (теория и практика) : монография. Челябинск, 2006. 310 с.
5. Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Общая психология : учеб. для академ. бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015. 269 с.
6. Ратинов А. Р. Структура правосознания и некоторые методы ее исследования // Методология и методы социальной психологии. М., 1977. 211 с.
7. Сапун В. А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984. 112 с.
8. Столяренко Л. Д. Психология : учеб. для вузов. СПб., 2013. 592 с.
9. Чалков С. О. Деформация профессионального правосознания военнослужащих федеральных органов государственной охраны : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 196 с.
10. Чифранов В. А. Правовое сознание как разновидность социального отражения : филос.-методол. очерк. Киев, 1976. 210 с.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

Andrey Viktorovich Bykov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Institute, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

ON THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF CRIMINAL INVESTIGATION IN THE PENAL SERVICE

Recommended citation

Bykov, A. V. 2018, 'On the problem of legal regulation of criminal investigation in the penal service', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 6–9.

Abstract. In the article the author analyses the norms of criminal investigation and penal law regulating criminal investigation activity in the penal system, emphasizes their fragmentarity and insufficiency, and introduces suggestions for improvement of legal regulation of these activities taking in consideration its execution peculiarities in conditions of penal institutions and bodies operation.

Keywords: criminal investigation activities, legal regulation of criminal investigation activities in penal, Penal Code of the Russian Federation, Federal law "On the criminal investigation activities".

Yuri Anatilioevich Kashuba, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Penal Law Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: koshianatol@yandex.ru

THE POSSIBILITY OF CREATION OF CORRECTIONAL CENTERS SYSTEM

Recommended citation

Kashuba, Yu. A. 2018, 'The possibility of creation of correctional centers system', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 10–15.

Abstract. In the article the author analyzes the problems of correctional compulsory labor application. The Federal penal service submitted the proposal for improvement of regulatory support and enlargement of correctional centers network. The author expects the considerable increase of convicts population sentenced to correctional compulsory labor if it is settled that the convicts who have embarked on a path of correction will be transferred to correctional centers from the colonies before release on parole. It is possible to involve convicts in correctional centres in high-paying jobs performed, as a rule, by free citizens on a rotational basis as a new form of corrective action. High salary will stimulate reformation of a convict and his re-socialization.

It is proposed to establish mobile correctional centers with mechanized equipment similar to mobile mechanical divisions used for the construction of a number of facilities. The expansion

of the correctional centers network is also possible by means of: a) reorganization of the penal colony settlements; b) creation of correctional centers sections in penal colony settlements; c) creation of correctional centers sections in correctional institutions; d) establishment of mobile correctional centers with mechanized equipment (pilot reforms). This type of punishment is potentially more effective in relation to the functions currently carried out by such types of punishment as correctional work, compulsory labor and restriction of freedom in the elimination of conflicts and shortcomings typical of the legal norms regulating the application of compulsory labor, as well as in the expansion of their scope. This will strengthen the new capacity and effectiveness of the correctional centers system.

Keywords: improvement of legal provision, compulsory labor, correctional centers, mobile mechanized correctional centers, location, a rotational basis (method).

References

Aksenova, A. V., Derbysheva, N. V. & Trubetsky V. F. 2011, 'Features of convicts work management on the isolated objects (sectors) intended for convicts serving their punishment, and for their employment', *Scientific support of the concept of penal correctional system development in the Russian Federation until 2020: Collection of research papers of PhD students*, Ryazan, pp. 8–13.

Gvozdietskikh, A. 2009, 'Rotational basis (method) of work', *KADROVIK.RU*, no. 1, viewed 1 September 2017, <http://www.kadrovik.ru/modules.php>.

Speech of O. Yu. Golodets at the Gaydar forum 12.01.2017, viewed 1 September 2017, <http://gaidarforum.ru/news/na-gaydarovskom-forume-obsudili-prioritetnye-proekty>.

'Part 11: Crimes', in *Russian statistics yearbook. 2015: Statistics digest*, Moscow.

Verbatim record of the meeting of the presidium of the State council 2017, *On the condition of the Penal System of the Russian Federation*, viewed 1 September 2017, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3150>.

Sukhovarov, K. A. 2014, *Criminal punishments for crimes against property as an alternative to deprivation of liberty: criminal law and penal law aspects: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Ryazan.

ABROAD

Yuri Alekseyevitch Vorobyov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: jurij.worobjow@yandex.ru

THE NATIONAL PECULIARITIES OF ARREST APPLICATION TO JUVENILE OFFENDERS IN GERMANY

Recommended citation

Vorobyov, Y. A. 2018, 'The National Peculiarities of Arrest Application to Juvenile Offenders in Germany', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 16–21.

Abstract. Specialists traditionally recognize the work with juvenile offenders as complex and multifaceted, which requires constant enhancement of professional skills and increasing of knowledge level in order to succeed in this area. Therefore acquaintance with the experience of German specialists in the sphere of juvenile criminal law, especially in the sphere of arrest application as the form of coercive actions might be of certain interest.

Arrest of a juvenile offender, considered herein as the short-term deprivation of liberty for disciplinary purpose, is applied in Germany in primis in respect of persons distinguished as repeated troublemakers. Arrest, being as ultima ratio, is quite often applied by juvenile courts in Germany. It is proved by statistics, represented in the article. In modern German law enforcement practice arrest is also applied as a primary sanction as well as the sanction, which enforces the juvenile offender to implement disciplinary measures, which were imposed earlier. During the long period of application of this measure the German law system has worked out various types and forms of arrest. They are distinguished by content and duration as well as by place of imposing the sanction. This allows to consider this measure to be one of the most important elements in the system of German Juvenile law.

Keywords: juvenile criminal law, juvenile offender, coercive actions, arrest, types and forms of arrest, juvenile hall.

References

‘Jugendgerichtsgesetz’ 2017, *Juris GmbH Juristisches Informationssystem für die BRD*, viewed 10 Oktober 2017, <https://www.gesetze-im-internet.de/jgg>.

Lehmann, Anke, 2015, ‘Strafe als Erziehungsmittel. Eine Analyse von Konzepten und der Wirksamkeit der Strafe’ Hamburg Bachelor + Master Publishing, viewed 15 Oktober 2017, <https://books.google.ru/books?id=FxNOCwAAQBAJ&pg=PA37&lpg=PA37&dq=Erziehungsstrafen&source>.

Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen BGHSt 18, 207, viewed 10 Oktober 2017, <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bs018207.html>.

‘Jugendarrest in Deutschland’, *Deutsches Jugendinstitut e.V.*, viewed 10 Oktober 2017, https://www.dji.de/fileadmin/user_upload/jugendkriminalitaet/Jugendarrest_in_Deutschland.pdf.

Krützfeld, A. 1915, ‘Was, so viele Schulschwänzer im Knast?’, *Krautreporter*, 13. May, viewed 10 Oktober 2017, <https://krautreporter.de/670-was-so-viele-schulschwänzer-im-knast>.

‘Arbeitsstelle Kinder – und Jugendkriminalitätsprävention. Jugendarrest in Deutschland’, *Deutsches Jugendinstitut*, viewed 10 Oktober 2017, <https://www.dji.de/ueber-uns/projekte/projekte/arbeitsstelle-kinder-und-jugendkriminalitaetspraevention/jugendarrest-in-deutschland/zentrale-befunde-der-dji-befragung.html>.

‘Jugendarrestvollzugsordnung’, *Juris GmbH Juristisches Informationssystem für die BRD*, viewed 12 Oktober 2017, <https://www.gesetze-im-internet.de/javollzo/BJNR005050966.html>.

Streng, F. & Müller, C.F. 2016, *Jugendstrafrecht*, GmbH, Heidelberg, viewed 14 Oktober 2017, <http://www.jurawelt.com/sunrise/media/mediafiles/14091/jugendarrest.pdf>.

Hielscher, J. 2016, ‘Dauerarrest soll jugendliche Straftäter wachrütteln’, *RP. Online*, 13 Oktober, viewed 10 Oktober 2017, <http://www.rp-online.de/nrw/panorama/dauerarrest-soll-jugendliche-straftaeter-wachruetteln-aid-1.6322841>.

‘Anwendung des Jugendarrests neben zur Bewährung ausgesetzter Jugendstrafe’ 2014, *Deutsche Vereinigung für Jugendgerichte und Jugendgerichtshilfen*, 14. April, viewed 10 Oktober 2017, <http://www.dvjj.de/nachrichten-aktuell/anwendung-des-jugendarrests-neben-zur-bewahrung-ausgesetzter-jugendstrafe-16a>.

Jörg-Martin Jehle, Hans-Jörg Albrecht, Sabine Hohmann-Fricke & Carina Tetel 2016, *Recht. Legalbewährung nach Strafrechtlichen Sanktionen*. Herausgegeben vom Bundesminis-

terium der Justiz und Verbraucherschutz. Berlin, viewed 19 Oktober 2017, http://www.bmjv.de/SharedDocs/Publikationen/DE/Legalbewaehrung_strafrechtliche_Sanktionen_Kurzbroschuere.pdf?__blob=publicationFile&v=8.

Kretschmer, M. 2001, *Seminar zum Jugendstrafrecht*. Universität Bayreuth, viewed 9 Oktober 2017, <http://www.jurawelt.com/sunrise/media/mediafiles/14091/jugendarrest.pdf>.

Vorobyov, Y. A. 2015, 'Institute of Preventive Detention in Germany: the History and the current status (legal aspect)', *Man: crime and punishment*, no. 1, pp. 17–23.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Nikolay Semenovich Artemiev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, Professor of the Department of Criminology and Crime prevention management, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: eo534@yandex.ru

CRIMINOLOGICAL RESEARCH OF THE BEHAVIOR OF VIOLENT DOMESTIC CRIME VICTIMS

Recommended citation

Artemiev, N. S. 2018, 'Criminological research of the behavior of violent domestic crime victims', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 22–28.

Abstract. Violent crimes predominate over other offences and crimes in the level of public danger and severity of the caused. They inflict mortal damage to society. Annually hundreds of thousands of people become victims of such crimes. Persons committing such crimes disseminate stereotype of aggressive violent behavior in domestic and leisure community. These criminal acts are the most condemned from the moral standards viewpoint.

The analysis of violent crime structure changes testifies demonstrates public danger increase of certain violent crime categories. The severity of consequences caused by these crimes increased.

For a long period of time about two thirds of murders and grievous bodily harm were committed in domestic and leisure relations sphere on the interpersonal conflict grounds. By the beginning of the 90-s of the last century the part of intentional domestic homicides decreased up to 40% due to the growth of lucrative impulse murders and other motives. In the leisure sphere crimes from molester motives are widespread.

It is necessary to study this problem thoroughly in order to improve crime prevention management in the sphere of family relations. It is also worthwhile to carry out the complex criminological research of the crime victims' personalities, their behavior preceding violent crime. It is necessary to develop the typology of victims who behave themselves in various ways in conflict situations (positively, neutrally, normally, negatively).

Keywords: violent crime in the family sphere (family relations), crime prevention, victim, crime victim, types of victims types of crimes in the family sphere (family relations).

References

Artemiev, N. S. 2007, *Criminology: Lecture course*, Ryazan.

Rivman, D. V. 2002, *Criminal victimology*, St. Petersburg.

Morchev, I. A. 2006 'Victimology aspects of violent crimes prevention in the family relations sphere', *Russian investigator*, no. 11, pp. 37–44.

Iliashenko, A. N. 2003, 'The main peculiarities of violent criminality in families', *Sociological researches*, no. 4, pp. 85–90.

Berkovets, L. 2001, *Agression: causes, consequences and control*. St. Petersburg.

Nikolay Petrovich Barabanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, Professor of the Department of Criminal investigation management, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kafedraord@mail.ru

LEGAL MECHANISM OF PERSONALITY SAFETY PROTECTION IN PENAL INSTITUTIONS AND REMAND PRISON CENTERS

Recommended citation

Barabanov, N. P. 2018, 'Legal mechanism of personality safety protection in penal institutions and remand prison centers', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 29–38.

Abstract. In the article the author explains the importance of legal mechanism of personality safety protection in penal (correctional) institutions and remand prison centers, states the problems in the field of legal regulation of personality safety protection function in a remand prison center. The classification of laws and regulations providing personality safety protection in remand prison centers is presented in the article. The analyzed law acts are the basis for improvement of legal regulations providing personality safety protection in penal (correctional) institutions and remand prison centers.

Keywords: penal (correctional) institution, remand prison centers, suspect, accused, convict, legal regulation, security (safety).

References

On safety (security): Federal Law of 28 December 2010, No. 390-FZ.

On criminal investigation: Federal Law of 12 August 1995, No. 144- FZ.

On custodial detention of suspects and accused of crimes: Federal Law of 15 July 1995, No. 103-FZ.

Nikolay Viktorovich Rumyantsev, Doctor of Juridical Sciences, Deputy Director of the Institute, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

INVESTIGATION EXPERIMENT AS THE OPERATIONAL- INVESTIGATIVE ACTIVITY

Recommended citation

Rumyantsev, N. V. 2018, 'Investigation experiment as the operational-investigative activity', *Man: crime and Punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 39–42.

Abstract. The article deals with the notion, features, types, the rules of investigation experiment execution as the operational-investigative activity. The analysis of as the operational-investigative practice and scientific works has allowed the author to come to conclusion that function of investigation experiment includes:

conspiracy actions for creation and (or) providing control of the special conditions necessary for identification, prevention, suppression and disclosure of the prepared, committed or committed crime;

mislead of the person under the investigation experiment, in the conditions and terms assessment he is interested in;

concealed secret control (observation, etc.) over the behavior of the object of investigational interest, as well as over the created objects for criminal attacks in order to prevent their damage or loss;

establishment and fixing of illegal intentions of a person reasonably suspected in preparation or commission of crimes of medium gravity or grave or especially grave crimes by investigation technical means;

creation of experimental conditions for the reproduction of various events, situations that are important for the detection, prevention, suppression and disclosure of crimes .

Keywords: investigative activity, operational-investigative acts, investigation experiment.

References

On the investigation activity: Federal Law of 12 August, 1995, No. 144-FZ.

Aleksey Alekseevich Chistyakov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Criminal law, Criminal procedure and Criminalistics Department of Law institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: sauber60@yandex.ru;

Nikita Mazhinskis, Magistrate of Criminal law Criminal procedure and Criminalistics Department of Law institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: nikita.mazhinsky@gmail.com

ILLEGAL PRODUCTION, ALTERATION AND REPAIR OF FIREARMS AND THEIR MAIN PARTS UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF LATVIA

Recommended citation

Chistyakov, A. A. & Mazhinskis N. 2018, 'Illegal production, alteration and repair of firearms and their main parts under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Latvia', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 43–49.

Abstract. In accordance with part 1 of Clause 223 of the Criminal code of the Russian Federation illegal production, alteration and repair of firearms and their major parts are considered as criminal offences. In turn, according to part 2 of Clause 233 of the Criminal law of the Republic of Latvia the manufacture and repair of firearms without a special permission are considered as criminal offences. The Disposition of part 2 of Clause 233 of

the Criminal law of the Republic of Latvia also contains other forms of illegal trafficking of the objects of this crime.

The illegal production, alteration and repair of firearms and their essential parts are more socially dangerous than other forms of illegal trafficking of these objects. Comparative legal analysis of the legislative definition of the illegal production, alteration and repair of firearms and their main parts under the criminal law of the Russian Federation and the Republic of Latvia suggests that the Russian legislator used a better version defining the illegal manufacture, alteration and repair of firearms and their main parts as an independent part of the crime.

Illegal alteration of firearms and their main parts according to the Russian legislation is a criminal law category. Under Latvian criminal law the illegal alteration of them is covered by their unlawful production.

At the present the criminal legislation of the Russian Federation does not disclose the definition of illegal repair of firearms and their main parts. Criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Latvia does not provide for liability for illegal actions concerning the marking on the main parts of firearms.

The subject of these offences should be considered manufacture of tools for the change of fire modes in a firearm.

In the article the authors propose the definitions of illegal manufacturing, alteration and repair of firearms and their main parts, as well as devices for changing the fire modes in firearms taking into account the provisions of the criminal laws of the Russian Federation and the Republic of Latvia and international law.

Keywords: illegal production, illegal alteration, illegal repair, crime, criminal liability, firearms, main parts of the firearms, marking.

References

Brilliantov, A. V. (ed) 2016, *Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (by paragraphs)*, 2 vols, 2nd edn, vol. 2, Moscow.

Musaev, M. M. 2013, 'Criminal liability and punishment for illegal production of weapons: historical experience and modern realities', *Gaps in the Russian legislation*, no. 5, pp. 155–159.

Pankratova, I. V. 2013, 'International aspects of counteraction of illegal firearms trafficking', *Bulletin of Tomsk state university*, no. 6(122), pp. 247–251.

Pronkina, E. A. 2017 'Problems of illegal weapon trafficking: collisions of legislation and law-enforcement practice', *Legal drafting methodology*, no. 11, pp. 547–550.

Ragulin, I. Yu. 2015, 'Organizational aspects of the formation of typical models of crime mechanisms in the field of illicit weapons and ammunition trafficking', *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban state agrarian University*, no. 113(09), pp. 1093–1142.

Federal state-funded institution "Main information and analytical center of the Ministry of internal Affairs of Russia" 2015, *The state of crime in Russia in January – December 2015*, viewed 1 November 2017, https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf.

Federal state-funded institution "Main information and analytical center of the Ministry of internal Affairs of Russia" 2016, *The state of crime in Russia in January – December 2016*, viewed 1 November 2017, https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf.

Federal state-funded institution "Main information and analytical center of the Ministry of internal Affairs of Russia" 2016, *The state of crime in Russia in January – September 2017*, viewed 1 November 2017, <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800/>.

Stalmakhov A. V. et al. 1998, *Forensic ballistics and forensic ballistics expert study*, Saratov.

Sergey Andreevich Sivtsov, Candidate of Juridical Sciences, Senior lecturer of the Advanced Training Department, Samara Law institute of the FPS of Russia, Samara, Russian Federation, e-mail: sivtsovssa@mail.ru

CORRUPTION PRACTICES IN THE EXECUTION OF LIFE IMPRISONMENT

Recommended citation

Sivtsov, S. A. 2018, 'Corruption practices in the execution of life imprisonment', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 50–53.

Abstract. The execution of criminal penalties in the correctional colonies of general, special and strict regime, and in correctional colonies of special regime for those sentenced for life imprisonment is analyzed and their similarity and difference are revealed in the article.

The comparative legal analysis of corruption manifestations in correctional colonies of different regimes is carried out in the article, possible solutions of problems of corruption counteraction in places of imprisonment are proposed. The factors of corruption crimes distribution in the correctional colonies are revealed.

In order to prevent corruption it is necessary to conduct daily briefings on the prohibition of out-of-service contacts with convicts, on fair attitude of employees to service and combat training.

Keywords: corruption manifestations, correctional colonies, regime execution of punishment, operative conditions, life imprisonment, parole, combat training.

References

Rudyj, A. A. (ed) 2013, *Anticorruption activity in the penal system*, Ryazan.

Vasily Vasilyevich Fomin, Candidate of Juridical Sciences, Leading researcher of the Research Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

ON THE QUESTION OF PERSONAL SECURITY OF PRISONERS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Recommended citation

Fomin, V. V. 2018, 'On the question of personal security of prisoners in places of deprivation of liberty', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 54–56.

Abstract. One of the main tasks of the penal correction system is to ensure the legality, law and order in institutions that execute criminal penalties of deprivation of liberty, the safety of the prisoners contained in these institutions, as well as security of the personnel, officials and citi-

zens located on the territory of these institutions. The author deals with the issues concerning the convicts adjustment in the places of deprivation of liberty and their personal.

Keywords: the right of the condemned for personal safety, adaptation to new environment, provision of personal security of the convicts.

Tatyana Ilinichna Erkhitueva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Law Department, Buryat state university, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: tanja_77@mail.ru;

Grigory Viktorovich Shcherbakov, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Academy for academic affairs, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: gregoralt@yandex.ru;

Aleksandra Nikolaevna Myakhanova, Associate Professor of Criminal law and Criminology Department, Buryat state university, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: alex27-m@mail.ru;

Maksara Yurievna Dondokova, Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer of Philology of states of Far East Department, Buryat state university, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: maksara508@mail.ru

THE IMPORTANCE OF PROBATION AND PAROLE IN ACHIEVING THE OBJECTIVES OF PUNISHMENT

Recommended citation

Erkhitueva, T. I., Shcherbakov, G. V., Myakhanova, A. N. & Dondokova, M. Yu. 2018, 'The importance of probation and parole in achieving the objectives of punishment', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 57–63.

Abstract. Institutes of parole and probation can achieve the goals of punishment. For example, when a convict has voluntarily compensated the damage caused to the victim, it proves the restoration of social justice. The legislator relates probation directly to the purpose of correction of a condemned person. So, in part 1 of article 73 of the Criminal code of the Russian Federation the legislator stipulates that the court shall appoint probation if it comes to conclusion about possibility of correction of a condemned without real sentence serving. So, the possibility to achieve the goal of correction is the important condition of probation.

By imposing parole, it is possible to achieve the goal of punishing of occasional offender, as well as eliminating of harmful consequences that may occur during the real execution of the punishment in the form of deprivation of liberty. Imposition of parole for convicts doesn't mean their release from their usual environment and loss of work.

The legislator associates the parole with reformation of the condemned. The essence of punishment is to penalize, as the condemned persons who sentenced to the same penalty cannot be reformed to the same extent. This contradicts the meaning of correction as an individualized process. Corrective action is not the part of punishment and cannot be achieved by penalty. The decision to apply parole must be balanced and reasonable, as earlier release of a convict from the penal institution takes place. The court's decision must be based on facts that can predict the further law-abiding behavior of a released person.

The statement of part 1 Article 79 of the Criminal code of the Russian Federation, that full-term serving of the sentence imposed by the court is not necessary for the reformation of a

person, is not absolutely correct as correctional criteria are not clearly defined. The executor of law faces the problems when interpreting the notion “correction”. Therefore it is proposed to replace the term “correction” with “prediction of law-abiding behavior”, as it is done in the penal codes of Switzerland and Austria. These changes should contribute to the improvement of the institution, as in the application of parole the courts will be focused on prediction of the law-abiding behavior of the convicted person after his release from further sentence serving.

Keywords: punishment, measure of criminal law, parole, exemption from criminal responsibility, probation, condemned, crime prevention, reformation of convicts, rectification of an injustice, preventive measures.

References

- Belyayev, H. A. 1986, *Criminal law policy and the ways of its realization*, Leningrad.
- Karpets, I. I. 1973, *Punishment: social, legal and criminological problems*, Moscow.
- Chuchayev, A. A. 1989, *Purposes of punishment in the Soviet criminal law*, Moscow.
- Velive, S. A. 2005, *Principles of punishment imposition*, St. Petersburg.
- Stanovsky, M. N. 1999, *Purpose of punishment*, St. Petersburg.
- Kashuba, Yu. A. & Skiba, A. P. 2011, ‘Parole institution: new view’, *Man: crime and punishment*, no.1, pp. 14–17.
- Babayan, S. L. 2012, ‘Some issues of application of cross-sectoral reward institute of parole’, *Man: crime and punishment*, no. 3, pp. 35–39.
- Zubkov, A. I. (ed) 2001, *Comments to Penitentiary Code of the Russian Federation*, Moscow.
- Skuratov, Yu. I. & Lebedev, V. M. (edn) 2002, *Comments to Criminal Code of the Russian Federation*, 3-d edn, Moscow.
- Gilinsky, Ya. I. 2010, ‘Globalization of crime and social control’, *Scientific basis of Criminal law and globalization processes: Materials of the V Russian Criminal law congress (27–28 May 2010)*, Moscow.
- Natashev, A. Ye. 1961, ‘The unacceptability of the “progressive system” of serving the sentence in the form of deprivation of liberty’, *Development problems of Soviet corrective-labor legislation*, Saratov.
- Struchkov, N. A. 1963, *Legal regulation of punishment execution (the main problems of the Soviet corrective labor law): Doctor of Juridical Sciences dissertation abstract*, Moscow.
- Noy, I. S. 1973, *Essence and functions of criminal punishment in the Soviet state*, Saratov.
- Shcherbakov, S. V. 2009, *Recidivism: criminological characteristics and prevention problems: Candidate of Juridical Sciences dissertation abstract*, Moscow.
- Komaritsky, S. I. 1989, ‘Punishments not connected with deprivation of liberty and administrative supervision: social appointment and legal means of realization’, *Application of penalties not connected with deprivation of liberty: Collection of research papers*, Moscow.
- Mitskevich, A. F. 2005, *Criminal penalty*, St. Petersburg.
- Timashev, N. S. 1914, *Probation*, St. Petersburg.

Irina Yurievna Yanina, Senior lecturer of Public law Department, Saransk Cooperative Institute (affiliated institution) of the Russian Cooperation University, Saransk, Russian Federation, e-mail: yanina_i@bk.ru

THE RULES OF IMPOSITION OF PUNISHMENT FOR PERPETRATION THROUGH AN INNOCENT AGENT

Recommended citation

Yanina, I. Yu. 2018, 'The rules of imposition of punishment for perpetration through an innocent agent', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 64–69.

Abstract. In the article the author deals with problems concerning the imposition of just punishment for crimes committed through the use of persons not subjected to criminal liability. The necessity to add the modern Criminal law with the norm containing provisions on imposition of penalty for crimes committed through an innocent agent is substantiated.

The basis for the research has become the circumstance that the penalty for an offence committed by the use of innocent object is imposed commensurately with the penalty for the individual crime commitment. In criminal legal doctrine the following point of view is the predominant: the high degree of public threat is typical to crimes committed through an innocent agent.

It is offered in Article 67.1 of the Criminal code of the Russian Federation "The imposition of punishment for the crime committed through an innocent agent" to formalise: in part 1 – special rules of imposition of punishment that characterize the deed which is performed through an innocent agent, the identity of the person not subjected to criminal liability (indirectly applied by a person), the quantity of persons not subjected to criminal liability used for criminal purposes, the presence (absence) of aggravating and mitigating circumstances in the criminal case; in part 2 – rules establishing minimum and maximum limits of punishment by an innocent agent; in part 3 – the rules defining the limits of punishment for innocent agents who committed crimes under the circumstances stated in Articles 61, 63 and 64 of the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: through an innocent agent, imposition of punishment, rules of imposition of punishment, aggravating and mitigating circumstances.

References

Appeal decision of 30th September 2014 on case No. 2-38/14 of the Supreme Court of the Russian Federation, viewed 2 November 2017, <http://sudact.ru>.

Appeal decision of 10th October 2014 on case No. 2-6/14 of the Supreme Court of the Russian Federation, viewed 2 November 2017, <http://sudact.ru>.

Bavsun, M. V., Nikolaev, K. D. & Mishkin, V. B. 2015, *Mitigation of punishment in criminal law*, Moscow.

Bykova, E. G. 2010, 'On the definition of the term "collective crime"', *Bulletin of the Chelyabinsk state University*, no. 9, pp. 57–59.

Vasilyev, A. M. 2011, *Types and liability of crime accessories*, Armavir.

Gorbunova, L. V. 2003, *Circumstances aggravating punishment under the criminal legislation of Russia and foreign countries: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Samara.

Dubrovin, I. A. 2002, *Responsibility for the crimes committed by a group of persons in collusion or by organized crime group: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Moscow.

Dudar, N. N. 2004, *General principles of imposition of penalty: Candidate of Juridical Sciences dissertation abstract*, Moscow.

Zhidkikh, I. V. 2007, *Implementation of the criminal law principles in the General fundamentals of punishment: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Stavropol.

Lunkov, D. A. 2013, *Harm infliction through an innocent agent: criminal law and criminological aspects: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Yekaterinburg.

Malinin, V. B. & Izmalkov, V. A. 2016, 'Appointment of a milder punishment than provided for this crime', *Criminal law: development strategy in the XXI century: Materials of the XIII International scientific research conference (Moscow, 28–29 Jan. 2016)*, Moscow.

Rarog, A. I. (ed) 2008, *Handbook of judges in criminal cases*, Moscow.

Pankratov, M. V. 2013, 'Features of crime commitment in group with the person not subjected to criminal liability', *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation*, no. 4(36), pp. 62–67.

Rarog, A. I. & Stepalin, V. P. 2002, 'Judicial discretion in imposition of punishment', *State and Law*, no. 2, pp. 36–42.

Rarog, A. I. 2015, *Problems of qualification of crimes according to subjective signs*, Moscow.

Sabirov, R. D. 1981, *Criminal law against a violent group crimes: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Sverdlovsk.

Sungurova, O. F. 2004, *Intensification (aggravation) of criminal punishment: problems of differentiation and individualization: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Kazan.

Kozochkin, I. D. (ed) 2010, *Criminal law of foreign states. General and special parts*, 3d edn, Moscow.

Lopashenko, N. A. (ed) 2015, *Criminal law of Russia. General part*, 2 vols, vol. 2, Moscow.

Korobeev, A. I. (ed) 2011, *The doctrine of punishment in Russian criminal law*, Vladivostok.

Frolov, A. S. 1969, *Complicity in the crimes of minors: Candidate of Juridical Sciences dissertation abstract*, Sverdlovsk.

Stanislav Vladimirovich Druzhinin, Director of affiliated institution training center, Federal Antimonopoly Service, Moscow, Russian Federation, e-mail: fems@fas.gov.ru

DOCTRINAL APPROACH TO THE DETERMINATION OF CRIMINAL LIABILITY MEASURES FOR MONOPOLIST ACTIVITY IN THE ECONOMIC SPHERE

Recommended citation

Druzhinin, S. V. 2018, 'Doctrinal approach to the determination of criminal liability measures for monopolist activity in the economic sphere', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 70–75.

Abstract. Entry of Russia into the World Trade Organization as well as the prolongation anti-Russia economic sanctions has demonstrated the importance of competitive relations protection for the development of national economy and general welfare of Russian citizens. This problem appeared repeatedly during the modern Russian history. However, adoption of complex enactments for freedom of competition, for clampdown on monopolies and other business entities, having the economic supremacy, is not enough. Passed by the President of the Russian Federation in December 2017 the National competition development plan in the Russian Federation for the period 2018–2020 contains the variety of strategic directions for economic

relations development for the purpose of competitiveness provision of domestic products on the international markets. The achievement of this purpose is possible in the case of the positive solution of problems one which is the effective protection of freedom of economic competition by legal means of criminal law regulations.

Existing Criminal law contains the unstructured set of types of punishment; their imposition is possible for the commission of crimes in the economic sphere. During practical application of these punishments it can often occur that a person found guilty of a crime does not experience the obligatory negative consequences in the form of deprivation and restrictions of freedom and rights, which reveal the essence of criminal punishment. Such situation on the regular basis causes the negative results: crimes in economic sphere become profitable illegal activity, and the absence of severe measures for crimes commission provided by Criminal law contributes to new crimes committed by businessmen, which include competition freedom restriction.

In regard to adoption of criminal law sanctions for economic crimes Criminal law discipline doesn't present the systematic approach to different types of punishment which can provide the economic crime prevention. Many authors incline to an idea of liberalization of criminal responsibility which is implemented to white-collar crimes. In this regard, the dominant types of criminal penalties imposed for violation of the freedom of competition, as well as many other crimes in the field of economic activity, is proposed to be a fine and deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities.

In the article the author proves the necessity to impose the more severe penalties, including social isolation, for some economic crimes which present the threat to the national security of Russia. The crime stipulated in article 178 "Restriction of competition" of the Criminal Code of the RF is referred to such types of crimes.

Keywords: national plan of competition development, crimes encroaching on competition freedom, monopoly activity, criminal penalty, liberalization of criminal responsibility, sanction of Criminal law.

References

Gorodnova, O. N. 2012, 'Sanctions for economic crimes in the context of establishment of the new legislative policy of justice', *Business security*, no.3, pp 30–32.

Zorin, A. 2018, 'From the national competition development plan to the transnational cartel control', *Competition today*, no.1, pp. 4–5.

Zorin, A. & Dadasheva, A. 2018, 'Prevention and protection as the barriers for legislation breach', *Competition today*, no.1, pp 37–43.

Korobeev, A. I. 1987, *Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization*, Vladivostok.

Kruglikov, L. L. 2010, 'On the possible positions of court based on the higher and minor penalty of the same clause', *Problems of the theory of the criminal law: featured content 2000–2009*, Yaroslavl, pp. 333–343.

Lapina, M. A. 2015, 'Optimum methods of legal drafting methodology providing approval for the system of legal sanctions of tort and criminal laws', *Administrative and municipal law*, no. 6, pp. 575–581.

Lapshin, V. F. 2016, 'Criminal penalty for financial crimes', *Criminal law and Criminology library*, no. 5, pp. 158–165.

Lapshin, V. F. 2016, 'Differentiation means of responsibility in the new criminal law doctrine', *Man: crime and punishment*, no. 3, pp. 105–109.

Korobeev, A. I. (ed) 2008, *Comprehensive study of Criminal law*, 5 vols, vol. 1, *Crime and punishment*, St. Petersburg.

Khutov, K. M. & Lopashenko, N. A. (ed) 2007, *Criminal monopoly: criminal and political and criminological research*, Moscow.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Sergey Valentinovich Garnik, Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Scientific Worker, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru;

Vera Aleksandrovna Kazakova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Criminal law disciplines Department, Moscow State Linguistic University, e-mail: Vera1313@yandex.ru

PENAL POLICY IN THE SPHERE OF LABOR ORGANIZATION OF THE PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

Recommended citation

Garnik, S. V. & Kazakova, V. A. 'Penal policy in the sphere of labor organization of the persons sentenced to imprisonment', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 76–83.

Abstract. In the article the author demonstrates the modern condition and dynamics of the involvement of convicted to imprisonment persons (differentiated by gender) to labor, considers the forms of labor process organization, industry classification of production, salaries for convicts labor, the perspectives for improving the situation by means using of convicts labor on the basis of statistical data of Federal penal service and of the results of the prisoners census.

Keywords: criminal penal policy, labor of persons convicted to imprisonment, forms of labor process organization, industry classification of production, salaries, principles of labor process organization.

References

Gubenko, A. 2005, 'Labor regulation of convicted to imprisonment persons', *Legality*, no. 11, pp. 49–51.

Yemelyanova, E. V. 2017, 'Legal causation of the convicts labor content', *Penal law*, vol. 25(1–4), no. 2, pp. 158–163.

Yemelyanova, E. V. 2017, 'Educational meaning of compulsory labor in the places of confinement: problems and ways of solutions', *Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 2(43), pp. 17–21.

Karpov, E. S. 2016, 'Separate problems of legal regulation and organization of labor of convicts sentenced to imprisonment', *Legal support of the activity of bodies and institutions of the penal system as subjects of private law relations: Materials of inter-institutional scientific research conference*, Vladimir, pp. 51–57.

Smirnov, L. B. 2011, 'Problems of modern penal and penitentiary policy', Komissarov V. S. (ed), *Criminal law: origins, fundamentals, transfer to stable development: Materials of the VI Russian Congress on Criminal Law, 26–27 May 2011*, Moscow, pp. 539–543.

Malinin, V. B. 2014, 'Why not to pay the criminals for their crimes?', Komissarov V. S. (ed), *Criminal law in the epoch of financial and economic changes: Materials of the IX Russian Congress on Criminal Law 29–30 May 2014*, Moscow, pp. 334–338.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Aleksander Mikhailovich Kiselev, Doctor of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Professor of Mobilization and Tactical training Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kamkis@bk.ru;

Vladislav Aleksandrovich Korolev, Candidate of Engineering Sciences, Head of Mobilization and Tactical training Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: korolewlad@yandex.ru

ON THE ACTIVITY SPECIFICS OF BODIES AND ESTABLISHMENTS OF THE FEDERAL PENAL SERVICE IN CASES OF CRIMINAL EMERGENCY

Recommended citation

Kiselev, A. M. & Korolev, V. A. 2018, 'On the activity specifics of bodies and establishments of the Federal penal service in cases of criminal emergency', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), no. 1, pp. 84–87.

Abstract. In the article the activity specifics of bodies and establishments of the Federal penal service in cases of criminal emergency are revealed.

The application of forces and means of institutions and bodies of the penal system in order to solve problems in such conditions is based on their purpose peculiarities taking into account the professional activities specifics of the of particular services. The scope and conditions of application of the services depend on the extent of the emergency situation and subsequent development of events.

Temporary restrictions on the penal system personnel activities in case of criminal emergency are dependent on time of their consequences elimination and can take from 1–2 hours to several weeks and sometimes months.

In the article the authors suggest an approximate algorithm of organizational actions to the head of a correctional institution) in emergency circumstances which includes: notification and arrangement of meeting with personnel; work organization of the operational headquarters; transfer of available information to the higher penal system bodies and interconnected services; execution of primary organizational, operational, investigative and other activities; the collection of further data and determination of additional sources and ways of its obtaining; determination of main efforts concentration for the actions of the available forces and means; the organization of interaction for the purpose of other power structures application, as well as involvement of citizens from the local population; the overall provision and implementation of security measures.

The effectiveness of the bodies and institutions of the penal system in carrying out complex professional tasks arising in the course of criminal emergencies depends on the skillful use of different tactical special methods of activities.

Keywords: emergency, phenomena of criminal nature, specifics of personnel management, application of forces and means, complication of tactical situation, tactical special methods of activities.

Nikolay Victorovich Ankudinov, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Head of Physical Training and Sports Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ankudinov.nik@list.ru;

Aleksandra Anatolievna Zharkikh, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of General Psychology Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: fonya_02@mail.ru;

Aleksey Victorovich Fomichev, Senior lecturer of Physical Training Department, Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, Vologda, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

Kurzhev Uali Ramazanovich, Honored master of sports of Russia in Sambo, lecturer Physical Training and Sports Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation

PRACTICE-ORIENTED TRAINING AND A PROFESSIONALLY ORIENTED PHYSICAL TRAINING IN THE EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA

Recommended citation

Ankudinov, N. V., Zharkikh, A. A., Fomichev, A. V. & Kurzhev, U. R. 2018, 'Practice-oriented training and a professionally oriented physical training in the educational institutions of the Federal penal Service of Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 88–91.

Abstract. The study of subjects "Physical Training" and "Applied physical training" considers psychophysical potential development of future officers of the Federal Penal Service and seeks to assist the adaptation process for official activities. Practice position "Polygon" operates in the Academy of the Penal Service of Russia in order to implement practice-oriented approach. It enables to simulate the real extreme situations in the limited space which can happen during the official activities of the officers of the Federal Penal Service of Russia. The classes in the practice position play the most important role in the study process of disciplines "Physical Training" and "Applied physical training".

Keywords: physical training, practice-oriented training, professionally oriented training, adaptation for official activities.

References

Ankudinov, N. V., Zharkikh, A. A. & Truntyagin, A. A. 2015, 'Psychological peculiarities of cadets sportsmen', *Man: crime and punishment*, iss. 3 (90), pp. 200–205.

Bovin, B. G., Kokurin, A. V. & Krasov, D. A. 2010, 'Professional success forecasting of special purpose department officers of the Federal Penal Service', *Psychological issues of extreme situations*, no. 2, pp. 18–47.

Kazberov, P. N. et al. 2008, *Psychological provision conditions of special purpose departments, convoy departments, security departments of penal institutions and remand prison*

centers of the federal penal service of Russia: analyst review, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow.

Matveyev, L. P. 2005, *The general sport theory and its application aspects*, St. Petersburg.

On the Approval of Physical training instructions for officers of the penal service of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 12 November 2001, No. 301.

Physical training in the higher educational establishments 2014, 2 vols, Ryazan.

Andrey Vladimirovich Kuchnev, Graduated student of Training of Research and Educational personnel Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kuav64@mail.ru;

Muslim Abdulzhabarovich Yunusov, Candidate of Juridical Sciences, Senior lecturer of Civil law and Civil procedure Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: imuslimus@icloud.com

LEGAL PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE FEDERAL PENAL SERVICE OFFICER'S ACTIVITIES

Recommended citation

Kuchnev, A. V. & Yunusov, M. A. 2018, 'Legal psychology of professional legal consciousness in the Federal penal service officer's activities', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), no. 1, pp. 92–99.

Abstract. Professional activity of the officers of the Federal penal service influences on their legal reality perception. In addition to the legal ideology expressed in significant amount of information, including false, legal psychology is outlined in the structure of legal consciousness.

The legal guidelines formed by the FSIN of Russia employees motivate it to extravert certain cases of behavior that are in relationship with the environment and are affected by legal socialization. In the article the author attempts to systematize elements of legal psychology. The author proves the positive vector of professionalization of penitentiary legal consciousness in the course of achieving high standards of the penitentiary officer activity and in the course of solving problems of law enforcement practice.

Keywords: motivation, legal psychology, legal intensions/sentiments, legal perception, professional legal consciousness, decision, officer of the Federal penal service, senses, axiological and value oriented relations, emotions.

References

Groshev, A. V. 1995, *Professional legal consciousness of the officers of the internal affairs bodies (determination, functions, formation problems)*, Yekaterinburg.

Zhalinsky, A. E. 1989, *Socio-legal thinking: problems of crime prevention*, Moscow.

Maklakov, A. G. 2014, *General Psychology*, St. Petersburg.

Magdenko, A. D. & Yunusov, A. A. 2006, *Human rights: International Standards and legal consciousness of the officers of the internal affairs bodies (theory and practice)*, Chelyabinsk.

Nurkova, V. V. & Beresanskaya, N. B. 2015, *General psychology*, 3d edn, Moscow.

-
- Ratinov, A. R. 1977, 'Legal consciousness structure and some research methods', in *Methodology and methods of social psychology*, Moscow.
- Sapun, V. A. 1984, *Socialistic legal consciousness and realization of Soviet Laws*, Vladivostok.
- Stolyarenko, L. D. 2013, *Psychology*, St. Petersburg.
- Chalkov, S. O. 2008, *Professional deformation of legal consciousness of military personnel in the state security service of the Federal bodies: Candidate of Juridical Sciences dissertation*, Rostov-on-Don.
- Chefranov, V. A. 1976, *Legal consciousness as the social species: philosophical methodological essay*, Kiev.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов.

Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество (для статей на русском языке обязательна транслитерация ФИО авторов) приводятся полностью, без сокращений. Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО во всех статьях автора. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

ORCID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ORCID.

ResearcherID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ResearcherID.

Контактная информация (обеспечивает связь любого желающего с автором): e-mail – публикуется в журнале; мобильный телефон – для связи редакции с автором, не публикуется, третьим лицам не передается.

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов (2000–4000 печатных знаков с пробелами), определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Не допускаются нерасшифрованные аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний (не более чем из 3 слов). Перечень основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы. Должен отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами.

Структура. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction) – актуальность

темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановка проблемы, формулирование цели и задач исследования; методы (Materials and Methods) – детальное описание методов и материалов исследования, схем экспериментов, а также информационной и теоретической базы исследования; результаты (Results) – фактические результаты исследования (текст, таблицы, графики, диаграммы, фотографии, рисунки); обсуждение (Discussion) – интерпретация полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; обобщение результатов исследования; предложения по практическому применению результатов исследования и т. д. Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Интервал – 1,5 (полуторный). Выравнивание текста – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру. Выделения в тексте – курсив.

Рисунки, графики, схемы, диаграммы, фотографии располагаются по тексту, нумеруются и подписываются (Рис. 1. Название), на них обязательно делаются ссылки в тексте (рис. 1). Исполняются в черно-белом цвете, должны быть контрастными и четкими (разрешение изображений не менее 300 dpi). Если иллюстрации не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Таблицы создаются в текстовом редакторе MS Word. Должны быть озаглавлены и пронумерованы. В тексте обязательны ссылки на таблицы (табл. 1). Если таблицы не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Формулы выполняются при помощи редактора формул MS Equation. Формулы располагаются по центру колонки без отступа, их порядковый номер указывается в круглых скобках. Единственная в статье формула не нумеруется.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Не допускается избыточное и необоснованное цитирование. Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление:

для статей на английском языке – Гарвардский стиль цитирования (Harvard Referencing Style);

для статей на русском языке – по ГОСТ Р 7.05-2008.

Образец для статей на русском языке:

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2017. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2017).

Источники приводятся в порядке их цитирования в тексте (не по алфавиту) и не повторяются. У научных статей и частей из книг обязательно указывается интервал страниц (С. 54–59), а у монографий, учебников и пр. – общее количество страниц в издании (542 с.).

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *С. А. Сильянов*

Компьютерная верстка *Т. А. Ключникова*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.03.2018. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 7,50. Усл. печ. л. 6,97. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1